

В.Е. Маковский. Ночное. 1879. Холст, масло

Геннадий МАЙОРОВ
председатель Орловского регионального отделения
Союза российских писателей

Удивительный и неповторимый XIX век. Как много звёзд на его литературном небосклоне: Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, А.А. Фет, Ф. И. Тютчев, Н.С. Лесков, А.Н. Островский, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов. В их сиянии не померкло ещё одно светило – И.С. Тургенев. Его имя вспоминается при попытке найти символ того лучшего, что дало русское дворянство: высокую культуру, душевное благородство и необыкновенную любовь к родной земле. Писатель обладал огромным талантом и редкой целостностью личности. Значение его для русской культуры XIX и XX веков трудно переоценить. Являясь одной из центральных фигур в литературно-общественной жизни России XIX века, И.С. Тургенев стал первым русским писателем, получившим мировую известность. Его непререкаемый авторитет в европейских литературных кругах и обширные культурные связи открыли «окно в Европу» и всей русской литературе, которая стала восприниматься западным читателем во всём её национальном своеобразии. Произведения И.С. Тургенева всегда были теснейшим образом связаны с современностью, с насущными вопросами русской действительности. Творчество писателя, влившееся в полноводную реку искусства прошлых столетий, стало своеобразной художественной летописью, запечатлевшей жизнь России в переходный исторический период. Для каждого читателя наследие И.С. Тургенева и по сей день остаётся единственным свежим незамутнённым источником. Такие родники, питающие собой корни любви и красоты, не боятся времени и не иссякают.

Иван Сергеевич Тургенев – русский писатель, поэт, переводчик; член-корреспондент императорской Академии наук по разряду русского языка и словесности (1860). Выдающийся мастер языка, стиля, психологического анализа, описания картин природы оказал большое влияние на русскую и мировую литературу.

В цикле рассказов «Записки охотника» (1847–1852) показал высокие духовные качества и одарённость русского крестьянина, поэзию природы. В социально-психологических романах «Рудин» (1856), «Дворянское гнездо» (1859), «Накануне» (1860), «Отцы и дети» (1862), повестях «Ася» (1858), «Вешние воды» (1872) созданы образы уходящей дворянской культуры и новых героев эпохи разночинцев и демократов. Созданные им образы самоотверженных русских женщин обогатили литературоведение термином «тургеневские девушки». В романах «Дым» (1867) и «Новь» (1877) изобразил жизнь русских за границей, народническое движение в России. На склоне жизни создал лирико-философские «Стихотворения в прозе» (1877–1882), в которых представлены все основные темы его творчества, а подведение итогов происходит словно бы в присутствии близящейся смерти...

Сегодня мы дебютируем новым альманахом, который объединил под своей обложкой произведения орловских писателей. Особенно важно, что рождение «Тургеневского бережка» произошло в год 200-летия нашего знаменитого земляка Ивана Сергеевича Тургенева. И это, естественно, накладывает на всех нас особую ответственность. Ведь мало знать и почитать классика, которая является ориентиром для всех, кто посвятил свою жизнь литературе. Мало пропагандировать «великий и могучий», тем более в наше суетное, во многом противоречивое время, когда современные средства коммуникаций практически отвадили молодое поколение от книжного чтения, от глубокого осмысления происходящих в обществе процессов. Надо попытаться вернуться к своим нравственным истокам, понять, что литература и история тесно переплетены, и наши предшественники не просто оставили нам в наследство поучительные истории, но и в своих повествованиях оберегали генетическую мудрость русского народа, при этом призывая быть милосердным и стойким, особенно в лихую годину. И, конечно же, любить и защищать своих близких, свою семью, свою Родину.

Издесь как нельзя кстати вспомним изречение И.С. Тургенева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись. Горе тому, кто это думает, вдвойне горе тому, кто действительно без неё обходится».

Будем же творить во благо, храня в душе образ нашего великого земляка.

Знакомьтесь:

5,9 Вячеслав МИТРОХИН	В гости к Тургеневу
6 Александр МУРОМСКИЙ	Я искренне люблю свой город
10 Дмитрий ПОРУШКЕВИЧ	А под нами – глубина...
14 Валерий ПРОТАСОВ	Последнее лето
22 Павел КРУГ	Лишь шёпот угля...
23 Анастасия АГОШКОВА	Ангелы за спиной
24 Валерий АНИШКИН	Василина
30 Леонид АГИБАЛОВ	Приобретения
34 Людмила ИВАНОВА	Одноворцы Овсяниковы
40 Ирина ЛЮБИМЦЕВА	Зеркало в оправе серебра
41 Людмила УСПЕНСКАЯ	Вечный свет нам ярко
42,45 Геннадий МАЙОРОВ	Сосед; Паллитрыч
48 Евгений КРАСНИКОВ	Ночь наполнена грустью и скукой
50 Владимир САМАРИН	Бабыя слобода
56 Николай КАЛИНИН	Уездный подряд
58 Игорь ЗОЛОТАРЁВ	Путешествие с Робертом Дессе к Тургеневу
62 Михаил КОНЬШИН	Джумбо
64 Ольга СОКОВА	Мои любимые деревья

ISBN 978-5-86843-075-6

Альманах «Тургеневский бережок» № 1-2018

Учредитель и издатель: РИФ «3-е ИЮЛЯ»
(г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

тел. 8-910-305-91-73

Главный редактор – Геннадий МАЙОРОВ

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать: 28.04.2018 г. Выход в свет: с 05.05.2018 г.

Тираж 500 экз. отп. на базе издательства

«3-е ИЮЛЯ» в ПК Медиа Группы «Дворянское гнездо»
(г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Цена свободная

16+

Виталий Анатольевич РЫБАКОВ,
депутат Орловского областного
Совета народных депутатов

www.виталий-рыбаков.рф

Ещё в 1860 году известный публицист Н.А. Добролюбов в своей работе «Когда же придёт настоящий день?» заметил: «Он (Тургенев) быстро угадывал новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание, и в своих произведениях неизменно обращал... внимание на вопрос <...>, уже смутно начинавший волновать общество <...>. Этому чутью автора к живым струнам общества, этому умению тотчас отозваться на всякую благородную мысль и честное чувство, только ещё начинающие проникать в сознание лучших людей, мы приписываем значительную долю того успеха, которым постоянно пользовался г-н Тургенев в русской публике <...>. Не бурная, порывистая сила, а напротив – мягкость и какая-то поэтическая умеренность служат характеристическими чертами его таланта».

Нам ещё долго предстоит восхищаться прозорливостью и политическим чутьём нашего великого земляка, самолично познавшего все проблемы и болевые точки общества. И нам предстоит, следуя его заветам, постараться сделать нашу жизнь более светлой и счастливой.

С юбилеем!

Уважаемые читатели альманаха!

Поздравляю вас с 200-летием со дня рождения нашего земляка, великого писателя мирового уровня Эвана Сергеевича Тургенева.

Сегодня, когда мир западной антикультуры продолжает оказывать своё пагубное влияние на умы наших сограждан, особенно погратающего поколения, так важно нам не забыть и не утратить то, что было создано подлинно русскими гениями.

За последние несколько десятков лет наше государство из когда-то самого читающего и духовного превратилось в общество потребления, где главным критерием жизненного успеха считается только материальное благополучие. Поэтому так важно знать и изучать творчество Эвана Сергеевича Тургенева, этого великого певца подлинной человеческой красоты, выражающейся прежде всего в красоте души. Так случилось, что свою жизнь Тургенев разделил между Россией и Европой, но его творчество до последней строки принадлежало всегда только России. Жаль, что современные либеральные писатели, обращая свои взоры на Запад и призывая нас, русских людей, идти чуждым нашей духовно-культурной традиции путём, забывают те прекрасные уроки подлинного патриотизма, которые дал Эван Сергеевич Тургенев в своих произведениях.

Будем верить, что выход в свет данного альманаха послужит делу сохранения подлинной красоты писательского слова, пробуждающего всё прекрасное в человеческих душах.

Глава Орловской Митрополии
Митрополит Орловский и Болховский

АНТОНИЙ

МНЕ ЖАЛЬ...

Мне жаль самого себя, других, всех людей, зверей, птиц... всего живущего.

Мне жаль детей и стариков, несчастных и счастливых... счастливых более, чем несчастных.

Мне жаль победоносных, торжествующих вождей, великих художников, мыслителей, поэтов.

Мне жаль убийцу и его жертвы, безобразия и красоты, притеснённых и притеснителей.

Как мне освободиться от этой жалости? Она мне жить не даёт... Она, да вот ещё скука.

О скука, скука, вся растворённая жалостью! Ниже спуститься человеку нельзя.

Уж лучше бы я завидовал, право!

Да я и завидую – камням.

Февраль, 1878

www.orel.ranepa.ru

Павел Александрович МЕРКУЛОВ,
директор Среднерусского института управления
(филиал РАНХиГС),
доктор исторических наук

Для каждого жителя Орловщины имя Эвана Сергеевича Тургенева во многом является путеводной звездой в нашей исторической реальности.

Великий писатель и гражданин оставил после себя не только бесценное литературное наследие, но и свои прогрессивные мысли, во многом актуальные и сегодня.

Об этом замечательно сказал американец Джон Риг: «Огромный интерес, вызванный произведениями Тургенева в России, объясняется в значительной мере тем, что во всех них затронуты политические вопросы, тем, что они, при всём их художественном совершенстве и изяществе формы, отличаются ярко выраженной пропагандистской направленностью, наконец, тем, что в них ставятся жгучие вопросы современности».

А мне хочется, чтобы юбилейный год был насыщен как можно большим количеством ярких и познавательных мероприятий, посвящённых жизни и творчеству А.С. Тургенева.

В первую очередь – для нашей молодёжи.

В ДОРОГЕ

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далёкое,
Слушая ропот колёс непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.
Ноябрь, 1843

БРОЖУ НАД ОЗЕРОМ

Брожу над озером... туманны
Вершины круглые холмов,
Темнеет лес, и звучно-странны
Ночные клики рыбаков.

Полна прозрачной, ровной тенью
Небес немая глубина...
И дышит холодом и ленью
Полузаснувшая волна.

Настала ночь; за ярким, знойным,
О сердце! за тревожным днём, –
Когда же ты заснёшь спокойным,
Пожалуй, хоть последним сном?
1844

В гости к Тургеневу

Фоторепортаж Вячеслава Митрохина

Я искренне люблю свой город

– Александр Сергеевич, город Орёл для Вас родной?

– Да, я коренной орловец, это мой родной город. Мои родители также коренные жители. Я в Орле родился, учился, тружусь, женился. Начиная учиться в 20-й школе, а затем, когда родители переехали на новое место жительства, – в 34-й. После школы поступил в Орловский государственный технический университет на факультет транспорта и строительства. Продолжил обучение в аспирантуре, защитил диссертацию, стал кандидатом технических наук. Первым моим местом работы стал «Орёлгосзаказчик», куда я пришёл в 2000-м году и проработал до 2009 года. Затем меня пригласили в Департамент строительства, транспорта, ЖКХ на должность начальника управления. В 2012 году, когда в Орле поменялось руководство, мне предложили должность заместителя главы администрации города. Вот с тех пор я занимаюсь городскими проблемами.

– Расскажите о своей семье.

– Я женат, у нас двое детей. Дочь учится в школе, сын ходит в детский сад. По материнской линии семейные корни уходят в Хотынецкий район, ныне всем хорошо известный посёлок Жудрё. Очень люблю это место, связанное со счастливыми детскими воспоминаниями. Все летние каникулы я проводил у бабушки в этом красивейшем уголке. Как раз в тех местах, где когда-то охотился наш выдающийся земляк Иван Сергеевич Тургенев. И сегодня с удовольствием там бываю. На новогодних выходных пробыли с семьёй в Полесье три дня, именно там мне лучше всего отдыхается.

– Александр Сергеевич, как коренному жителю Орла вам, наверняка, хорошо известны не только его достопримечательности, но и болевые точки. Не страшно было принимать ответственный пост главы администрации, зная, какие проблемы в Орле накопились?

– Я, скорее, испытал не чувство страха, а чувство ответственности. Ведь здесь живут и мои родственники, и мои друзья, меня очень многие знают и я знаю очень многих. И мне очень важно, как они оценивают мою работу, стараюсь жить и работать так, чтобы, как говорится, не приходилось

при встрече отводить глаза.

– Многие проблемы достались вам по наследству...

– Я знал, на что шёл. Не хочу ни на кого перекладывать ответственность, тем более что многие наши старые проблемы имеют объективные причины. Да, нынешний бюджет очень сложный, на решение всех задач денег не хватает. Но это не значит, что мы должны расписаться в собственном бессилии и перестать развивать свой город. Ищем нестандартные управленческие решения, делаем всё возможное для пополнения доходной части бюджета, включаем различные механизмы экономии. И даже на таком сложном финансово-экономическом фоне у нас есть успехи и подвижки.

– К слову, обрисуйте социально-экономическую ситуацию в городе.

– Ну, к примеру, приведу цифры, которые говорят сами за себя. Так, в прошлом году оборот крупных и средних организаций города Орла по всем видам экономической деятельности составил 159,2 млрд. рублей, темп роста 102,3% к 2016 году. Крупными и средними предприятиями и организациями получено 7,3 млрд. рублей прибыли, на 15,5% больше, чем в 2016 году; среднемесячная заработная плата увеличилась на 5,6%, составив 29,6 тысячи рублей.

От налогоплательщиков города Орла в бюджеты всех уровней поступило 16,0 млрд. рублей налогов и сборов, на 9,9% больше, чем в 2016 году. Из них в бюджет города поступило 1,6 млрд. рублей – на 1,6% меньше, чем в 2016 году. Расширилась деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства: их количество увеличилось за 2017 год почти на тысячу, составив на конец года 14,9 тысяч единиц.

– Город находится на пороге двух памятных дат – 200-летия И.С. Тургенева и 75-летия освобождения Орла от оккупантов. Какие в связи с этим у вас планы?

– В этом году мы усилили роль горожан в определении первоочередных общественных мест, требующих совместных усилий для приведения их в порядок. Провели конкурс, на котором жители города определили три площадки: продолжение благоустройства бульвара Победы, парка «Ботаника»,

Фото Виктора Дышленко

а также обновление «Тургеневского бережка» с памятником И.С. Тургеневу. В этом году начнём реконструкцию городского парка. На очереди – сквер «Орлёнок», Дворянское гнездо, сквер в районе больницы Семашко и площадь Юности, территория напротив спортивного центра «Атлант». В перспективе – реконструкция Красного моста и моста Дружбы. Сейчас идёт работа по разработке проектно-сметной документации, после чего подадим заявку в «Росавтодор», чтобы нам выделили деньги. А это ни много ни мало – 1 миллиард рублей. Красный мост планируется расширить на пять с половиной метров, при этом сохранив его исторический облик.

– Будем надеяться, что многое из задуманного осуществится, и большинство исторических мест получит второе рождение. Кстати, а у вас есть в Орле любимые места?

– У меня много мест, которые ассоциируются с разными этапами моей жизни. И все они по своему дороги. Если говорить о детских годах, то это – Медведевский лес, где занимался лыжным спортом, в ДК «Металлург» ходил в шахматную секцию. Все эти воспоминания вызывают ностальгию.

– А ваши дети как воспринимают город, где живут?

– Я стараюсь воспитывать своих детей в духе патриотизма, придерживаясь девиза: «Знай и люби родной край!». Естественно, мы все гордимся своими знаменитыми и талантливейшими земляками, писателями-орловцами, чьи произведения стали достоянием мировой культуры – И.С. Тургеневым, Л.Н. Андреевым, Б.К. Зайцевым, а также историком Т.Н. Грановским, полярным исследователем В.А. Русановым. В Орле, напомню, жили, учились и работали писатели Н.С. Лесков, И.А. Бунин, Ф.Д. Крюков,

Марко Вовчок, П.Л. Проскурин, Н.Н. Бахтин, композиторы М.И. Глинка, А.С. Глуховцев, историки М.К. Лемке, В.С. Сергеев, Л.М. Савёлов, государственные и общественные деятели М.А. Стахович, П.А. Столыпин.

С Орлом связана жизнь героя Отечественной войны 1812 года видного военачальника А.П. Ермолова. Естественно, мои дети будут приобщены к этой культуре и истории.

– А знают ли они о том, что Орёл является «третьей литературной столицей»?

– Дочь знает и Тургенева, и Фета, и Лескова... Пока, в силу возраста, ограничиваемся школьной программой. Сын ещё малыш. Но, думаю, чтение будет для них потребностью. Мы стараемся прививать эту привычку. Несмотря на острый дефицит свободного времени, я при первой же возможности обращаюсь к классике. У меня в кабинете хорошая библиотека – вот, пожалуйста, Чехов, Тургенев...

– Книги, я смотрю, с закладками.

– Конечно, в короткие минуты перерыва стараюсь хоть немного почитать, делаю закладку, но потом обязательно возвращаюсь к этим страницам. Для меня чтение, особенно классики, – ещё и своего рода релаксация.

– А из Тургенева что-то запомнилось?

– Недавно перечитал «Льгов» и «Бежин луг». Мне это всё близко.

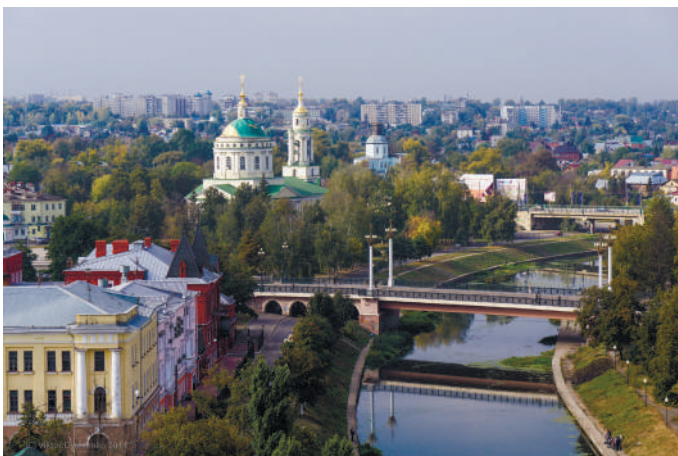
– Как вы считаете, юбилей Ивана Сергеевича Тургенева мы отметим достойно?

– Иначе быть не может. Ведь он же наш земляк, оставивший такое бесценное литературное наследие. Для нас его сохранили старшие поколения, мы должны так же хранить этот бесценный клад и передавать потомкам.

И пользуясь случаем, хочу поздравить всех с приближающимся юбилеем. Это повод лишний раз обратиться к истории, с гордостью вспомнить, что Орёл дал дорогу в жизнь многим талантливым людям!

В редкие минуты отдыха приятно и полезно обратиться к классическим литературным произведениям, которые всегда под рукой

Тургеневский бережок

Николай Александрович ЖЕРНОВ,
руководитель АО «Агрофирма
Миценская»

www.agrofm.ru
тел. (48646) 2-29-42

Эвана Сергеевича каждый из нас знает с детства. И не потому лишь, что в школьную программу были включены его рассказы и повести, и мы их читали, сопереживали его героям. Лично для меня он не просто писатель. Он мой земляк, отсюда, из этих мест – из Миценского края, который он бесконечно любил и прославил в своих произведениях.

Его знаменитую усадьбу Спасское-Лутовиново знают везде, в каждом уголке России, знают в городах Европы, знают в Париже. Сюда отовсюду съезжаются люди, чтобы поклониться этому месту, побродить по тенистому парку, постоять и поклониться знаменитому дубу, который Эван Сергеевич когда-то посадил своими руками и который вот уже почти два столетия является живым свидетелем давно ушедшей от нас тургеневской эпохи.

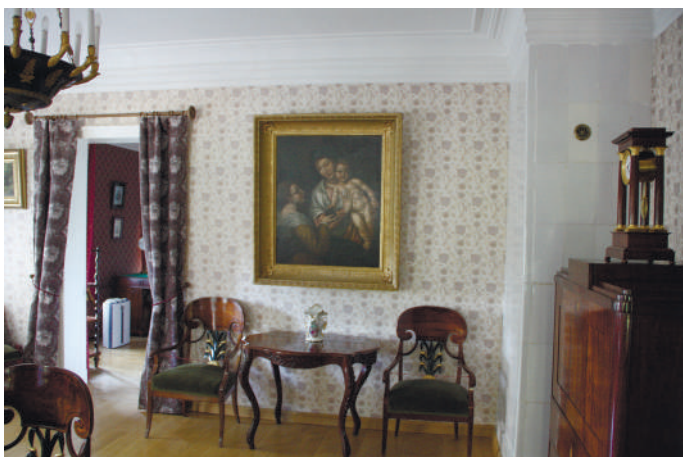
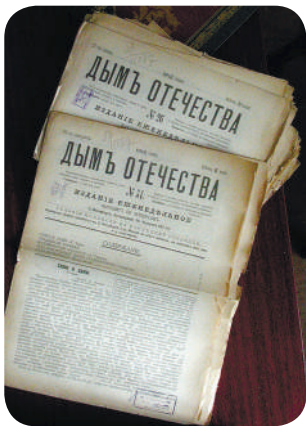
Приезжая сюда, порой за тридевять земель, люди тем самым отдадут дань уважения и памяти знаменитому русскому писателю, знатоку и ценителю природы, её красоты и достоинства. Сердце наполняется гордостью, когда осознаёшь, что именно у нас, на орловской и миценской землях, жил и творил этот замечательный мастер слова, которому даже на чужбине, вдали от Родины, великий и могучий русский язык всегда был надеждой и опорой в минуты тягостных сомнений и переживаний.

К ***

Через поля к холмам тенистым
Промчался ливень... Небо вдруг
Светлеет... Блеском водянистым
Блестит зелёный, ровный луг.
Гроза прошла... Как небо ясно!
Как воздух звучен и душист!
Как отдыхает сладострастно
На каждой ветке каждый лист!
Оглашено вечерним звоном
Раздолье мирное полей...
Пойдём гулять в лесу зелёном,
Пойдём, сестра души моей.
Пойдём, о ты, мой друг единый,
Любовь последняя моя,
Пойдём излучистой долиной
В немые, светлые поля.
И там, где жатва золотая
Легла волнистой полосой,
Когда заря взойдёт, пылая,
Над успокоенной землёй, –
Позволь сидеть мне молчаливо
У ног возлюбленных твоих...
Позволь руке твоей стыдливо
Коснуться робких губ моих...

1844

Дмитрий ПОРУШКЕВИЧ

Дмитрий Павлович Порушкевич родился 27 июля 1938 года в г. Мурманске. В Орле – с июня 1945 года. Окончил машиностроительный техникум, отслужил срочную на Черноморском флоте, поработал конструктором, перешёл в многотиражку, заочно окончил Воронежский университет по специальности журналиста. Работал в орловской молодёжной газете, на орловском телевидении, радио, а последние пятнадцать лет своего сорокалетнего журналистского стажа был главным редактором «Орловского вестника».

В начале 60-х в Орле активно действовал городской Клуб поэзии, в котором Порушкевич подружился с поэтами Анатолием Лесных, Евгением Красниковым, Александром Никитиным. По-разному сложилась в дальнейшем судьба этих людей, но дружба оказалась неизменной.

Творческий взлёт молодых был вызван в те годы не только юным возрастом, а и общим всплеском поэтической активности в стране, не миновавшем и Орёл. Выступления, встречи, диспуты, публикации в газетах. Вскоре у многих собрались рукописи. Дошло дело до книг, и они стали появляться у одного за другим молодых авторов.

Дмитрий Порушкевич публиковался в областных, региональных и международных коллективных сборниках, в региональных и столичных журналах и альманахах, а также в газетах разных уровней: «Орловском комсомольце», «Орловской правде», «Просторах России», «Орловском вестнике», «Мичуринской правде», «Литературной Евразии», журналах «Подъём», «Четвёртая власть», «Новый Орёл», коллективных сборниках «Орёл-город», «Взаимность», «Поэтические параллели» (Болгария), альманахах «Вдохновение», «Поэзия». Стихи Порушкевича стали звучать в радио-эфире.

...Небольшая книжка в три печатных листа «Твои прощания» вышла в 1998 году благодаря усилиям издательства «3-е ИЮЛЯ» и сотрудников редакции газеты «Орловский вестник». Книжке предшествовало небольшое по объёму издание с тем же названием, вышедшее по инициативе друзей в 1995 году в Москве в «Рекламной библиотечке поэзии».

В 2013 году вышли сразу две поэтических книги Дмитрия Порушкевича: «Был так внезапно этот миг» – в издательстве «3-е ИЮЛЯ» и «Поздний листопад» – в Издательском Доме «Орлик».

В 2001 году принят в Союз российских писателей.

С 2001 по 2014 год избирался председателем Орловского регионального отделения СРП.

А ПОД НАМИ – ГЛУБИНА...

ОДИНОЧЕСТВО

Владимиру Ермакову

Когда всё это началось? –
Вот так: вдвоём, и всё же – врозь.
Ты рядом спишь, ты вместе ешь,
а в остальном – сплошная брешь.
О, как ты от всего устал!
Тебе чужды её уста,
чужды слова, чужды глаза.
И возвратить уже нельзя
того, что радостью звалось.
И только – боль, тоска и злость.

Пора решиться, наконец,
сорвать наручники колец
и мучить души перестать.
Ведь ваша связь давно пуста,
и всё меж вами прервалось:
хоть вы – вдвоём, но вы же – врозь.
И ты – один, как сыч в ночи.

А рядом – женщина молчит.

Округа, крадучись, молчит,
боится выдать шорох лишней,
ты остановишься и слышишь –
твоя душа кричит в ночи,

она кричит, она – пуста,
она оставлена любовью,
и ты – наедине с собою,
и жизнь – почти что прожита,

и видишь – быстрая звезда
вниз к горизонту устремилась,
и полыхнула ярким мигом,
и не оставила следа.

Красный... бурый...
Краски бури?
Просто, лист, отшелестев,
ветром сорванный сумбурным
гибло на землю слетел.
Куст калины – воспалённый,
как продрогнувший закат.
И сгребает кроны с клёнов
запоздалый листопад.

Городской забредший житель,
выпавший из суеты,
что здесь растерял, скажи ты,
и обрёл что всеу ты?

И сидит в груди тревога,
и саднит тоска виски,
и колдобины-дороги
скользки, вязки и узки.

А в пустых полях кочуют
зябнущие сквозняки,
да белеют, зиму чуя,
вдалеке березняки.

Геннадью Фролову

Она мне пела
о древней Вологде,
плыл голос сильный и молодой.
И над лицом её
всплывали волосы,
а зори рыжие –
над водой.
И просыпались, светлея,
маковки,
собора праздничность и простота.
И гулкий колокол
века отмахивал,
свой гомон бронзовый
распластав.
Удары плыли,
гудя раскованно,
в них стоны слышались
и голоса,

ступали ссыльные,
брели раскольники,
кто с верой в землю,
кто – в небеса.
Над колокольной
печаль качалась,
и песня таяла
у озерца.
...она не знала
её начала,
она не знала
её конца.
И прислонялась ко мне
усталая,
с тревогой к давнему,
к темноте.
Но утро вспархивало
над устами,
и в сосны торкаясь,
сгорала тень.

Деревушка на холме,
в ней избушек два десятка,
и картофельные грядки
распирают ряд плетней.

А поодаль – лопухи
и колючки, и крапива.
И – оранжевые дива –
горлопанят петухи,

но допёк их солнца шар,
и уходят в тень от зноя
медленно, как с перепою,
крыльев унося пожар.

*Памяти
Леонида Николаевича Афонина*

Разлили вино на асфальте базарном –
бочку, сгружая, вахлак саданул –
и словно кто площадь
ножом
в азарте
полосонул.

Оно разлилось красновато и тало,
и буйный запах

прощальной агонии

дымился.

Казалось, вино вспоминало,

когда оно в гроздьях

солнце глотало,

а после –

касалось девчоночьих голеней:

хмелящие голени

сок выжимали,

на ягодах

пенистых

звонких

плясали.

Вбирая упругость

отчаянных ног,

крепчало вино.

И будущих пиршеств маячили

призраки,

где станет на стол оно,

тостами признано.

СМЕРТЬ ПРОРОКА

Памяти Юрия Казакова

И вот, шагнув через порог,

ко мне является пророк.

В одежде древней, обнищал,

проговорил простудно:

– Вотще я истины вещал.

Не внемлют гласу люди.

Во многих я краях бывал,

глаза на правду открывал.

Но всюду поносили:

«Старо, посол Мессии!».

Устал я. Смертный час настал...

Он отходил, смежив уста.

Над гордою седой главой

я наклонился, слушая,

как долго клокотал глагол

в его груди придуманно...

Потом газеты принесли.

В них некролог печатался –

мол, мы потерю понесли,

по-дружески печалимся,

скорбим и почитаем.

И значились цитаты –

среди словес,

как острова,

его высокие слова.

Памяти Николая Перовского

Уходят шестидесятники –

кто в ранге, кто неоцененный...

Залеченные авиценнами,

уходят шестидесятники.

...в смутную нашу эпоху,

с годов сдувая полосу,

держась до последнего вздоха,

Поэт колдовал над словом.

Он чувствовал – на него

Богово око нацелено,

и слово его панацеею

возвышенной миру дано.

Пляж под солнцем черноморья,

загорелые тела.

Свысока и черноброво

эта женщина звала.

И когда она вдоль пляжа

шла, играя красотой,

сквозь десятки жадных взглядов –

проходила, как сквозь строй.

Ах, как женщина манила,

взор её горел, корил!

Но – вышагивал ревниво

следом муж, как конвоир.

«Что мне, муж, твои ограды?!

В этот бархатный сезон

всё равно тебя ограбят –

я сама скажу: «Сезам...».

Он рыдал, щека дрожала,
клялся: «В порошок сотру!».
В ночь – к спасателю сбежала.
Муж хватился поутру.

Ты появилась из волны
и на берег взошла наядой,
и пронесла надменность взгляда,
как звук натянутой струны.

И догадаться я не мог,
кому из смертных ты – наградой,
и почему ты села рядом
на влажный от волны песок.

И догадаться я не смел,
насколько взгляд твой станет жарким,
насколько вспыхнет ярко
мой тусклый будничный удел.

В баре, где хрипла истошная музыка,
как мне хотелось с тобою остаться!..
Ты появлялась, танцорами узнана,
ты ускользала в празднество танца.
Взгляд на меня
мимоходом скосила
и – понеслась,
удила закусила.
Как ты подвижна!
Как сложена!
Чья ты любовница?
Чья ты жена?
Что ты партнёра
усмешкой спросила?
Что тебе он в этот миг говорит?
Как ты свободна!
Как ты красива!
Как в тебе бьётся раскованный ритм!
Бармен за стойкой
выпялил бельма,
перекрывая динамиком вой,
крикнул с восторгом:
«Женщина-шельма!»,
Музыке в такт закивал головой.
Словно поблѣкли,
словно пропали

рядом с тобою
прочие пары.
Что моя ревность!
Любуюсь тобой.
Прима-танцорка!
Прима-любовь...

Ты подойдёшь после танца ко мне,
кофту со стула возьмёшь,
запыхавшись,
скажешь: «Послушай – внизу у камней
как одиноко море вздыхает...».

Заплывала далеко.
«Догоняй!» – с волны кричала.
Было плыть к тебе легко,
только сердце замирало.

За дозволенность границ
безопасного купанья
заплывали. Был сродни
морю ритму ритм дыханья.

Вырывались из удил
осторожности наивной.
Берег дальше уходил,
ты смелее становилась.

Только взмах руки, как взмах
крыл парящего баклана,
и свободная волна –
ах! –
помощницей была нам.

А под нами – глубина.
А куда плывём, не ведал.
А в твоих глазах – волна,
перемешанная с небом.

Вслед, срывая голоса,
мегафоны донимали.
Что хотят они спасти,
мы с тобой не понимали.

Мы с тобой о них забыли.
Ты потом на берегу
говорила: «Вот заплыли!
Отдышаться не могу».

Валерий ПРОТАСОВ

Валерий Владимирович Протасов. Родился в Москве 1 декабря 1939 года. Окончил историко-филологический факультет Орловского государственного педагогического института по специальности учитель русского языка и литературы. Преподавал в школе, в институте искусств и культуры, работал старшим научным сотрудником в музее И.С. Тургенева и его филиалах. Автор трёх сборников стихов: «В поздний час», «Дальняя дорога», «Мгновенья смутных дней». Член Союза российских писателей. Награждён дипломом конкурса им. М. Цветаевой «За вклад в отечественную поэтическую речь» (2017).

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

(Отрывок из повести)

В повести художественно воссозданы реальные события последнего свидания Ивана Сергеевича Тургенева с Родиной. Страницы книги рассказывают о непростых отношениях великого писателя с его современниками: прославленной европейской певицей Полиной Виардо-Гарсиа и её семьёй, известной актрисой М.Г. Савиной, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским и другими. Автор стремится заглянуть в тайники внутренней жизни героев с их исканиями, сомнениями, трагическими ошибками.

Книга доставит эстетическое удовольствие тем, кому интересно ближе познакомиться с жизнью гения, хотя бы ненадолго погрузиться в исчезнувший мир Парижа, Москвы, Петербурга, Спасского-Лутовинова.

В один из мартовских вечеров 1881 года к особняку на Углу улицы Дуэ и площади Вентимиль близ Белой Заставы в Париже один за другим подкатывали экипажи. Мужчины и дамы, в которых внимательный глаз без труда угадывал людей искусства, поднимались по ступенькам и скрывались за дверью. Медная табличка на ней извещала, что дом принадлежит известному театральному критику господину Луи Виардо. Его супруга, знаменитая в недавнем прошлом оперная певица Полина Виардо-Гарсиа, была душой музыкальных вечеров, которые вот уже несколько лет с неизменным успехом проходили в доме на улице Дуэ.

Вместе с родителями жили их дочери: Клоди с мужем и Марианна, недавно помолвленная с молодым музыкантом. Сын Поль, подающий надежды скрипач и композитор, также не покидал родительского гнезда, хотя в последнее время редко бывал дома, проводя свободные часы в обществе молодых людей весьма вольных нравов и являясь под утро весь пропитанный запахами вина, духов и табака.

Несколько комнат во втором этаже занимал давний друг семьи писатель Иван Тургенев. Родиной его была далёкая Россия, о которой многие парижане имели смутное представление как о стране вечных снегов и морозов, где люди круглый год не снимают шуб, а по улицам, заглядывая в окна, бродят медведи. Легенды окружали имя этого человека. Великий художник слова, к мнению которого прислушивались сильные мира сего, он всегда готов был поднять голос в защиту попранный справедливости, помочь нуждающимся, отозваться на слёзы несчастных. Все знали, что книги его способствовали падению рабства в России. Его окружал ореол пострадавшего из-за политических преследований, сопровождали слава, восхищение одних и ненависть других.

Самая внешность этого человека была не вполне обыкновенной. Высокого роста, богатырского сложения, в серебряном ореоле кудрей и бороды, с лицом, освещённым внутренним светом мудрости, он напоминал ожившего патриарха забытых лучших времён. Его дар рассказчика в соединении с изысканной французской речью, смелый и необычный способ суждения изумляли и часто приводили собеседников в

восторг. А добродушие, открытость и пленительная мягкость в обращении оживляли канувшую в прошлое эпоху галантности и прибавляли к его облику то, что называлось «славянским шармом». При всём том держался он просто, всегда оставаясь самим собой и нисколько не стремясь походить на истого парижанина, хотя имел на это гораздо больше прав, чем многие из его соотечественников, не чуждых этой слабости.

Несмотря на то, что дом находился чуть ли не на самой городской окраине, его часто и охотно посещали музыканты, писатели, артисты. Однако богемной распущенности вход сюда был заказан. Здесь царил дух служения музам, которое, как известно, «не любит суеты». Каждый работал, принося на алтарь своего нелёгкого ремесла плоды неустанных трудов. И встречи были радостными свиданиями людей, целиком погруженных в творчество.

Вот и сегодня Виардо принимали гостей. Ждали Тургенева. Но он как исчез с утра, так до сих пор и не появлялся. Шёл девятый час вечера. Госпожа Виардо дважды присылала узнать, не вернулся ли месяц. Молодой и весёлый камердинер по имени Франсуа каждый раз разводил руками, вздыхал, пожимал плечами: «Voilà! Весна!».

Весна и в самом деле была в разгаре. Волшебная парижская весна, от которой хмелеют даже крепкие головы. Серая зимняя дымка, окутывавшая город, поредела. Небо прояснилось. В промытом первыми весенними дождями воздухе отчётливее и резче проступали очертания зданий. Купола соборов сияли почти первозданной чистотой. Аромат фиалок смешивался с запахами жаровен и шоколада, льющих из окон кофеен. Нежной зеленью дымились каштаны. Из-под земли пробивалась молодая травка. Свежие маркизы белели над витринами магазинов, лавочек, бистро. Над уличными кафе ветер играл полотнищами ослепительно белых летних тентов. Повсюду открывались увеселительные заведения. Вереницы экипажей потянулись к Булонскому лесу. Улицы были полны народа. Появлялись и исчезали цилиндры, береты, дешёвые шляпки с поддельными перьями. Люди были одеты по-весеннему, и было много весёлых лиц.

Беспокойство овладевало Парижем. Даже бойкие столич-

ные газеты, не оставлявшие без внимания ни одного сколько-нибудь заметного события, и те, казалось, надали жару. Колесо парижской жизни завертелось с головокружительной быстротой. Вздоханное дыхание города проникало и на тихие окраинные улицы.

Малиновый шар солнца нехотя сползал за красные черепичные крыши домиков предместья, оставляя на кровлях и стёклах окон густой весенний огонь. Запад был охвачен угасающим пламенем, но восточный склон неба уже бледнел. Внизу между домами ложились тени. Зато вдаль, над центром Парижа, разгоралось зарево вечерних огней.

В ожидании господина камердинер вышел на крыльцо.

– Вечерние новости! Вечерние новости! – пробегая, выкрикивал мальчишка-газетчик.

Франсуа окликнул его. Переворачивая страницы газеты, краем глаза не переставал следить за тем, что делалось вокруг. Фыркая от смеха и подталкивая одна другую локтями, пробежали две девушки-работницы; франтики прошли, помахивая тросточками; провёз свою тележку зеленщик. В этот миг взгляд Франсуа выхватил показавшийся неподалёку экипаж, двигавшийся против общего течения. Он подъехал ближе и остановился. Крупная седая голова показалась в окне кареты. Камердинер поспешил вниз, чтобы открыть дверцу.

– Добрый вечер, месье! Наконец-то!

Его весь день сегодня спрашивают. Заходили два каких-то господина. Бедно, но прилично одетые. Русские, если месье позволит. Они оставили свои визитные карточки. Те господа в гостинной тоже хотят его видеть. Месье пройдёт прямо к себе? В таком случае Франсуа даст приказание приготовить ванну и лёгкий ужин.

Из окон первого этажа в щель между неплотно задёрнутыми портьерами пробивался яркий луч света, слышались звуки музыки. Тургенев даже приостановился. Бог мой! И как это он забыл! Сегодня приёмный день. Он только примет ванну, переоденется – и сразу туда.

Он поднялся наверх с некоторым усилием, дважды останавливаясь, чтобы передохнуть. В его комнатах было тепло, даже душно. Повсюду, в шкафах, на полках стояли книги; на письменном столе, на стульях лежали рукописи; стены были завешены картинами. Оставленный на спинке кресла халат свисал почти до полу. Не то чтобы дух холостяцкой заупущенности витал здесь, нет, но и особенного порядка тоже не чувствовалось. Мадам Виардо не вмешивалась в привычный уклад его жизни. Ей даже нравилось в его комнатах. Чаще всего она приходила к нему по утрам. Они вместе читали по-русски. Иногда одно и то же место в книге вызывало у них одинаковое чувство. Они замолкали. И слёзы счастья закипали в глазах. Если в это время появлялся кто-нибудь посторонний, мадам Виардо уходила. Она не очень-то жаловала его соотечественников, в особенности из среды политической эмиграции. Их посещения обращали на себя внимание полиции, бросая нежелательный свет на репутацию дома и её русского друга. К тому же они много и шумно спорили. Тургенев же не мог и не хотел закрывать перед ними двери, видя в лучших из них представителей нового типа людей, свободных от излишней рефлексии, от гамлетовского «самопоедания» (чем грешило его поколение), способных и жизнь отдать за идею, и «дело делать». Вообще, при близкой, почти семейной, связи обитатели верхней и нижней половин не докучали друг другу. Тургенев нередко обедал и ужинал в каком-нибудь ресторане, где русская кухня мирно уживалась с французской. Главное – свобода и независимость. Тепло домашнего очага, паутина отношений – там, внизу. Что делать?

В горах как в горах, а в долине как в долине.

Стены и перекрытия в доме были такими плотными, что звуки с нижней половины едва долетали наверх. Чтобы слышать пение мадам Виардо, Тургенев пользовался специальной слуховой трубой, вделанной в стену. Это было особенно удобно в дни болезней. Голос Полины, давно утративший полноту и свежесть звучания, всё ещё волновал его. Вот и теперь, едва войдя в комнату, он повернул трубу так, чтобы слышать, что делается внизу.

Да, как ни изменились времена и нравы, имя Полины Виардо-Гарсия всё ещё кое-что значит в этом мире. Где нынче в Париже встретишь подобное общество? Надо уметь вести салон, как это делает мадам! Удерживать вместе таких сложных, болезненно самолюбивых людей, художников и артистов, – на это нужен талант. И какой! Он до сих пор благодарен судьбе за близость к этой женщине. Что была бы его жизнь без неё? Конечно, при всех обстоятельствах он остался бы самим собой, но в душе его, это надо признать, может быть, никогда не ожила бы её лучшая часть. Если есть на земле счастье любви, то всё его он испытал, полюбив эту женщину. Шипы этого огненного цветка иногда обжигали сердце. Но что даётся даром на этой земле?

Не иначе как в Книгу судеб был записан тот сырой ноябрьский вечер 1843 года, когда он впервые увидел её. Итальянская опера давала в Большом театре в Петербурге «Севильского цирюльника» Россини. Город был полон слухов о новой диве – Полине Виардо-Гарсия, испанке родом, сестре знаменитой Малибран, звезда которой закатилась так рано. Самые звуки этого странного имени дразнили воображение. «Виардо» отзывалось изяществом, грацией; в «Гарсия» слышалось что-то гортанное и страстное. Как значилось в афишке, она должна была петь Розину.

Сыграли увертюру, пролившуюся в сердце пьянящим искрящимся вином. Тёмно-вишнёвый парчовый занавес с золотым двуглавым орлом на чёрном фоне, поднялся. Розина, смуглая, скорее худая, чем стройная, в белом лёгком платье, с красной розой, жарко горевшей в глянцево-чёрных волосах, показалась из-за кулис. Тургенев весь подался вперёд и так и впился в неё взглядом. И тотчас увидел, что она далеко не красавица. Черты её лица нельзя было даже назвать правильными. Но страстью юга, свежестью молодости дышало всё её существо. «Некрасива...», – прошептал кто-то рядом. Он не успел испытать даже лёгкого разочарования, потому что в этот миг она запела. При первых же звуках её голоса холодок пробежал по его спине. Он весь обратился в слух, продолжая в то же время вбирать в себя все особенности её облика, как будто узнавая в нём что-то родное, только давно забытое. Её яркие выпуклые губы раскрывались подобно лепесткам неведомого экзотического цветка, обнажая ряд жемчужно-белых зубов. Большие чёрные глаза навывкате под чистым, округло очерченным лбом сияли, точно звёзды. Гибкая, стройная, вся она была полна грации, то шаловливой, то томной.

Он забыл обо всём. Не видел и не слышал ничего, кроме происходившего на сцене. Его, отдельного, ещё сегодня утром отяжелённого думами о себе, как будто не существовало.

Нечто подобное переживали, по-видимому, многие в зале. Первые же сцены вызвали одобрительный гул. А когда раздались дикие и страстные напевы андалузских цыган, публика пришла в какое-то неистовство. Отовсюду неслись крики «браво!». Цветы летели на сцену в таком изобилии, точно за стенами театра стояла не сырая, промозглая осень,

а жаркое южное лето. Потом рассказывали, что все зимние сады и цветочные магазины столицы были опустошены, а их владельцы сделались горячими поклонниками итальянской оперы.

Всю ночь молодой театрал не мог сомкнуть глаз. Слух был полон мелодиями Россини. Лицо испанки то наплывало, то отодвигалось. Глаза её блистали каким-то завораживающим блеском. А голос лился волшебной рекой.

Он сделал всё, чтобы приблизиться к предмету своего обожания. Его представили чете Виардо как «хорошего охотника и плохого поэта». Шутка была вполне в светском духе, но молодому человеку она не очень понравилась. Охотником он и в самом деле оказался превосходным, что и доказал в ближайшие же дни Луи Виардо. Но быть «плохим поэтом» в глазах Полины ему не хотелось. Впрочем, он был готов и на большие жертвы.

К счастью, язык сердца оказался сильнее всяких рекомендаций. Он был тогда хорош собою, в той поре молодости и силы, когда глаза лучатся счастьем, полны огнём желаний. Тёмно-русые волосы мягкой волной сбегали на плечи. Всегда элегантно одетый, с тяжеловатой, несколько ленивой грацией движений, с крупными чертами лица, он был тем, что называется «светский лев». Вид имел решительный. Доброе же выражение бледно-голубых глаз, нередко подёрнутых мечтательной поволокой, напоминавших неяркое северное небо, выдавало душу чувствительную и нежную. И он умел говорить о любви. Всё, что он переживал в эти дни, наполняло его невыразимым блаженством.

Газеты на все лады расписывали триумф м-м Виардо. В гостинных только о ней и говорили, произнося так и этак непривычную фамилию. В иных устах она звучала как Вердо. Кто-то сочинил ловкий экспромт:

*Что за вердо? Что за вердо?
Все так певицу называют.
Неужели не понимают,
Какой чудесный в ней кадо!?*

В стишке каламбурно обыгрывалось слово «кадо», что по-французски означает «дар, подарок».

Толпа поклонников окружала примадонну. Молодые люди готовы были носить её на руках. Всякое её желание тут же исполнялось. Такой благодарной публики она не встречала нигде. Это были счастье и слава, о которых мечтает каждая артистка.

Мадам Виардо много слышала о русских цыганах. Её повезли в ресторан, где пел один из лучших цыганских хоров. Цыгане спросили, здесь ли та великая певица, о которой они так много слышали? И, уверившись, что здесь, попросили её спеть. Не чинясь, она вышла к ним и исполнила несколько песен. Цыгане некоторое время молчали. Потом попросили позволения дотронуться до неё.

– Неужели смертный человек может так петь? Так поют только ангелы на небе, – объяснили они свою странную просьбу.

Рядом с восторгами, впрочем, слышалось и злословие — обратная сторона всякого громкого успеха.

Молодой влюблённый ни о чём, кроме своего божества, не мог ни думать, ни говорить. При одной мысли о Полине он приходил в сильнейшее волнение. Пребывавший в состоянии, подобном опьянению, он был в те дни и недели лихорадочно возбуждён, почти безумен. Две небольшие комнатки на Невском, которые он нанял для свиданий с Полиной, стали

немыми свидетелями упоительных минут. Сладко было тонуть в лучистом мраке её глаз, дышать её дыханьем, ощущать прикосновение её нежных рук. Непонятное обаяние исходило от этой женщины. Он забывал обо всём, весь растворялся в ней, целиком отдаваясь её воле. Иногда, правда, от избытка счастья становилось как будто душно, но стоило расстаться, как его вновь тянуло к царице и владычице его сердца. Она казалась так непохожа на женщин, с которыми доселе сводила его судьба! Не юная наивная Гретхен, не обольстительная кокетка Манон Леско, не «академик в чепце». Ей было двадцать два года. Деятельная, решительная, во всём полагавшаяся на себя, – поистине новая женщина! На взгляд некоторых, слишком новая, слишком свободная. Во всём, что она делала, говорила, просвечивала тайна незнакомой древней культуры, смелой и элегантно в своей законченности. Это было то, чего так не хватало его мечтательной, вечно куда-то стремящейся славянской душе.

Ни дня, ни часа не мог он прожить, не думая о Полине. А когда она, простудившись, занемогла, он не находил себе места, кляня варварский петербургский климат, способный погубить такое музыкальное чудо, как её голос.

Слухи об охватившем сына безумии скоро докатились до матери. Своим женским чутьём она сразу почувствовала опасность, исходившую от этой чужестранки. Судьба сына всерьёз беспокоила её. Службу бросил. Праздность, богема и эта блажь до добра не доведут. Итальянская опера в это время перебралась в Москву. Варвара Петровна захотела самостоятельно убедиться в том, о чём шумели обе столицы. Ходила она уже с трудом: болели опухшие ноги. Сын на руках внёс её в ложу. Подняв к глазам лорнет, она молча просидела весь спектакль и только дома за обедом, вдруг стукнув кулаком по столу, промолвила не то с досадой, не то с тайным восхищением:

– А хорошо поёт проклятая цыганка!

Лицо его просветлело. Он готов был рассыпаться в изъявлении чувств, но мать охладила его восторги:

– Вижу я, что ты на сердце держишь. Не вздумай ехать за ней в Париж. Поедешь – денег от меня не жди. Скорее, камни получишь.

И, как-то печально взглянув на сына, добавила:

– Добр ты у меня, мягок, как снятое молоко.

Но уже ничто не могло его остановить. Он был готов хоть завтра броситься вслед за «цыганкой». Задержка была за документами. С нетерпением он принялся их выправлять. Порядок выдачи выездной визы в очередной раз усложнился: пошлина за шесть месяцев пребывания в чужих краях поднялась до ста рублей серебром. Правительство и лично сам император были недовольны увлечением дворянства заграничными вояжами. Казна теряла деньги. Опасались и заразы ложных идей, до которых так падка молодость. «Дельных и надёжных людей для учёбы и опыта отправим сами на казённый счёт. Вертопрахам же скакать по европам незачем». С теми же целями введён был и возрастной ценз: двадцать пять лет.

Ни то, ни другое не могло его удержать. Деньги на дороге нашлись. Что будет потом, он не думал. Возрастная черта также не могла быть помехой. К тому времени он уже перешёл её, войдя в лета совершенные. Исполнив необходимые формальности, птицей вылетел он из российских пределов, где и без того было трудно дышать. Прикатил в Куртавнель, воспользовавшись приглашением господина Виардо «вместе поохотиться». Встретили его дружелюбно, но без особого восторга. Полина с мужем вскоре отправилась на гастро-

ли. Он остался в огромном, мрачном средневековом замке в обществе испанских родственников Полины. Гость пришёлся им по душе, да и он полюбил их. И всё же чувствовал себя временами так, как будто оказался в другом мире. Стены двухметровой толщины, огромные сводчатые комнаты с высокими потолками, гулкие звуки шагов – всё переносило его в суровые времена средневековой Европы. Одному здесь было бы жутковато. Усадьба была окружена рвом, когда-то, вероятно, полным водой, но уже давно пересохшим. Бродя по коридорам замка, молодой путешественник о многом передумал. Зачем он здесь? Чего ждёт? На что надеется? Полина вряд ли оставит мужа. Она окружена славой. Вокруг неё знаменитости. Ей не в диковинку внимание королей. А что такое он? Впечатлительный, образованный, с задатками художника, но мало ли таких мечтателей бродит по дорогам Европы? К тому же, сейчас он беден, без гроша в кармане. В России многие смотрят на него как на надежду русской словесности. Но кому во Франции до этого дело? И любит ли его Полина? Что он для неё? Короткое увлечение? Добыча властного сердца? Дополнение к семейной жизни? Он много думал об этом. Но так ничего и не решил. И махнул рукой.

Когда всё это началось, он присматривался к Луи. Что тот думает, как относится к объявившемуся неожиданно-негаданно другу семьи? Господин Виардо, бывший старше своей супруги на двадцать с лишним лет, делал вид (или и в самом деле был уверен), что ничего особенного не происходит. Они даже подружились.

В ожидании мадам Виардо он стал брать уроки испанского и вскоре уже читал «Дон-Кихота» на языке оригинала. Великолепная ясность рассказа, словно озарённого солнцем юга, захватила его. Самый тон повествования, в котором высокопарно-изысканный стиль рыцарских романов смешивался с безыскусной простотой, заставлял задумываться о том, в каких отношениях между собой находятся мечта и действительность. Вначале он с улыбкой следил за приключениями странствующего «рыцаря». Смешными казались его слова и поступки. Но вскоре улыбка сменилась состраданием. Всё серьёзнее становились речи идадьго. Путешественник с далёкого севера узнавал в них себя, свои мечты, всё то, чем живёт молодость. И он, подобно Дон-Кихоту, в ночную пору «не смыкал глаз и думал о госпоже своей Дульсинее»; и он, сознавая себя рождённым в «жестокий железный век», мечтал о золотом, когда люди были свободны и счастливы, властолюбцы не угнетали добродетельных, и богом были не золотой телец, а красота и любовь. «Свобода, Санчо, есть одна из самых драгоценных щедрот, которые небо изливает на людей; с нею не могут сравниться никакие сокровища; ни те, что таятся в недрах земли, ни те, что сокрыты на дне морском. Ради свободы, так же точно как и ради чести, можно и должно рисковать жизнью, и, напротив того, неволя есть величайшее из всех несчастий, какие только могут случиться с человеком... Блажен тот, кому небо посылает кусок хлеба, за который он никого не обязан благодарить, кроме самого неба!». О, рыцарь печального образа, смешной и странный! Когда исчезнут такие люди, закроется книга истории. В ней нечего будет читать. Кто поднимет меч во имя справедливости, а не личного блага? И возможно ли счастье одного, когда рядом стонут другие? «Как и год, как и сто лет назад, несчастные взывают о помощи, а счастливые затыкают уши», – слышал он голос идадьго. Вот и его родная страна полна воплей и стонов. Не он ли поклялся бороться со злом, пока враг не будет сражён?! Враг этот совсем не был похож на ветряные мельницы, он имел образ и имя. Имя ему было: крепостное

право. При одном упоминании о рабстве в России Тургенева охватывало чувство стыда. Здесь, во Франции, где слово «свобода» произносили как молитву, он испытывал странную лёгкость, точно начинал новую жизнь. И в ней не должно быть места лени, распушенности, зазнайству – постыдным следам барства. Работать, писать – и тем исполнить свой долг человека, гражданина, писателя, наконец, если он действительно наделён этим даром. В памяти так и теснились картины пережитого: охотничьих странствий, встреч, весь пёстрый мир сельской русской жизни с её ермоляями, хорями, калинычами, полутыкиными, уездными гамлетами, с её полями, лесами. Он ясно видел раскинувшееся во все стороны небо с белыми клубами облаков, то разгоравшееся, то меркнувшее; запахи леса кружили голову, жилым теплом дышало гумно крестьянских дворов; звучали голоса, мелькали лица. Образы давно отстоялись и просились наружу как благодатный весенний дождь. Россия! О ней не сказано и тысячной доли того, что должно сказать, душа её народа по-прежнему – загадка. Но, «повествуя, важно не отступать от истины», – из глубины столетий слышал он голос Дон-Кихота, устами которого говорил мудрый Сервантес. Да благословенно будет имя этого человека!

Увлечённый, он работал по шестнадцать часов в сутки, не замечая времени, сам удивляясь тому, что выходило из-под его пера. Всё знакомое и всё такое новое. Уставая и вспоминая привольное житьё дилетанта, слышал голос Полины: «Работайте, работайте, Жан! И будьте проще. Меньше выдумывайте!». Вот и она говорила то же, что и её великий соотечественник. Как дельны, умны, как кстати были её советы! Она, с детских лет прошедшая суровую школу бродячего артиста, знала, что говорила. Впрочем, он не оставался в долгу. Было что сказать и ему. Таких глубоких замечаний об искусстве, такого тонкого вкуса, мгновенного различения правды и фальши она не встречала больше ни у кого.

Между тем гастролы Полины затягивались. Денег мать не присылала. Всю зиму он прожил, питаясь супом из полукурицы и яичницей (дарами добрых Гарсиа). Весной, понимая, что оставаться долее неприлично, душевно поблагодарил гостеприимных хозяев и переехал в Париж. Сняв небольшую квартирку, зажил совсем уже вольным художником. Всё написанное отсылал в журналы. Издатели, однако, с гонорарами не торопились. Он жил, занимая деньги у кухарки. Однажды четверо носильщиков с трудом втащили в комнату тяжёлый сундук. Это была посылка из России. Расплатившись последними грошами, он откинул крышку. Сундук был доверху набит кирпичами. Маман сдержала слово.

Полина вернулась в конце лета. Слепительный шлейф успеха тянулся за ней вместе с толпой поклонников. Он встретил её с восторгом. Счастью, казалось, не будет конца. Он любил её так же страстно, как и в первые дни их романа, даже более сильно и горячо, однако, стал замечать, что не пользуется прежней взаимностью. Дело разъяснилось скоро. Новая страсть к одному молодому музыканту овладела Полиной. Она и не думала это скрывать. Сдержаннее стали их встречи. Вскоре Полина и вовсе стала уклоняться от свиданий. Горечью облилось его сердце. Казалось, что всё потеряно. Ему незачем было оставаться во Франции.

Он уехал в Россию в самом мрачном расположении духа. Поначалу тосковал. Вечерами подолгу смотрел на закат, в сторону Франции. Письма – было единственное, что теперь связывало его с Полиной.

Он увиделся с ней только через семь лет и совсем не так, как мечтал. Ветер времени не пощадил их чувств. Всё было

уже не таким. Изменились и сами они. Он ещё жил неостывшим теплом прежних чувств. Для Полины же прошлое было почти одним воспоминанием. Он точно стоял перед храмом, вход в который был для него закрыт.

Всё пережитое сказалося на здоровье. Мочекаменная болезнь, наследственный недуг, от которого скончался отец, стала мучить и сына. Видеть никого не хотелось. Отвращение к жизни, болезнь, известная ещё римлянам, овладела им. В поисках целебных вод он забивался в самые глухие уголки Европы. И только счастье творчества на время примиряло его с жизнью. Воды ли помогли, естественный ли ход вещей сделал своё дело, только боли постепенно утихли, оставив в нервах тревожный след.

Он возвратился в Париж другим человеком. Гордые требования к жизни как к источнику наслаждений были забыты. «Жизнь не шутка, не забава, – сказал он себе, – а тяжёлый труд. Никому и ничего она не должна. Напротив, это она взимает с каждого неизбежную дань за одно только право жить на свете. Не наслажденье, не счастье её тайный смысл и значение, а отказ от обманчивых желаний, приносящих страдания».

Рано и красиво поседевший предстал он перед Полиной в новом свете зрелой мужественности. Его страдания и преданность всколыхнули в ней уснувшее было чувство. Вместо прежних волнений страсти нечто новое и глубокое появилось в их отношениях. Это сблизило их, открыло то доброе и хорошее, о чём они прежде, в разгаре первой влюблённости, ещё не знали. Это было счастье, дающееся как величайшее благо. С тех пор, вот уже почти тридцать лет, судьба не разлучает их надолго и, вероятно, уже никогда, до самой смерти, не сможет разлучить.

Иногда он ловил на себе взгляды Полины. Глаза её с бликами ещё не угасших чувств словно спрашивали, видит ли он перемены, произведённые временем в некогда свежем, а теперь поплёкшем лице. Да, он видел. Но что это могло изменить в выношенном ими чувстве? Оно было похоже на рождённого и выпестованного ребёнка, давно ставшего взрослым. Расцвело, отпыхало и теперь отцветает, как отцветают и сами они. Хорошо, когда потухающий огонь гаснет не сразу, а медленно уходит вместе с жизнью. Да и гаснет ли? Нет, всё ещё светит и греет мягким, тёплым светом.

И здесь, и в России не было недостатка в толках и пересудах. Отчего не женат, притом непременно на русской? И что это за странный треугольник? Положение и в самом деле было двусмысленное, если не сказать больше. Такие союзы случались. Во Франции к ним относились терпимо. В России они оскорбляли нравственное чувство многих. И уж ничего так не любят люди, как перемывать косточки ближнего! Их хлебом не корми, а дай покопаться в чужих тайнах. Своё, сокровенное, тщательно скрывается – чужое же вытаскивается на погляд, становится добычей пересудов, подчас самых нелепых, что, впрочем, нисколько не смущает любителей «жареного», прибавляя к сплетням перчику и пряностей. Но, что бы ни говорили люди, сам о себе он сказал гораздо больше в почти безотчётных исповедях художника. О, как зябко стоять на ветру обнажённым, под взглядами сотен, тысяч любопытных, насмешливых, зачастую недобрых людей, словно в дурном сне!

* * *

...Вопреки предсказаниям чисел он не умер в тот год, даже не заболел. Неясен часто язык знамений. И всё же ночная птица прилетала не зря. Весной следующего года его стали мучить боли в спине и левой лопатке. Поначалу он прини-

мал их за обычные приступы подагры. Но время шло, а боли не унимались, даже делались сильнее. Все обычные средства не помогали. Каждое, даже самое лёгкое движение отзывалось такими страданиями, что у него мутилось сознание. Он боялся пошевелиться. Прошлые недуги казались теперь пустяками. Как бы там ни было, после недель, даже месяцев страданий наступало облегчение. Возвращалась способность двигаться. Как это было чудесно: в любую минуту собраться, уйти, уехать, куда душа пожелает! Теперь всё кончено и, кажется, навсегда. Да и к чему двигаться? Вот Карл XII, говорят, пролежал в постели после Полтавы восемнадцать месяцев, не вставая, будучи совершенно здоров. И ничего! Однако, если бы не болезнь, Тургенев не стал бы повторять пример шведского короля. Но что другое остаётся человеку, прикованному к постели такой странной болезнью, как его? Пока лежишь неподвижно, как улитка в раковине, всё как будто хорошо. Мечтай, летай в мыслях, куда захочешь, но стоит сделать одно маленькое усилие – и вот ты уже не царь в своём волшебном мире, а червь, которого боль ломает, как хочет. Да и за эти короткие мгновения покоя надо благодарить судьбу. Нет большего блаженства, чем возвращаться на смытые следы, заново приникать к сосуду, как будто вновь полному мёда! Вот оно, то средство, которым Фауст заклинал быструю вереницу восходов и закатов, рождений и смертей! В реку времени можно войти бесчисленное множество раз – нельзя только начать жизнь сначала.

Далёкие годы, счастливые дни.

Как вешние воды, промчались они...

Жизнь идёт под маятник перемен, вычёркивает одно, оттирает пыль с другого. Говорят, Иисус Навин удерживал солнце силой Божьей. Силой же человеческой остановить мгновенье невозможно. Никому не дано избежать власти времени. Слабым и беспомощным приходит человек в этот мир и таким же покидает его. Самое его рождение есть уже начало конца. Смерть, как рыбак: добыча у него в сети, и он выхватит её, когда захочет...

Где-то скрипнула дверь. Послышались лёгкие шаги. Повело ароматом знакомых духов.

Полина! Улыбка тронула его иссохшие губы.

Как чувствует себя сегодня наш старый друг? Лучше? Превосходно! Не надо только отчаиваться. Скоро он совсем поправится. Надо только выпить вот это и съесть хотя бы ложку бульона.

О, нет, нет. Это яд! Яд! Его хотят отравить...

– Полно, Жан! Из моих рук. Никто не хочет вам ничего дурного. Поверьте!

Поколебавшись, он принял лекарство.

Вот и прекрасно! Сиделка перестелет ему постель, продолжала мадам Виардо. Всё будет сделано быстро. Ему не придётся даже приподниматься. Вот так! Все хотят ему только добра. У него дурные предчувствия? Сколько их было, этих предчувствий! И ничего. «Бог милуесть...».

Горничная поможет ему переодеться, а мадам пока поиграет. Что-нибудь из наших любимых пьес, да? Немного и что-нибудь лёгкое. Ему нельзя волноваться.

Она вышла в соседнюю комнату, и через открытую дверь полились звуки музыки. Аккорды её напоминали какую-то забытую людьми речь. Стоит вслушаться – и они начинают говорить, рассказывать. О чём? Что дрожит, переливается в этих звуках? Словно и вправду звёзды поют. Счастье жить уже в одном том, чтобы слышать!

Музыка неба переливалась на землю, становясь мягче и теплее.

Давным-давно в уютном старом деревенском доме, полном молодых весёлых голосов, слышал он эту мелодию. Ланнеровский вальс! Незадолго до этого прочитал он одно стихотворение. Оно скоро позабылось. Но первый стих остался в памяти.

Как хороши, как свежи были розы...

Слабая улыбка, как луч заходящего солнца, осветила лицо. Он лежал, выпростав из-под одеяла огромные исхудавшие руки. Звуки вальса, медленно кружась, осенними листьями падали на землю.

Как хороши, как свежи были розы...

Но розы сорваны и увяли – и холод близкой могилы дышит в лицо своим мрачным дыханием.

Музыка умолкла и больше не возобновлялась. Мадам уже уходит? Какая жалость!

Да, ей пора. Занятия с ученицами. Что поделать? Надо зарабатывать на жизнь. И потом уроки – единственное, что теперь связывает её с музыкой. Но в пять она снова здесь. И пусть он не забывает принимать лекарство. Сиделка жалуется.

Что ж, он подождёт. А пока займётся почтой. Вон сколько писем! Он попросил сиделку придвинуть поближе к постели столик с корреспонденцией. В пухлой пачке отыскал конверт, надписанный рукой Полонского.

Не лучше ли ему, спрашивал Яков Петрович. Не преувеличивает ли он мнительностью опасность своего положения? Спасский парк во всей красе. Полонские живут здесь всей семьёй, как и в прошлое лето. У всех только и разговоров, что об отсутствующем хозяине. Они всё ещё надеются увидеть его под сенью спасских лип. Жозефина Антоновна считает его нежелание возвращаться в Россию только капризом. «Вы слишком привыкли к здешней атмосфере, и Вас уже не тянет домой. Вы приедете, когда Вам сильно захочется этого», – говорит она.

«Какая мнительность, друг мой? – отвечал он. – Есть положения, относительно которых не может быть сомнения. Я как раз в таком. Подбадривать меня излишне. Страдания мои таковы, что я по нескольку раз на день зову смерть. Жажда смерти всё растёт – и мне остаётся просить вас, чтобы и вы, со своей стороны, пожелали бы осуществления желаний нашего друга». Что касается до замечания г-жи Полонской, то он просто не знает, какие нужны уверения? Его не просто тянет, его рвёт в Россию. Слёзы отчаяния выступают у него на глазах, когда думает о том, что это невозможно. И что это, право, за наказание? Человек говорит: «я глух, слеп», а ему не верят и отвечают: «услышишь и прозреешь, если захочешь». Почему ему всегда не верят и, когда он болен, усмеваются, подозревая притворство. Кому и когда давал он повод усомниться в своей честности? Впрочем, теперь ему всё равно. Болезнь его из разряда странных. Доктора даже не знают, как её назвать. Она или проходит так же внезапно, как началась, или кончается смертью.

Сторонники разных школ, от старых до самых новейших, и в самом деле, не знали. Ангина, подагра, невралгия, поправляя друг друга, говорили они. Каждый давал своё объяснение, назначал свой способ лечения. Великий Шарко верил в волшебную силу водных душей, другая знаменитость – в

целительные свойства коровьего молока. Из Германии выписали специальную машинку, прикрепляющуюся к ключице. Она должна была облегчать боль при движениях. Больного переворачивали, тормозили. Ему сделали операцию: вырезали какую-то неврому на животе. На время состояние улучшилось. Потом боль, словно навёрстывая упущенное, набросилась с ещё большей силой. Он стонал, не переставая. Стоны переходили в крики, слышимые даже в соседнем доме. Морфин уже не помогал. Он знал вред этого средства. Но без него не мог заснуть. Всё чаще приходили и были всё продолжительнее приступы таких страданий, рядом с которыми меркло всё, кроме боли. И хотелось только одного: чтобы эта боль, наконец, прекратилась, пусть даже вместе с жизнью.

Мадам Виардо теперь почти не покидала его. Даже спала рядом, на маленьком диванчике в ногах его кровати.

Снова собирались светила науки, советовались, но к единому мнению так и не пришли. И только случившийся на ту пору в Париже русский врач Белоголовый поставил диагноз: саркома позвоночника. Больному ничего об этом не сказали, но по тому, как притихли все в доме, по особой осторожности, с которой теперь обращались с ним, он всё понял.

– Господи! За что? Чем провинился я перед Тобой, что Ты так мучаешь меня? – взывал он к Тому, в существование которого разум его отказывался верить, а сердце, как дитя, всё ещё цеплялось как за последнюю надежду. – Дай мне скорее допить чашу мою. Отчего она так горька?

Ответа не было. Да он и не ждал его. Одна была надежда: всё на свете кончается. Кончатся когда-нибудь и его муки. Осталось совсем немного: перетерпеть последние страдания, допить последние капли, досмотреть последние сны.

Он желал и просил, и искал смерти, и в то же время ему было горько, несказанно печально от мысли, что то, что есть жизнь, кончается, уходит, как река в океан, и что течение этой реки не повернётся вспять никогда. Ничего не будет: ни шелеста листьев за окном, ни запаха цветов, ни рассветов и закатов, ни звуков музыки. Всё, всё, чем полна и хороша жизнь, исчезнет, поглощённое тьмой.

И точно спеша насладиться последними мгновениями жизни, он погружался в прошлое, бросался в него, словно птица вниз с крутизны. Видел себя то юношей, то совсем мальчиком. Вот он с отцом в ясный жаркий летний день на охоте за перепелами. Кругом степные просторы, нетронутая трава, россыпи кашки, колокольчиков, незабудок, полевых гвоздик. Рядом его любимая собака Трезор. «Пиль!» – слышится голос отца. И из-под самых его ног с шумом вылетает перепёлка. Она летела как-то странно: волочилась по земле, падала и судорожно подпрыгивала, точно у неё было сломано крыло. Она уводила собаку и охотников от гнезда. Но, видно, не рассчитала. Трезор схватил её. Придавленная зубами собаки, она лежала на ладони у отца ещё живая, брюшком кверху, свесив голову, и, глядя своим карим глазом, словно спрашивала: «За что? За что же я умирать должна? Ведь я детей своих спасала. За что?». Горячие слёзы, как и тогда, выступили у него на глазах. «Да, за что? – думал он, обращая на себя тот же вопрос. – Видно, и вправду, каждый виноват уже тем, что живёт на свете. Надо пострадать, очиститься, искупить, сколько возможно, свои несправедные поступки, постараться не оставить долгов совести! Честно донести до могилы свой крест».

«В чём же состоят эти долги? – спрашивал он себя и отвечал: – В невысказанных вовремя словах прощения и покаяния, в советах, которыми мы ещё можем сделать добро людям».

Превозмогая боль, он попросил бумагу и карандаш. К да-

лёким землякам, крестьянам села Спасского, были обращены слова его: «Дошло до меня, что вы стали пить меньше вина. Очень я этому рад. Пьянство для крестьянина – первое разорение. Не забывайте и об учёбе ваших детей. В наше время неграмотный, что слепой».

Последней его запиской были строчки письма к Толстому, начертанные карандашом неверной рукой: «Пишу Вам, чтобы сказать Вам, как я был рад быть вашим современником... Друг мой, великий писатель земли русской, вернитесь к литературной деятельности».

Однажды в забытии ему привиделся спасский сад. Он был весь мокрый от дождя. Деревья волновались под ветром, словно хотели поведать какую-то тайну. В густой зелени сверкали алмазной чистоты слезинки. Лёгкий пар поднимался над землёй, точно струйки кадильного дыма. Он хотел придвинуться ближе, послушать, о чём деревья так таинственно шумят. Острая боль пронзила тело. Игла шприца вошла ему в руку. Боль стала утихать, отходить, отодвинутая тьмой. Блаженная волна разлилась в теле. Где-то забрезжил огонёк. Он приближался, принимая форму цветка. Тургенев хорошо знал этот цветок, но названия никак не мог вспомнить. Он растёт в Спасском повсюду, но цветёт недолго. Сок его, если выпить немного, утоляет боль. Если больше, усыпляет совсем. Пусть ему пришлют этот цветок в письме. Не беда, если он засохнет в пути.

Бесконечно удивляясь тому, что с ним происходит, он видел, как руки и ноги его удлиняются, он повисает над собственным телом, куда-то летит – и вдруг оказывается в знойной пустыне. Смуглые люди со страшными лицами, одетые в блестящие доспехи, с обнажёнными мечами в руках приближаются к нему. Кто они? Что им надо? Не за его ли душой явились они? «Господи! Избави мя от казни сей!», – в отчаянии взывает он. И в тот же миг оказывается на берегу степной речушки, в тени склонённой ивы. От воды тянет прохладой. В бездонной глубине неба парит коршун. Попискивает в траве какая-то птица. Что это за птица и что она хочет сказать ему? Не надо доискиваться. Почти неразличимой тенью по самому краю сознания проходит образ встреченной в молодости женщины, сказавшей, что он не будет счастлив, потому что не живёт с простотой. Но зачем здесь эта старуха в чёрном? Лицо её закрыто капюшоном. Она манит его за собой. Он противится, но ноги сами несут его. Старуха останавливается, откидывает капюшон – и он с ужасом видит безносый череп с пустыми огромными глазницами. Улыбка застыла в оскале зубов. Старуха указывает перед собой костлявой рукой. Он смотрит: перед ним яма, могила. В ней тихо, темно, и нет боли. «Это смерть?», – спрашивает он и отвечает: «Да, смерть. Но в ней нет ничего страшного. Наоборот: она благо, конец страданий».

Но чтобы она наступила, нужно было что-то сделать, ещё что-то пережить, понять.

Призрачный мир окружает его. В красноватой зыби возникает большая стрельчатая палата. Вдоль стен на скамьях люди, в тяжёлых парчовых одеждах, с собольими шапками на головах. Все смотрят в одну сторону, туда, где у торцовой стены на возвышении сидит человек в сияющем золотом длинном платье, с державой в одной руке и скипетром в другой. «Царь Алексей... Алексей... Второй...», – шепчет он, пытаясь вспомнить, выразить что-то туманное, ускользающее, но очень важное.

Палата сменяется просторной крестьянской избой. Он видит себя лежащим на лавке под образами. Изба полна лю-

– Ближе... ближе... – говорит он и подзывает их рукой. – Я хочу, чтобы каждый был у меня здесь, в сердце...

Они приближаются. Он просит у каждого прощенья, даёт советы и наставленья. Всё плывёт перед ним точно в тумане. Ближе всех к нему стоит человек, лицо которого кажется ему странно знакомым.

– Наклонись, – просит он. – У тебя такое простое... простое... славное русское лицо.

На миг умирающий приходит в себя. Глаза его ищут кого-то. Мадам Виардо склоняется над ним.

– Вот царица цариц! – неожиданно внятно произносит он.

И это были его последние слова. Начиналась агония. Грудь тяжело вздымалась. Хриплые вздохи раздавались всё реже. Пальцы перебирали одеяло, словно пытаясь снять невидимую паутину.

– Il se meurt (он умирает – фр.), – кто-то тихо сказал над ним.

«Как «il se meurt?» К чему «il se meurt»? Кончается...», – хотел поправить он говорившего, но губы уже не слушались его. Судорога прошла по телу. Голова запрокинулась. Глаза закатились, но тяжёлые веки так и не сомкнулись до конца. Казалось, его тускнеющий взгляд всё ещё следит за тем, что происходит вокруг.

Всё было кончено. Он умер в Буживале 22 августа 1883 года в два часа пополудни.

Несколько часов следы перенесённых страданий держались на лице. И только после отпевания в русской церкви в Париже, которую он имел обыкновение посещать, черты разгладились и смягчились, лицо осветилось тихим светом, как будто он увидел и узнал что-то такое, что навсегда примирило его с испытаниями земного пути, и отблеск иного, нездешнего существования наложил на него печать свою.

* * *

Его похоронили в Петербурге, на Волковом кладбище, последнем прибежище беспокойных сердец: художников и артистов. Рядом были могилы друзей и недругов. Смерть всех примирила.

Над землёй остался отзвук этой жизни, никем до конца не разгаданной, завещавшей оставшимся «вечные вопросы»: что есть наше пребывание на земле: короткая ли вспышка, исчезающая во мгле, или предвосхищение того, что ждёт нас там, за гранью Неведомого? Откуда приходит человек, куда идёт, зачем страдает и во имя чего совершает путь свой?

«Всё пройдёт, всё исчезнет. Высочайший сан, власть, всеобъемлющий гений – всё рассыплется прахом. «Всё минется. Одна любовь останется», – сказал апостол».

Быть может, на новой земле, под новым небом, где «не будет печали и воздыханий», наступит, наконец, царство вечной любви, торжествующей над смертью.

Пока же жизнь и смерть, любовь и ненависть всё ещё борются в этом мире. И кажется иногда, что ненависть побеждает. Но и любовь не сдаётся. На ней, как на камне, зиждется жизнь. Ненависть же – тот песок, на котором не стоит дом, рушатся все начинанья.

Суровые северные зимы засыпают землю снегами, оковывают морозами. Но весной она вновь оживает.

Срок приходит – увядает трава, засыхают цветы, чтобы вновь расцвести и увянуть. Ибо вечны на земле только перемены.

Но как пленительна каждая новая весна! Как прекрасна каждая новая жизнь!

Салис Добаевич КАРАКОТОВ,
генеральный директор
АО «Щёлково-Агрохим»,
доктор химических наук,
академик РАН

**ЩЕЛКОВО
АГРОХИМ**

российский аргумент защиты

www.betaren.ru

В ряду славных имён Орловского края имя писателя Эвана Сергеевича Тургенева всем нам особенно дорого: никто так тепло и вдохновенно не описал в своих повестях и рассказах красоты здешней земли и природы, как он. Самая лучшая память о замечательном мастере слова – сделать так, чтобы эта земля, которую он воспевал и прославил, цвела, хорошела, удивляла и радовала нас своей щедростью.

Компания «Щёлково-Агрохим», которую я возглавляю, и наше дочернее предприятие ООО «Дубовицкое» за прошедшие 11 лет добились весомых результатов в освоении новых сортов, культуре земледелия, получении стабильных и полновесных урожаев. Благодаря научно ориентированной технологии, разработанной учёными и специалистами головной компании, в основу которой положены методы управления вегетацией растений, сегодня по экономическим показателям ООО «Дубовицкое» признано одним из лучших не только в Орловской области, но и в Российской Федерации. Здесь на производственных полях и опытных участках в буквальном смысле продемонстрированы эффективные технологии управления урожаем.

ЧТО Я БУДУ ДУМАТЬ?..

Что я буду думать тогда, когда мне придётся умирать, если я только буду в состоянии тогда думать?

Буду ли я думать о том, что плохо воспользовался жизнью, проспал её, продремал, не сумел вкусить от её даров?

"Как? это уже смерть? Так скоро? Невозможно! Ведь я ещё ничего не успел сделать... Я только собирался делать!"

Буду ли я вспоминать о прошедшем, останавливаться мыслию на немногих, светлых, прожитых мною мгновениях на дорогих образах и лицах?

Предстанут ли моей памяти мои дурные дела – и найдёт на мою душу жгучая тоска позднего раскаяния?

Буду ли я думать о том, что меня ожидает за гробом... да и ожидает ли меня там что-нибудь?

Нет., мне кажется, я буду стараться не думать – и насильно займусь каким-нибудь вздором, чтобы только отвлечь собственное моё внимание от грозного мрака, чернеющего впереди.

При мне один умирающий всё жаловался на то, что не хотят дать ему погрызть калёных орешков... и только там, в глубине его потускневших глаз, билось и трепетало что-то, как перешибленное крыло насмерть раненой птицы.

Август, 1879

Павел КРУТ

Родился в 1984 году в Москве. Осень империи помню смутно, в лихие 90-е не хулиганил, а наоборот, прилежно учился в школе. Первые стихи написал в 13 лет. В год перед миллениумом поступил в лицей при Российском государственном гуманитарном университете, а ещё через пару лет – в историко-архивный институт, на факультет истории, политологии и права. Участвовал в Товариществе мастеров искусств «Осумасшедшие безумцы».

На хлеб с маслом зарабатываю журналистикой: трудился в «Независимой газете», РИА Новости, на Общественном телевидении России.

Тащить ярмо поддёнщины помогает семья, с которой я живу в подмосковном Красногорске, а в последнее время – всё больше в Орле.

Автор поэтической книги «33» (2017 г., издательство «3-е ИЮЛЯ»).

ЛИШЬ ШЁПОТ УГЛЯ...

ВЕЧЕР, НОЧЬ И Я

Безжалостен, быстр, как рысь,
И, как чёрт, лукав,
Вечер кошкою драпал – брысь! –
Волочил за собой новой ночи рукав.

Зелень парков обширнее стала,
И зажглись парходы домов.
Ночь прохожих, шутя, целовала,
Хохотала, кидаясь с мостов.

И напрасно пугались прохожие,
Всё ходьбы убыстряя темп, –
Это ветер, стуча в окна с лоджий,
Им все карты смешал в темноте.

И напрасно косились, заглядывая,
Исподлюбья в беззвёздную высь.
Наплевать! Между тем, на вокзале я
Очень вкусную косточку грыз.

Я от дома ключи потерял,
Задремал я на лестничной клетке.
Снилось мне, что я в ночь нырял
До последней её отметки.
И железная кровь городов
В жилах улиц текла, густа,
Стартовали из горл годов
Самолётные поезда.
А потом в океане сна
Я, как птица, летел над Москвой.
Я парил, и меня весна
Заразила своей слезой.

В поленице смыслов всё меньше дров,
А ты всё кидаешь их в топку слов –
Трухлявые жерди, с гвоздями и без,
И свежепорубленный лиственный лес.
Зачем ты так топишь? Огню всё равно,
А к холоду мы тут привыкли давно,

И пламень боимся, и жар нас пьянит,
И печка потрескалась, сильно дымит.
Но вот израсходован крайний сучок,
И дверцы погас ярко-жёлтый зрачок.
Лишь шёпот угля до утра будет жить,
И не о чем больше вообще говорить.

Художник спит. Весь день писал кота,
Выделявал смешные дыры в сыре,
Устал. И снятся ему новые цвета –
Бозоновый, кораблевый и тырий.
Хватает кисть – нет красок под рукой,
Проснуться бы – никак не получается...
И льётся сверху голос золотой:
«Кто видел этот цвет, не просыпается!».
Дай записать хоть код html!
Открой хоть часть невидимого спектра!
Художник спит. За окнами метель,
Лишь белый цвет. Но он растает, снег-то.

Саше Шмырёву

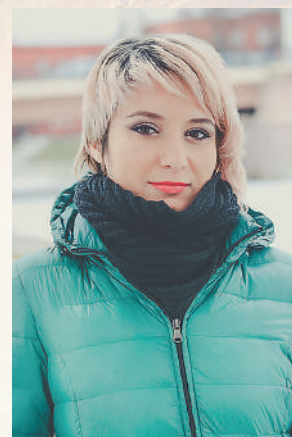
Тексты песен ложатся на снег –
Все-то песни мы, брат, перепели!
Тыщу лет пролежавший в постели
По дороге идёт человек.
И ни скрипа от тех каблучков!
Сетка шрифта по мрамору льётся.
За спиной у прохожего вьётся
Вереница счастливых подков.

Сядь в шестьсот тридцать третий
И езжай в Люблино.
Мы на стыке столетий.
Я люблю тебя, но
Где же время любить?

Мы на грани столетий,
Как на грани стакана.
За балконами ветер,
И в метель город канул.
Мы выходим курить...

Анастасия, 25 лет.
Живёт и работает в Орле.
Лауреат фестиваля авторской песни Орловской области (2015 г.) в номинация «Поэзия».
Дипломант конкурса «Отечества священная палитра»
им. Поликарпа Шестакова, г. Лысьва.
Гран-при конкурса «Зимний МиниПоэтФест» Орловской области.
Стихи вошли в коллективный сборник.
В 2017 г. в издательстве «3-е ИЮЛЯ» дебютировала книгой стихов «Каждому ангелу...».

Анастасия АГОШКОВА

АНГЕЛЫ ЗА СПИНОЙ

каждому ангелу в зыбкую осень
не до победных лир.
если уж нас непонятно где носит,
что говорить о них?
вот посмотрите: в небе заплаканном
(больше тепла не жди)
вовсе не птицы, а хмурые ангелы,
вклиниваясь в дожди,
смотрят, как мы уезжаем из города
только лишь рассвело.
ангел вздыхает – мол, снова без повода
рано вставать на крыло,
снова до ночи сидеть у палаток и
слушать, чтоб голос не стих.
ангелам часто бывает несладко –
не забывайте о них...
каждому ангелу в межсезонье
подлейте ещё вина.
чаша всё реже бывает полной,
но оттого полна
взмахами крыльев – неперелётных
ангелов за спиной:
неотделимых, устало-заботливых,
ждущих меня домой
и уводящих меня из дома
пасмурною порой.
я почти с каждым из них знакома,
но вот который – мой?
...каждому ангелу – по гитаре
и паре случайных рифм.
жгите костры, чтобы ангелы знали,
куда приземляться им.

Закономерней майских холодов
Охрипший голос ожидавших лета,
Собравшихся у края парашюта
И вновь не получивших ничего.

Мне тоже остаётся только встать
В ряды любителей у моря ждать погоды
(А морю каждый раз все эти годы,
Похоже, было просто наплевать).

Да и в погоде ль дело, господа?
В штормах ли, наклонявших набок лодки?
Иль в пальцах сжатых и настолько ломких,
Что даже май согреть их опоздал...

Тепла остатки в сердце берегу
Для всех, упрямо ждущих своё лето.
Я с ними постою у парашюта –
Пожалуй, это всё, что я могу.

Каждым словом прямо в душу –
Не выходит никогда.
Губы солью пересушит
Мне холодная вода.

Гор высоких гулкий отзвук
Прерывает тишину.
Я вдыхаю терпкий воздух
И в безвременье тону.

Остаётся невозможным
Оставаться без потерь:
Начинаю осторожно
Вниз спускаться по тропе.

Каждый шаг звенящей болью
Отдаёт в пустую грудь.
То ли воля мне – не воля,
То ли спуск – неверный путь.

Ветер бьётся о затылок,
Волны обнимают пирс.
Лишнее – уходит мимо.
Лишнее – уходит вниз.

Лето раздаёт украдкой
Предрассветное тепло.
Птица рассекает гладко
Небо серое крылом.

Будет дню слепому отдан
Затяжной густой туман.
Август собирает звёзды
И кладёт себе в карман.

Валерий АНИШКИН

Валерий Георгиевич Анишкин. Филолог, историк. Живёт и работает в г. Орле.

Автор книг «Великие мыслители. История и основные направления философии» (2007), «Русь и её самодержцы» (2009), «Быт и нравы царской России» (2010), «Богатство и бедность царской России» (2013), «Изобилие и роскошь, беды и бедствия Руси» (2014), романов «Потерявшиеся в России» (2012), «Моя Шамбала» (2015), сборника рассказов «Баламуты» (2014), повести в сборнике «Приокские рассветы» (1986).

Валерий Анишкин пришёл в Союз российских писателей уже немолодым человеком, но с достаточно полным багажом. Его книги издавались в Ростовском издательстве «Вече», в электронном варианте – в Германии, несколько книг были изданы в местных издательствах. Печатался в центральных и областных газетах. «За большую работу по популяризации истории среди школьников Орловской области» Валерий Анишкин награждён почётной грамотой Департамента образования Орловской области, почётной грамотой управления культуры Орловской области «за значительный вклад в развитие литературных традиций Орловской области». Три года возглавлял Орловское отделение СРП.

ВАСИЛИНА

— Вези матку к Катьке, – сказала Зинаида мужу, когда они легли спать. – Пусть у неё поживёт.

– Что так? – удивился Николай.

– А сил никаких моих больше нет. Уже что зря вытворять стала.

Зинка приподнялась на локте, пытаясь в темноте определить выражение лица мужа.

– Опять кастрюлю с супом перевернула... Тряпку на плиту положила, а конфорка горела. Никак не пойму, откуда гарь идёт. Глядь – тряпка горит.

Зинаида проглотила слюну, пытаясь справиться с обидой, комком застрявшей в горле. Не справилась и сквозь слёзы добавила:

– Тарелки. Все тарелки перегрохала.

Николай нашарил на тумбочке папиросы и, чиркнув спичкой, закурил.

Свет на мгновение ослепил Зинаиду, и она закрыла глаза.

Хорошо взбитая перина нежила расслабленное тело, и резче обозначалась усталость, а мозг требовал сна, но взвинченные нервы не давали покоя, и Зинаида не оставляла свою навязчивую мысль, вбивая ее в голову мужа:

– Почему всё ты? В конце концов, у неё есть ещё две дочки. Пусть у них о матке тоже голова болит.

– Квартиру-то мы с матерью получали, — подал, наконец, голос Николай. От сильной затыжки его лицо вспыхнуло красным огоньком и, мелькнув двойным подбородком и мясистым носом, погасло.

– А на двух детей всё одно трёхкомнатную дали бы, – живо откликнулась Зинаида. – Так что и без матки получили бы.

И замолчала, ожидая, что скажет теперь Николай.

– К Катьке нельзя, – стал сдаваться Николай. – У неё одна комната.

– Ну-к что ж? – повеселела Зинаида. – Не танцы же они там будут устраивать.

– Так Катька-то с мужиком живёт, – удивляясь Зинкиной тупости сказал Николай, поворачивая к ней голову и забывая затануться папиросой. А она уже еле мерцала нераскуренная.

– А он там не прописан! – бойко ответила Зинаида.

– Для того, чтобы с бабой спать, прописки не требуется, – осклабился Николай.

Зинка почему-то обиделась, но дулась недолго, потому что надо было доводить дело до конца.

– Тогда к Тоньке, – подумав, решила Зинаида. – У них тоже трёхкомнатная.

– Ага, а две девки не в счёт? А Верка, племянница Фёдора, не в счёт?.. Между прочим, Валька беременная ходит.

– Да ты что? – засмеялась Зинаида. – В самом деле?

– Ну-у? Тонька мне вчера сама сказала. – И уж, говорит, сделать ничего нельзя.

– Во, девки пошли! Соплячка ж ещё совсем.

– На это ума не надо, – буркнул Николай. – Семнадцать лет по нынешним временам – самый для этого подходящий возраст!

– Сиди, губошлёп, – ткнула мужа в бок Зинаида и поинтересовалась:

– Сказала хоть, от кого?

– А чего говорить-то? С кем ходила, от того и брюхо.

– Это курсант, милиционер-то этот?

– А то кто же?

– Не отказывается хоть?

– Попробовал бы отказаться, – Николай глухо, как в бочку, кашлянул.

– Уж родителям написали, о свадьбе стовариваются.

Удовлетворив своё женское любопытство, Зинаида вернулась к старому разговору:

– Так что ж с маткой-то? – спросила она.

– Уж тогда давай к Катьке, – решил Николай. – Катька младшая. Мать её любит больше всех.

Зинка успокоилась и быстро уснула. Она свернулась как кошка, калачиком, уткнув голову в плечо мужа и обняв его рукой. И в ещё некрепком сне сладко причмокивала губами, пухло выпячивая их и невнятно что-то договаривая уже во сне...

Старую Василину донимали ноги и мучала бессонница. Ноги грызла ревматическая боль. Невестка и дочки называли это отложением солей, а врачаха называла по мудрёному, но как не называй, ноги болели, и никакие растирки не в силах были помочь. «Отрезать да собакам бросить», – шутила Василина, когда её спрашивали про ноги, сочувствуя.

Она лежала с открытыми глазами и терпеливо ждала, пока сон возьмёт её, но сон не брал и, как всегда, перебирала Василина по кусочкам свою жизнь, не сетуя на судьбу, с покорностью принимая всё, что судьба ей назначила, и выжимая из этого те крохи счастья, которые на её долю выпали. И получалось так, что эта скудная доля хорошего заслоняла всё плохое, которого было в её жизни значительно больше.

Прошлое мешалось с настоящим.

Вдруг всплыло заросшее лицо батьки Кондрата Сидоро-

вича, угрюмого и свирепого в трезвости, развесёлого и щедрого до последней рубахи в пьяном виде мужика.

Батка вывалился из кабака и пьяно заорал:

– Эй, залётные!

И залётные, ватага деревенских ребятишек, приученных уже дурной Кондратовой причудой, «подавала» с гиком небольшие сани, в которые сами и впрягались, и шумно везла дядьку Кондрата на потеху деревне, возвещая:

– Галеевский царь едет!

«Галеевский царь» важно восседал в санях и царским жестом раздаривал конфеты и пряники, выгребая их из обширных карманов овчинного тулупа и разбрасывая направо и налево.

Вспомнив тот стыд и страх, который они принимали за батьку, Василина горько улыбнулась.

Их дом стоял на пригорке, как-то особняком от деревни. Чтобы подняться к дому, нужно было спуститься в небольшой овражек и пройти по бревну через неширокий ручеёк. Невольно Василина снова улыбнулась: сколько раз пьяный батка возвращался с песнями домой, столько раз, оступившись, купался в этом ручье.

Овраг окружал дом с трёх сторон; с четвёртой стороны, за огородами, было поле, а сбоку, через овраг, сразу за берёзовой рощицей начинались леса. Брянские леса уходили в необозримую даль, закрывали горизонт, заполняли весь видимый простор.

В лес девки бегали по грибы и ягоды. Спускаясь в овраг, чтобы выйти к березняку на противоположной стороне, они шли протоптанной тропинкой среди зарослей папоротника, который особенно буйствовал у ручья.

От этого оврага тянуло подвальной сыростью, но он ласкал прохладой перегретые солнцем тела и в летний зной был истинно райским уголком, тенистым от густых крон разросшихся клёнов с чёрными бархатными стволами, тонких сочных рябин и пышных, как купчихи, раки.

Папоротник. Он остался в сердце милой памятью и виделся как спутник детства, свидетель той далёкой жизни со всеми её тревогами и поворотами, которая пролетела мгновенным сном. И иногда ей казалось будто она в этой жизни посторонняя, будто волшебная птица Симуург взмахнула крылом, приоткрыв на миг простор чужой чьей-то жизни, и снова закрыла, завесив ночью и пустотой, словно перечеркнув всё, что было.

Папоротник часто снился ей во сне, а иногда тропинка через овраг вставала перед её полусонными глазами, как наяву, и она ясно видела сочную зелень папоротника, раздвигала его руками, шла через ручей и взбиралась по крутой тропе к березняку. Цветных снов Василина не видела, но папоротник ей снился всегда зелёным.

И снова всплыло вдруг лицо батки, который сгинул в Японскую, оставив трёх девок и двух ребят на материнных руках. Кормильцем стал старший брат Пётр.

Комната вдруг осветилась ярким светом. Свет прополз от стенки к стенке, передвинул с места на место тени и пропал. Это машина развернулась во дворе и пробежала фарами по дому. Василина моргнула, защищаясь от неожиданной вспышки, но внезапно полыхнуло огнём и отсветы его, багровые и белые, заплясали перед её глазами – горел дом помещика Малахова. Языки пламени жадно жрали дерево, потрескивали высушенные летним солнцепёком доски, и лопались стёкла. Перепачканные сажей ребятишки весело шныряли в толпе взрослых, звонко перекликались и лезли в самый огонь, по незнанию своему радуясь пожару, точно празднику.

Мужики угрюмо смотрели на пылающий дом, зная, что добром это всё не кончится. Бабы овцами жались друг к другу, всем нутром чувствуя надвигающуюся беду. Кто-то заголосил, но голос оборвался, как током ударив по натянутым нервам. Даже босоногая ребятня вдруг угомонилась, и тревожная тишина на какую-то минуту повисла над Галеевкой. Только искры рассыпались треском над головами, и шумело пламя над ещё не рухнувшей крышей.

Папоротник стал расплываться сплошной зеленью и тёмной завесой опустил на глаза, обрывая цепь воспоминаний.

Василина было задремала, но где-то над квартирой вдруг взорвалась музыка. И сразу стихла. Только в уши теперь назойливо полезла плясовая.

Без тебя мой дорогой,

Без тебя мой милый,

Без тебя, хороший мой,

Белый свет постылый.

Шумела свадьба. Гуляла деревня. Василина выходила замуж за Тимоху, работающего, но тоже бедного мужика, способного ко всякому, особенно плотницкому делу.

Ставь-ка, мама, самовар,

Золотые чашки.

Приведу я гостя к вам

В вышитой рубашке.

Тимофей пришёл жить к ним, и они стали потихоньку строиться на том же холме, рядом с родительским домом.

А через год, когда она родила первого, Федю, деревня опять пьяно плясала, только веселья уже не было. То тут, то там начинала биться в голос будущая вдова. Василине врезался в память пьяный Кирюха. Он ожесточённо бил пяткой, обутой в лапоть, землю и, поводя руками по сторонам, как-то отчаянно осипшим голосом орал:

Ты не лей по мне, Матрёна,

Слёзы лишние –

На Ерманскую войну

Гонют тыщиами.

А в мутных глазах угадывалась тоска, и дрожали слёзы.

Изба осталась недостроенной, и Василина часто заходила в свой новый дом, чтобы поплакать без свидетелей, ходила по изрубленным стружкам и молила Бога, чтобы отвёл смерть от Тимофея и брата Петра.

Раз в год, на Яна Купалу, папоротник цвёл. Если сорвать его ровно в полночь, то откроется клад. Об этом, замирая от страха, рассказывали полужёпотом подруги, а раньше Василина слышала об этом от бабушки Фроси, когда собирались у неё на посиделки вечерами, и кто-нибудь заводил упоительно-жуткий разговор о нечистой силе. Говорили, что Васька Ермаков разбогател через цвет папоротника.

Тимоха пришёл домой с простреленной ногой. Была задета кость, и нога долго не заживала. Так он и остался хромым. В непогоду нога донимала ноющей болью, словно кто водил по оголённой кости наждаком.

А Пётр с войны не вернулся.

Дети пошли один за другим. Сначала Марья, потом Алексей, Иван, Авдотья. Двенадцать человек. Дарья и Авдотья жили отдельно, своими семьями. При ней оставалось четверо: Антонина, Николай, Катя и Юрий, которого она звала Егором. Этих уберегла. Эти были младшие. И всю войну находились при ней, кроме Егора. Егор воевал и вернулся контуженный, но живой.

Четырёх отдала фронту, а вернулся только один. Иван и Алексей погибли: один под Сталинградом, другой в чужой стороне, когда уже война шла к концу. На них она получила

похоронки. А Пётр, первенец, любимый Тимофеев сын, пропал без вести. Но Василина всё надеялась и верила, что он жив и мыкает горе в плену. Ждала, пока шла война, и потом ждала, что объявится. И сейчас в глубине души верила, что где-то на чужбине Пётр мается, тоскует по Галеевке, не может вернуться, потому что держит его что-то там, и не может он дать весточку, знак о себе. Грунюшку и Васятку унёс тиф. Нюра умерла от простуды. Это было давно, ещё до рождения Антонины, которой уж, считай, самой за пятьдесят будет.

Но у неё в живых осталось ещё шестеро детей. Четверо здесь. Марья, самая старшая, далеко, на Камчатке. Изредка приходит письмо на Антонину, где Марья спрашивает, жива ли ещё мать и поклон передаёт. Авдотья, та живёт в Запорожье. Тоже пишет, тоже про мать спрашивает.

Василина прикрыла глаза и зашевелила губами, зашептала: «Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша имене Твоего ради. Господи, помилуй».

Прочитав молитву, она забылась в тревожном сне, невольно вздрагивая и просыпаясь от каждого шороха...

На следующий день, в субботу, пока Николай спал, Зинаида собрала свою младшую, Анжелку и отправила в школу. Старшая, Алевтина, училась во вторую смену и тоже ещё спала. Зинаида стала готовить завтрак. Часов в девять встал Николай, и Зинаида принялась тормошить Алевтину, которая, судя по открытому рту и сладкому посапыванию, спала крепко.

Бабка Василина уже поднялась и сидела в комнате на диване, ожидая, когда её позовут есть.

За столом Зинаида была не в меру оживлена, старалась угодить Василине и подсовывала ей лучшие куски, но та, казалось, этого не замечала. Она вообще к еде была равнодушна и ела мало, всё больше чай да молоко.

Николай уткнулся в свою тарелку и, не поднимая глаз, с аппетитом уплетал картошку с колбасой, которую Зинка доставала через свою знакомую, буфетчицу Клаву. Зинка поняла, что Николай нужного разговора всё равно не начнёт, и решила это сделать сама.

– Мам, а мам, – весело позвала она. – Что если мы тебя свезём к Катьке? У неё поживёшь чуток.

Василина оставила кружку с чаем и захлопала подслеповатыми глазами, силясь вникнуть в слова невестки и понять, шутит она или что? Зинка доброжелательно вертелась возле неё и делала вид, что ничего особенного не случилось. Василина вопросительно посмотрела на сына, и тот, поёрзав на стуле и неловко откашливаясь, поддержал Зинку, будто разрешил.

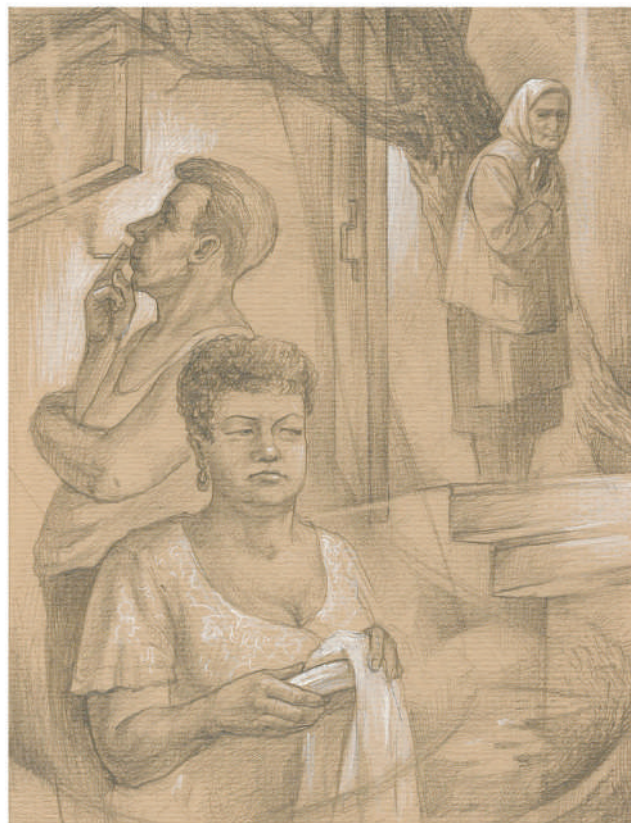
– А чего? Поживи. У Нюрки тихо. Сколько уж у неё не была?

Василина молчала и словно чего-то ждала. Николай невольно отвёл глаза и, обращаясь к Зинке, поспешно добавил:

– Надоест у Катьки, назад заберём.

Василина, ни слова не проронив, пошла в свой угол, где стояла её по-детски тощая железная кровать, на которой она часами неподвижно сидела, шевеля губами, занятая своими мыслями. Она вспомнила, что вчера вечером сын с невесткой в разговоре, обрывки которого до неё долетали из спальни, часто поминали её и теперь догадывалась, что невестка затеяла этот разговор, кончившийся для неё неприятностью. Но на невестку за это не обижалась, понимала – мешает...

Когда Николай заглянул в детскую, где стояла кровать матери, он увидел, что мать собирает в узел свои вещи. На кровати лежал образ Николая Угодника, который стоял обычно на шифоньере в углу, потому что Зинаида вешать икону на стену не разрешала.

На Анжелкином диванчике сидела Алевтина и, насупившись, следила за бабкой. Она покусывала губы, чтобы не зареветь.

Николай, ничего не сказав, повернулся и пошёл на кухню, где Зинка мыла посуду.

– Мать укладывается, – сказал он хмуро.

– Сейчас поедем, – не поняв его настроения, бросила Зинка.

– Вроде как-то нехорошо! – сморщился, как от зубной боли, Николай.

– А мне хорошо?

Зинка с силой бросила мокрую тряпку в мойку и в сердцах громыхнула кастрюлей. И вдруг тоненько заскулила, загундосила:

– Тебе, чёрту, что? Пришёл, пожрал – и в свой гараж. Морду кверху в гайки уткнул и лежит. Паразит. Под своей машиной, как баба беспутная под мужиком, готов сутками пролёживать. А я дома с маткой твоей. Во все дырки нос суёт... И всё подкалывает, всё с подковырками. Ну-ка, попробуй. Это не так и то не этак. Она же меня всю жизнь ненавидит. Я знаю... А я её должна терпеть? Накось вот, выкуси! – сунула она кукиш из гладких толстых, как сардельки, пальцев к носу Николая.

Тот столбом стоял посреди кухни и хлопал глазами, даже не пытаясь остановить поток кипящих злобой слов распалённой Зинаиды.

Но когда Зинка сунула ему в нос кукиш, его лицо начало наливаться кровью, и желваки от сильно стиснутых зубов заходили на скулах.

Зинаида спохватилась и, гася мужнину ярость, бросилась ему на грудь, с безошибочной женской интуицией мгновенно определив ту единственную манеру поведения, которая не даст разразиться скандалу, и разрыдалась.

– Ладно! Будет! Будет, – стал успокаивать её Николай и, снисходительно похлопав по боку, словно тёлку, отстранил от себя.

– Пойду, выведу машину, – сказал он и пошёл к вешалке.

– Я ж не враг какой твоей матке, – всхлипывая, заговорила Зинаида. – Пусть хоть с месяц побудет у Нюрки. Дай мне-то передых.

Часам к одиннадцати собрались. Анджелку с собой брать не стали, и она, надув губы, пошла реветь в детскую.

Василину с узлом усадили на заднее сидение, и «Жигули» небесно-голубого цвета мягко покатали по асфальту.

Катерина жила в двухэтажном деревянном доме на втором этаже. Узел тащила Зинаида, а Николай вёл мать по шатким ступенькам, поддерживая под руку.

На звонок никто не ответил, и Николай, пошарив под половиком, достал ключ и открыл дверь. Ждать Катерину не стали и, оставив Василину, уехали.

Осмотревшись и разобрав узел, Василина села на диван. Комната у Катерины была небольшая, но всё как у людей. И диван, и зеркало, и на полу красивые дерюжки. Шифоньер отделял диван от Катькиной кровати, которая стояла за дверным выступом, и получалось что-то вроде отдельной спальни. У Кольки, конечно, побогаче. Василина вспомнила вазу, которую приволокла Зинка и поставила в коридоре в углу, возле комнаты, где Василина спала с Алевтиной. Когда проходишь мимо, она шатается и глухо звенит, будто грозится. Лишний раз из комнаты не высунешься, чтобы не зацепить да не разбить. Глаза-то еле видят. А днём девку покормить надо. Маленькая всё ж, всё подать нужно. Как теперь будут?.. Да вертлявая очень девка-то. Так из рук всё и выбивает. А они, руки, и впрямь, что крюки. Вот и выходит, то тарелку, то стакан расшмакаешь. А Зинка, когда придёт к обеду, когда нет. Теперь, хошь не хошь, придётся ходить каждый день и Анжелку и Алевтинку кормить. Назовут же, прости Господи, басурманским именем. Батюшка и то крестить Анжелку под этим именем отказался. Анной нарёк.

Зазвонил звонок, и Василина с крехтом стала подниматься с дивана. Пока она дошла до двери, звонок ещё позвонил два раза: сначала коротко и резко, словно бранился, потом нетерпеливо и требовательно.

– Господи, – переполошилась Василина и никак не могла справиться с замком.

– Мам, ты? – спросила Катерина из-за двери, и в голосе её было беспокойство.

– Я! Я это, Кать! – поспешила отозваться Василина.

– Ты крути ключ-то в другую сторону, вроде закрываешь. Он, замок, у нас наоборот поставлен, – объяснила Катерина. Замок, наконец, поддался, и дверь открылась.

– Ты как приехала-то? – спросила Катерина.

– Колька на машине привёз. Совсем я. Буду у тебя жить теперь.

– Как так?

– А так, что там ненужная стала. Мешаюсь я там.

– Ну, гад ползучий! Ну, жлоб... – Катерина захлебнулась от возмущения. – А всё Зинка, паразитка. Её это дело.

– Мам, ты что, лежала что-ли на диване-то? – бросив взгляд на сбитое покрывало, обиженно сказала Катерина. – Хоть покрывало-то сняла бы.

Василина неловко сползла с насиженного места и устроилась на стуле. Катерина свернула и убрала покрывало в нижний ящик шифоньера.

Сожитель пришёл к ночи, когда Василина уже устроилась спать – Катерина постелила ей на диване, – и всё вздыхала и ворочалась, приспособливая свои кости к новому месту. Он, по всему видно, был на сильном веселе, потому что фордыбачился, пытался петь, и на кухне что-то гремело и падало, а Катька всё уговаривала его и о чём-то просила. Потом Ка-

терина вела его мимо Василины, придерживая за бок, а он старался идти на цыпочках, приложив палец к губам, будто приказывал себе не шуметь.

В Катькином углу какое-то время слышалась возня, предостерегающий Катькин шёпот, и даже отпечатался звонкий шлепок по голому телу; потом всё стихло, и Василина услышала мерный храп.

«Тоже Бог счастья не дал, – подумала Василина. – Свой был мужик беспутный. Так от водки и сгорел. И это не мужик. А, с другой стороны, как одной? Плохо без мужика-то в доме. Это она по себе знает. Тимофей умер, когда ей, слава Богу, за семьдесят уже было. А как тяжело без него приходилось. А Тимофею жить бы да жить. Всё война, будь она проклята. В ключах сколько с коровой простаивал, от немцев прятал!.. От этого и помер».

Василина вздохнула, жалея дочку.

К вечеру, к Катиному приходу, она наварила картошки и радовалась, что смогла хоть чем-то помочь дочери.

Ужинать сели вместе. Катерина достала огурцы и разогрела картошку. За столом Катерина всё больше молчала и украдкой поглядывала на мать, словно что-то хотела сказать и не решалась.

– Мам, – сказала она, наконец, когда поели, и стала собирать со стола посуду. – Что, если я тебя отвезу к Тоньке?

И не ожидая ответа, заговорила торопливо, объясняя, почему так нужно:

– На время, пока Лёшку уговорю. Бойтся он тебя. Не хочу, говорит, с матерью. А то, говорит, решай сама, как знаешь.

Катерина посмотрела на мать. Та молчала, лицо её оставалось спокойным, и в глазах не было осуждения, но Катерине стало не по себе.

– Уйдёт ведь, – еле слышно сказала она, и в голосе её были боль и растерянность.

У Василины сердце сжалось от жалости, и она, как умела, успокоила:

– Не рушь, дочка! Э-э! Мне хоть тут, хоть там – всё одно. Лишь бы крыша над головой, – соврала она. – А ему, оно, конечно. На любого доведись, ну-ка попробуй...

К Антонине ехали на автобусе. На поворотах Василину заводило в стороны, и она моталась на заднем сидении, заваливаясь то на один бок, то на другой. Узелок мешал ей держаться, но она не выпускала его и крепче прижимала к коленкам.

Встретили её хорошо. Усадили за стол, и зять Фёдор даже достал бутылку белого, которую почти один и выпил. В разговоре стали ругать Николая за мать.

– Это всё Зинка, подлюка. Она им, дураком, как хочет крутит, а он только бельмами ворочает, как баран дурной, – высказалась Антонина и свирепо глянула на Фёдора, который всё подливал себе в рюмку.

– Этому лишь бы выжрать, – осадил его мимоходом, скорее, по привычке, чем по необходимости, и продолжила разговор с Катериной:

– Я ему, дундуку, покажу. Барин какой. И эта утка раскоряченная. Ну как ты думаешь? – раздражённо вдруг заговорила Антонина, обращаясь к Катерине. – У меня две девки. Опять же, Верка, племянница Федькина, у нас живёт. Ни кола, ни двора. Замуж собирается, а где жить будут, ещё неизвестно. И куда я матку? – спросила она Катерину в упор. – Нет уж. Он, паразит, квартиру получил вместе с маткой. Погостить – пожалуйста!.. Мам, ты побудь денька два, я разве против? – живо повернулась она к Василине. – А завтра я к этим схожу.

И замолчала. Федька тяжело встал из-за стола и под нена-

видящим взглядом Антонины, слегка пошатываясь, пошёл в свою комнату.

– Господи, вот свинья-то, – не удержавшись, бросила она зло в спину мужу, но тот даже не огрызнулся.

Василина прихлёбывала чай из большой фаянсовой кружки, который пила по давней привычке вприкуску, макая сахар в чай. Она молча слушала Антонину и время от времени кивала головой, соглашаясь со всем, что та говорила.

Уложили Василину в зале на диван. Василина долго ворочалась и охала, пока нашла удобное положение, при котором боль в суставах не так беспокоила.

Уже засыпая, она вспомнила младшую сестру Дарью и пожалела её. Все сыновья её сложили головы, четыре сына, кровь и плоть её, на этой войне. От слёз ослепла Дарья. А живёт ещё. «Лет девяносто есть», – прикинула Василина. Недавно зять Фёдор, Тонькин муж, в Галеевке был, весточку привёз. «Ох-хо-хо, – подумала вдруг Василина, – долго живём, лишнее уже. И ноги не ходят, и руки не держат». И вспомнила, как вчера утром из рук у неё выскользнул стакан и разбился. Невестке она про стакан ничего не сказала, а собрала осколки и выбросила в мусор, затолкав поглубже.

– Теперь уж скоро Господь приберёт. И меня, и Дарью, – успокоила себя Василина и, закрыв глаза, задремала.

Утром Василина собрала свой узел, взяла клюку, без которой на улицу не выходила, и пешком отправилась к самому жалкому своему сыну, Егору. Этот не прогонит. Сам хворый, потому и понимает лучше других, что такое немощь. И душа у него Богу открыта, хоть и партийный.

У Егора Василина прожила недолго, хотя ей было там покойно. Невестка Клавдия к ней отнеслась по-доброму и не притесняла, но Егор часто болел, и Василина видела, что она живёт здесь обузой.

Она упросила Николая взять её назад, а когда Катеринин сожитель в очередной раз от неё ушёл, её опять отвезли к Катерине.

Она плохо видела, из дома не выходила и всё больше неподвижно сидела на диване, на котором и спала. Катерина, уходя на работу, закрывала её на замок, и Антонина, изредка навещаясь, чтобы справиться о её здоровье, разговаривала с ней через дверь. Она жалела мать, но понимала и Катерину. Василине было за девяносто и была она немощна, а поэтому неловка, часто била посуду, не всегда успевала дойти до туалета и оставляла за собой следы на полу. В комнате стоял нежилой дух, который никогда не выветривался. Свои притерпелись, а свежий человек с улицы долго в квартире не задерживался и под всяким предлогом спешил уйти. Василина и сама была себе не рада, видела, что зажила, просила у Бога смерти, вся высохла и неизвестно, в чём душа держалась, а жила и жила. Без пользы, без толку...

Померла Василина днём. И померла как-то буднично. Утром встала, выпила с дочкой Катериной чаю. Посидела по обыкновению на диване. Потом легла и затихла. Катерина даже не заметила, когда Василина померла. Позвала: «Мамк, что будешь обедать?». Не получив ответа, через некоторое время подошла разбудить, а мать холодная. Катерина зажала ладонью рот и тихо охнула: «Ой, да что же это!» и вдруг заскулила по-собачьи, запричитала и вместо своих обид на мать почувствовала внезапный стыд от того, что сама обижала её окриком, напрасной придижкой или выговором за пустяк. Уже и самой Катерине было за пятьдесят, и с мыслью она свыклась, примирилась со скорой материнной кончиной и, чего скрывать, в сердцах грешила иной раз в мыслях, желая скорой смерти Василины, – гре-

лась, змеюкой свернувшись в душе, такая надежда, – а теперь горе было неподдельное, и сердце разрывалось от безысходной тоски. И Катерина впадала в полуобморочное состояние и плохо соображала, не зная, куда бежать и что делать дальше.

Обмывали и прибирали покойную старухи-соседки. У Василины лет пятнадцать как всё было на смерть собрано, и она при жизни любила перебирать и перекладывать единственное своё богатство: новое сатиновое платье, полотняную нижнюю рубашу, ситцевый платок, тюль, туфли, наволочку, ленту для рук и ног, чтобы не расхотелись – всё новое, ни разу не надёванное.

Теперь Василина тихо лежала в тюлевом гнезде, прямая и торжественная. На лице застыло безмятежное спокойствие, и проваленный рот тронуло подобие улыбки, будто она, освободившись от мирской суеты, достигла, наконец, желаемого счастья. Глаза впали, и затённые глазницы казались неестественно глубокими, заострившийся нос смотрел в потолок, а кости обтянутых пергаментной кожей рук лежали, сложенные на груди, и, выполняя последний раз работу, держали зажжённую тонкую свечу, которая сливалась с руками и, казалось, была восковым их продолжением.

Деньги на похороны собирали по частям. Сотню заняла Катерина, семьдесят рублей дала Антонина, сто дал Егор.

Сын Николай снял с книжки двести пятьдесят рублей, но был недоволен, ходил хмурый, молча сопел, гася раздражение, и всё же не вытерпел и выговорил сёстрам, упрекнул за то, что дали мало денег, а дома выплеснул обиду, жалуясь жене:

– Чурки чёртовы! Когда ни коснись – всё денег нет. А на водку мужикам находят. Федька, тот вообще спился.

– Да почти каждый день захлёстывает, – поддакнула жена.

– Ну ладно Катерина, та с мужиком не расписана. Лёшка хочет – придёт, хочет – уйдёт. Считай, что одна. Эту жалко. А эта. Даром, что сёстры... Николай устрой, Николай дай. Что я, обязан, что ли?

Антонину пощёлки брата задела за живое. Она пошла красными пятнами и злобно зашипела на Николая:

– Где я возьму? У меня три девки. И жрать, и одевать надо! Что мне, с неба рубли валяются? Сколько могла, столько и дала.

А Катерине сказала:

– Ничего не делается. Пусть мощной потрясёт. Как сыр в масле катается. Сам по триста рублей получает, и Зинка в магазине работает.

Антонина промокала глаза платком. А Катерине при мёртвой матери разговор был неприятен, и она отмолчалась.

Николаю пришлось помотаться. Он заказывал гроб, торговался с могильщиками, ездил в магазин ритуальных услуг за венками, закупал водку и продукты. Его старшинство безоговорочно признавалось родственниками, он покрикивал на сестёр, готовивших поминальный ужин, распоряжался, с ним советовались по разным вопросам, связанным с похоронами и столом.

С кладбищем чуть было не вышла промашка. Хотели похоронить, как просила Василина, рядом с мужем Тимофеем на Крестительском кладбище. Но родственникам сразу отказали по той причине, что кладбище переполнено, а на памятнике мужу стёрта надпись. Николай заметался. Бросился туда, сюда. В нотариальной конторе даже попытался делопроизводительнице сунуть четвертной, но та, скосив глаза на сослуживицу за соседним столом, вдруг заорала ненормальным голосом:

– Как вы смеете? Да за это знаете что?.. Уберите немедленно!

И, упиваясь своей честностью, вдруг надулась индюшкой

и завертела головой во все стороны, словно проверяя реакцию на свой героический поступок, хотя в комнате, кроме одной сослуживицы, больше никого не было.

«Чтоб тебе пусто было», – ругнулся про себя Николай, поспешно пряча деньги в карман.

Сунулись на новое кладбище. У чёрта на куличках – это ладно. Так ни кустика ведь, ни деревца. И ровные, как кровати в солдатских казармах, ряды могил – без оград, одна в одну. «Как огурчики», – довольно хохотнул невесть откуда взявшийся могильщик. От него несло сивухой, свекольное лицо светилось неуместной весёлостью.

– Где будем копать, хозяин? – поинтересовался он и слегка качнулся.

Катерина заголосила впричет:

– Не будет ей, родненькой, тут покоя...

Николай и сам скис лимонно от этого какого-то не русского порядка.

– Чисто немцев хоронят каких. Да что мы, в самом деле, не русские что-ли? Без ограды, без скамейки...

Полдня просидел в горисполкоме в очереди, и вышел, облегченно вздохнув, – добился. Надпись была в самом деле стёрта, но сохранился инвентарный номер, по нему нашли фамилию, а места рядом запас был: ограда стояла просторная.

Хоронили Василину с попом. Когда стали выносить из квартиры, Зинка ударилась голосить. Бабки-соседки сразу подхватили её под руки, будто только того и ждали. Антонина с Катериной сдержанно шмыгали носами. Николай размазывал слёзы по щекам, и его некрасивое лицо становилось почти уродливым от оскала неровных зубов и обнажённых дёсен.

Рыжеволосый батюшка, отец Афанасий, с круглым брюшком, барабанно натягивавшем рясу, привычной скороговоркой в нос проговаривал заупокойную молитву, глотая при этом не только концы слов, но и целые слова, завораживая, однако, красотой старославянского стиха: *«Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Сам один еси Безсмертный, сотворивый и создавый человека, земнии убо от земли создахомся в землю туюжде поидем, якоже повелел еси, Создавый мя, и рекий ми: яко земля еси, и в землю отъидеши, а може вси человецы поидем, надгробное рыдание творяще песнь: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя».*

Ухоженное, сытое лицо его скучало от обыденности. Певчие, молодые женщины, все будто на одно лицо, слаженно подпевали в три голоса тонкими церковными голосами. Дело своё они знали туго, успевали деловито о чём-то перешептаться, пока своё гнусавил батюшка, и вовремя вступить в нужном месте.

Родственников и провожающих в церковь набилось неожиданно много. От лёгкого подвального холодка плясали огоньки свечей, густо пахло ладаном, и святые угрюмо смотрели со стен на панихиду.

Регентша стала отбирать и гасить свечки. Певчие пропели три раза «аллилуйя», и установилась тишина.

– Попрощаемся с покойницей! – речитативом пропел батюшка, и было в его красивом баритоне что-то оперное.

– Сначала близкие.

Первым подошёл Николай. Он поцеловал мать в губы и не отошёл, а стал вдруг всматриваться в жёлтое лицо, стараясь запомнить каждую черту. Лицо его при этом мученически искажилось и опять, словно в судороге, застыло в уродливой гримасе.

Потом подошла Катерина. Она просто приложилась к гу-

бам покойницы, поправила тюль в головах и отошла с окаменевшим лицом.

Зинка с Антониной тоже целовали мать в губы и тоже вглядывались в неё, слезливо дёргая веками.

Старухи смело прощались с покойницей, а молодые переминались с ноги на ногу, пропуская вперёд старших, и чувствовали при этом неловкость.

– Бояться надо живых, а не мёртвых. Мёртвого бояться нечего, душа к Богу отлетела, а тело – тлен, – свистящим шёпотом изрекла регентша. – В венчик целуйте, в венчик.

Недавно поверившая в Бога соседка Катерины Лиза, бестолково хлопотала напоказ батюшке, следя за тем, чтобы всё шло как нужно, по ритуалу. Она шепталась с регентшей, с бабками, что-то наказывала на ухо Николаю, наводила порядок.

Гроб вынесли и поставили на две табуретки. Стали выстраиваться с венками. Певчие, все уже с хозяйственными сумками в руках, нетерпеливо поглядывали на церковную дверь. Вышел батюшка с кадиллом и молитвенником в руках. Он тихо распорядился относительно порядка шествия и дал знак трогаться. Сам стал во главе и пошёл первым. Процессия растянулась цепочкой по дорожке кладбища. Время от времени батюшка по-лошадиному косил глазами назад, и тогда Катерина совала ему в руку рубль из наменянной ради этого случай десятки. Батюшка ловко прятал рубль куда-то в складки рясы и ещё усерднее частил старославянскими словами.

Обходя грязь и выбирая места посуше, рассеялись по кладбищу и собрались, когда могильщики стали заколачивать гвозди в крышку гроба.

И тут Катерина заголосила навзрыд, стала причитать, размеренно выпевая сквозь рыдания приходившие в голову слова.

Слова всё больше подчинялись ритму и завораживали белым правильным стихом. Озарённая каким-то диким вдохновением, Катерина впала в транс, и выплёскиваемые ею слова казались бесовским наваждением и драли морозом по коже.

Зашлась в голос Антонина, выговаривая что-то бессвязное. Старухи умиленно уговаривали с двух сторон Катерину. «Что это ты? Нешто можно так убиваться?.. На всё воля Божья... Господь дал, господь взял...», – лебедями плавали елейные голоса.

Гроб опустили в могилу, бросили по горсти земли и стали закапывать. Катерина тяжело всхлипывала и, обессиленно уронив голову, висела на старухах. Родственники разбились группами и сдержанно переговаривались, чувствуя облегчение... Лиза стала звать помянуть усопшую. Голос её был краток и благочестив.

Водку разливали в гранёные стаканы. Фёдору налили полный стакан, он выпил до дна, и Антонина прошипела с раздражением:

– Дорвался?.. Не терпится?

Седой дедушка Митяй, сосед Антонины по квартире, укоризненно покачал головой и мягко сказал:

– Что ты это, дочка? Нехай помянет... Царство ей небесное.

Антонина промолчала...

С кладбища шли с лёгким сознанием исполненного долга, умиротворённые и доброжелательные не только друг к другу, но к человечеству вообще. Вблизи смерти невольно рождалось неосознанное чувство бренности своего существования, приходило смирение, а сердце очищалось от накипи и зла. Всё земное и суетное казалось теперь мало важным и лишним.

Леонид АГИБАЛОВ

Леонид Михайлович Агибалов родился 5 января 1955 года в городе Ливны Орловской области. Родители: мать – агроном, отец – строитель, прораб.

После службы в армии был принят на работу редактором районного радиовещания в редакцию Ливенской районной газеты «Знамя Ленина». В 1980 году поступил в Литературный институт им. Горького СП СССР на отделение поэзии. Занимался на творческих семинарах Н.К. Старшинова и Е.А. Долматовского. В 1985 году получил диплом о высшем образовании по специальности «литературный работник».

До 1990 года работал в различных газетах Орла и Калуги журналистом. В 1990 году переехал в Москву на постоянное место жительства. Участвовал в создании и работал ответственным музыкального журнала «Российский брасс-вестник», преподавал в училище духового искусства, занимался продажей антиквариата и букинистической литературы. По окончании заочного политехнического института работал инженером по обслуживанию ортехники, заведовал издательским центром при Международном сообществе писательских союзов...

В 2003 году вернулся в Орёл, где работал штатным журналистом в газетах «Орловский вестник», «Орловский меридиан», «Орловские новости». Впоследствии поступил на муниципальную должность в мэрию Орла. В настоящее время – помощник гендиректора по связям с общественностью МУП «Трамвайно-троллейбусное предприятие». Автор нескольких книг стихов и различных публикаций в московских журналах и альманахах. Член Союза российских писателей.

ПРИБРЕТЕНИЯ

ОДА МЕТРО

Люблю дремучею душою
Тебя, волшебное метро,
Твоё стальное, слюдяное,
Насквозь прогоркшее нутро!

Всех этих стилей переклички,
Неразбериху станций, где
Порывистые электрички
Насилу держатся в узде...

Они как с неба налетают!
Но веря — небеса есть сон —
Здесь полстолицы обитает
Под серебром стерильных солнц.

Как здесь целуют легкокрыло,
Как напирают, наддают...
Люблю тебя, Москвы горнило,
За демократию твою!

Не гордецы, не фарисеи,
Слепые баловни авто, —
Сюда спустились Одиссеи
В непроницаемых пальто.

Народ всё жилистый, строптивый,
Спокойный за судьбу свою,
С великолепной перспективой
В своём грохочущем раю!

ПРИБРЕТЕНИЯ

Он приехал в Город из провинции.
Слишком неувертливый, большой.
За какие пострадал провинности
Детской, чернозёмною душой?

Недостало человеку знания
Тайной жизни пашен и небес.
Он в испуге озирает здания,
Что символизируют прогресс.

А вокруг и люди, вроде, русские:
Смех не оскорбит его ничей!
Но неуловимо чем-то узкие —
Плоть от плоти каменных ячей!

Так в мытарствах всем известной сложности
Год прошёл, а может быть, и два...
Придела парня, по возможности
Обтесала матушка-Москва.

Приобрёл сноровку? Без сомнения!
Чем же он пожертвовал, спроси:
Добротою, совестью ли зрения
Неблагоустроенной Руси?

АМЭРИКЭН ТАЙП

В сухой атмосфере статической
И в шорохе нервных устройств,
Какой-то шагренью мистической
Обтянуты девы без свойств.

О, попочки их аккуратные!
О, кнопки! И вечный бой...
Отечество им — аппаратная.
Милей им дисплей, чем плейбой.

Лишь код, что сверхразумом выдался,
Способен увлечь их всерьёз.
Не стать приложением Windows'a
Тому, кто из плоти и грёз!

И спорить со мной до истерики,
Мозги некорректно грузя,
Зачем не люблю я Америки —
Не надо, не надо, друзья!

УРОК АНГЛИЙСКОГО

У Сивцева Врага
Вся наша ватага:
И Надя, и Вадя,
И пёс Автандил,
Следили охотно,
Как тяжко, мешкотно,
Смешно и заботно
Он в арку входил.
Все эти потоптыванья, перетоптыванья,
Все эти пошаркиванья, перешаркиванья,
Все эти поглядыванья, переглядыванья,
Все эти блужданья среди вечных светил...

Куда, в самом деле,
Семь раз на неделе
Сей воздухоплаватель
Или завхоз —
То листьев охапку,
То нотную папку,
То лисию шапку
Опасливо нёс?
Все эти покашливанья, перекашливанья,
Все эти посапыванья, пересапыванья,
Все эти помигиванья, перемигиванья,
Все эти подарочки — вот в чём вопрос!
— Вавв! What is the question! —
Мы взвыли зловеще
Под аркой, с сигаркой...
А этот вахлак
Очками играет,
Красиво втирает:
— Сестра догорает...
Трагический рак...
Все эти обследыванья, переследыванья,
Все эти просвечиванья, пересвечиванья,
Все эти укольчики, перекольчики,
Все эти немислимости... Good luck!

ЗАГОРОДНЫЙ ПОЕЗД

Как воскрешение водой,
Как жизнь из нежного сосуда
Толчком, горячею рудой,
Преобразившаяся в чудо —

Так расширительно уже
Отмокшей ночи толкованье,
Меж двух миров, на вираже,
На чёрной ветке расставанья!

Не бред ли? Несколько минут,
Валящихся под электричку,
И тьма. И только звёзды льнут
И затевают переключку...

И город весь, во всей красе,
Со всею событийной злостью —
Висит на кончике шоссе
Переливающейся гроздью.

И веришь: этот переход,
Мне этот переброс дороже,
Чем загорающийся лёд
Твоей, под поцелуем, кожи!

СУЩЁВСКИЙ ВАЛ

Запрети мне любые слова,
Хочешь — сердце поспешное вынь,
Чтоб не жгла твоя влага, Москва,
Твоя мгла и листва, и теплынь!

Разве мир на Сущёвском валу
И спокойствие на Хуторской,
Если ходит на каждом углу
Мой двойник с терпеливой тоской?

Разве жизнь в этих каменных днях,
В этом вымахе улиц ночном, —
Не намёк о тенетах, тенях,
О слезах вперемешку со сном?

Боже, Боже! Неужто пыльца
Горькой пудры и рельсы во тьму,
И служенье моё до конца —
Не свидетельствуют никому?

Научи же меня за добро
Не платить даже перстью души,
Чтоб не жгло мою память тавро
Ускользящих пальцев и лжи!

Но опять по Москве, по Москве,
Пусть иголкой, пусть мечтой воровской,
Проведи ты меня по канве:
По Суцёвскому и Хуторской!

КВАТРОЧЕНТО

Луна принималась калиться,
В акации тени шататься,
А мы не могли утолиться
Медлительным днём и расстаться.

Нам всем по четырнадцать. Лето.
В костре домерцавшие жерди.
И невосполнимо всё это,
И лёгкой подвержено смерти!

Внимай же: невнятно, сонорно
Звучат голоса издалёка...
А страшное небо — просторно,
А беглая память — жестока.

И наши бессонные саги
Под шум Оссиановский сада, —
Лишь эти слова на бумаге,
Лишь перемещение ряда!

Ты, времени вольная Лета,
Избавишь ли от наважденья,
Лишённого смысла поэта
Периода Перерожденья?

Уставшего числить базарно
И спрашивать, глядя на нищих:
«Да так ли уж было бездарно
В стране и в дешёвых жилищах?»

В той патриархальности? В плаче
Цикад над скончанием света,
Над миром в манере вердачке
Какого-нибудь Тинторетто?..».

Теперь вспоминаю всё чаще:
Смуцающая мальчишечья души,
Росли среди звёзд, в самой чаще,
Дремучие, грубые груши.

Но мы их срывали зачем-то
И рты кислотою вязали.
Вот это моё Кватроченито,
Вот это, мой милый Вазари!

ЗАРАБОТКИ

В этом городе жил я, как будто вчера.
Отправлялся на заработки в пять утра.
У вокзала садился в троллейбус пустой,
Натыкаясь на солнечный шип золотой.
Но взамен, что я всё-таки рано вставал,
Мой прижимистый Рок денег мне не давал.
И покуда обком объезжал я, плебей,
Перламутровый Ленин гонял голубей.
В этом городе были такие места,
Где смотрели на брэнную жизнь неспроста.
Но философ кладбищенский, прямо Шекспир, —
Мне мой шанцевый шанс оставлял бригадир.
Всё железкой сапёрною в сердце вошло:
Как нестрашно отверстой могилы жерло,
Как висит, не стихает серебряный свист,
Как боярышник утренний влажен и мглист.
А потом на юру, на широкой Оке,
С поминальною водкой и с килькой в кульке,
Я к подругам причаливал с россыпью строф,
Ни сомнений не ведая, ни катастроф...

ВИДЕНИЕ ЧЖУАН-ЦЗЫ

Тяжкой тьмою, — а вечер стоял, не мигая,
Меж вершин допоздна, нависая грозой, —
Заблудилось сознание, перебегая
Сквозь зарницы, сквозь шум на рисунок с фанзой.

Просияв за мгновение трещины синей, —
На сто жизней своих погружалась душа,
Созерцанием изображённых глициний,
А не сыростью бешеных листьев дыша.

Сбились в гурт, истончились бессонные вещи,
Опрокинулась явь, приникая к окну:
В красном тереме, в этой ли буре зловещей
Век растрчивал я за секунду одну?

Или всё, что сечётся, набрякло, нависло —
Так в немые длинноты художник облёк,
Что пылью потеряв ощущение смысла
Сам себе я приснился чужак-мотылёк?

И когда тёмный дождь, как состав настигая,
Разметёт наваждения опыт и пот,
Я пойму: даже ты, даже ты, дорогая —
Немота в немоте произвольных пусот...

ОСА

Грустно выздоравливать в палате.
Да ещё досада: полчаса
Вся во гневе, в бархате, во злате
Здесь танцует пленница-оса.

Знойный полдень. Жалящее солнце.
Тишина жасмина зацвела.
И упрямо сверлит веретенец
Твёрдый воздух тонкого стекла.

— Мне отмщенье. За твоё упрямство
Аз воздам — дождёшься торжества!
Разомкнётся синее пространство
Волею больного божества...

Грустно и обидно, и убого
Жить надеждой, как заведено,
Сознавая, что не веришь в Бога,
Что закрыто пыльное окно.

Репродукция к повести И.С. Тургенева «Ася»

БАЛЛАДА О ВАСИЛИИ

Памяти Е. Журавлёва

Вася торговал на рынке фруктами, жизнью торопился овладеть.
С замыслами не сиюминутными, выручая серебро и медь!
В нём души не чаяла всесильная, тёртая, глубокая родня.
Чуть чего: «Василия, Василия!» — доносилось среди бела дня...
А Василий губы занавескою вытрет, скажет: «Знаю вас, собак!».
И не скрою — было что-то веское, жизненное в сказанном вот так...
Но уж за прилавком покупателю улыбался шире, чем всегда!
Ласковой была она к приятелю, хитрая торговая звезда.
Всё бы так. Да вот приснишь Василию, мягко говоря, хреновый сон!
Нет, не срыли Васю, как Бастилию... Только круто изменился он:
Принял он какое-то решение... Взвешивал — не глядя на весы!
Ощущал какое-то брожение с каждым приближением весны...
Потерял я из виду красивого. Уж не знаю, что тому виной.
Время шло: «Василия, Василия!» — долго не носилось над страной.
Но однажды, в общем, без усилия, но с какой-то внутренней тоской —
Встретил я старинного Василия в маленькой пивной на Хуторской.
Я вскричал:
— Да это ты ль, приятель мой! Вася, ты! Да что это с тобой!
Он с улыбкой пьяно-обязательной медленно качает головой...
— Обманули денежки проворные?
— Не в деньгах, — мне отвечает, — свет!
Были деньги, а взметнулись вороны! — И потом добавил: — Я поэт!
Может быть, последний в Ойкумени, в этой первобытной стороне,
И не на халяву в заведении мне дают «сто грамм», как на войне...
Это, брат, не торговать черешнею... Выплакать в сторонке от людей
Два зрачка, две шляпки почерневшие жизнью больно загнанных гвоздей!
И на этом месте он сощурился, добавляя в пьяный взгляд свинцу...
И морщины, хищные, как щупальца, разбрелись по Васину лицу...
«Лучше бы на вывоз и на вынос ты золотые фрукты продавал!» —
В паузах речей его обрывистых думал я да водки подливал.

Людмила ИВАНОВА

У подъезда раздался стук беговых дрожек,
и через несколько мгновений вошёл в комнату
старик высокого роста, плечистый и плотный,
однодворец Овсяников...
И.С. Тургенев. «Мой сосед Радилов»

ОДНОДВОРЦЫ ОВСЯНИКОВЫ

Людмила Николаевна Иванова (Преснова) является автором книг «Деревня, которой нет. По следам героев И.С. Тургенева» (1991), «Родине поклонись» (1993), «Дорогой к храму. Монастырские дневники» (1999), «Всех скорбящих радости. Книга I» (2000), «Записная книжка. Стихотворения в прозе» (2001), «Россиянки» (2004), «Всех скорбящих радости. Книга II. Болховские дневники» (2008), «Всех скорбящих радости. Книга III. Небо на земле» (2014), «Однажды раннею весной. Пьеса для чтения в креслах» (2014). В Санкт-Петербургском издательстве «Русская классика» вышел тираж третьего, дополненного издания книги Л.Н. Ивановой «Всех скорбящих радости» о священноисповеднике Георгии Коссове. Книга иллюстрирована подлинными фотографиями и документами.

Указом губернатора Орловской области от 28 июля 2016 г. Л.Н. Иванова награждена юбилейным знаком «450 лет городу Орлу». За участие в конкурсе «Книга года» Орловского областного Совета народных депутатов ей объявлена благодарность. За многолетнюю работу в Орловском региональном отделении СПИ и в связи с 450-летием г. Орла Л.Н. Иванова награждена почётной грамотой Союза российских писателей.

Недалеке от легендарного Бежина луга, на склоне одного из пологих зелёных холмов Средне-Русской равнины, омываемых водами неширокой, причудливо извивающейся речки Снежеди, раскинулась небольшая, всего в двадцать пять дворов, деревенька с характерным для старых русских деревень названием – Голоплеки.

В Голоплеках издавна жили однодворцы Овсяниковы, черты которых, по всей вероятности, и отразил И.С. Тургенев в образе главного героя своего одноимённого рассказа «Однодворец Овсяников». Прототипом его могло послужить писателю реальное лицо.

В 1925 году из Орловского губернского архива в фонды Государственного литературного музея И.С. Тургенева в городе Орле было передано дело Орловской губернской чертёжной (производства 1839–1844-х годов) о проверке земли, купленной матерью И.С. Тургенева – В.П. Тургеневой – у соседнего помещика И.И. Чертова. В нём упоминается о продаже земли однодворцу Овсяникову из деревни Голоплеки.

Сама эта деревенька будто сбегает со склона холма к длинному пологому оврагу, поросшему садами. С давних времён здесь сохранились искусственные пруды, старые колодцы, засыпные просторные избы с толстыми кирпичными стенами, деревянными сенцами и выложенными в высоту в виде веера кокошниками над окнами. Место школы на берегу нижнего пруда кое-где ещё отмечено остатками каменного фундамента да купой старых берёз на месте школьного участка.

Сам писатель жил в четырёх верстах от Голоплек, в бывшем материнском родовом имении – селе Спасском-Лутовинове. Расстояние между Голоплеками и Спасским небольшое, местность ровная, а в хорошую погоду, стоит выйти на восточную окраину Голоплек, видна берёзовая рощица, а за ней – усадьба писателя.

Между Голоплеками и Спасским, пересекая с севера на юг

проторенную от одного угла поля до другого просёлочную дорогу, проходит и теперь ещё хорошо обозначенная старым рвом граница двух областей: Орловской и Тульской.

Голоплеки со стороны Спасского-Лутовинова также видны издали: громадные стройные ели, высокие белоствольные берёзы, раскидистые пышные ракиты, золотистые липы с шершавыми от старости стволами – всё это напоминает о давней, веками обжитой земле. Часть деревни и земель вокруг неё достались И.С. Тургеневу по наследству после смерти матери в самой середине прошлого столетия – в 1850 году.

Мне посчастливилось обнаружить в Государственном историческом архиве города Москвы уставную грамоту сельского общества крестьян деревень Голоплеки и Кальна за 1862 год. Она поведала о том, что И.С. Тургенев хорошо знал не только Голоплеки, но и её жителей поимённо: это были, наряду с однодворцами, крестьяне, перешедшие по наследству после смерти матери к И.С. Тургеневу. Это и о них писал И.С. Тургенев С.А. Венгерову 19 июня 1874 года: «Когда же матушка скончалась в 1850 году, я немедленно отпустил всех дворовых на волю, пожелавших крестьян перевёл на оброк, всячески содействовал успеху полного освобождения, при выкупе везде уступил пятую часть – и в главном имении ничего не взял за усадебную землю, что составляло крупную сумму».

Эта деревенька, внешне ничем не приметная, имеет свою давнюю и славную историю. В XVI веке по её земле проходила южная граница Московского государства. С тех пор и осели здесь служилые люди, определившие судьбу России, защитив её от набегов полчищ крымских татар. К XVII веку попытки захвата этих земель прекратились. Но отдельные отряды ещё долго продолжали свои набеги на плодородные древние земли чернозёмной лесостепи, превратившиеся за время ордынского ига в «дикие земли». Вот как об этом писал Н.М. Карамзин:

«Будучи в мире – по крайней мере на время с христианскою Европой, Россия, спокойная внутри, хотя и не страшилась, однако же непрестанно береглась Тавриды. Магмет-Гирей, обещая союз и царю, и Литве, тайно сносясь с черемисою и явно посылая толпы разбойников в наши юго-восточные пределы <...> и в то же время крымския шайки, вместе с азовцами, с ногами Казыева улуса, жгли селения в уездах: Белёвском, Козельском, Воротынском, Мещевском, Мосальском. Думный дворянин Михайло Безнин с лёгкою конницей встретил их на берегу Оки (*приток – река Зуша – находится в четырёх километрах от Голоплек. – Прим. авт.*) под слободою монастырскою, разбил наголову, отнял пленников и получил от царя золотую медаль за своё мужество. Ещё два крымца, числом от 30 до 40 тысяч, злодействовали на Украине <...>. Воеводы московские били, гнали их следом <...> не отходили от берегов Оки; стояли в Туле, в Серпухове, ожидая самого хана. Таврида уподоблялась для нас самому гаду, который издыхает, но ещё язвит смертоносным жалом: ввергала огонь и смерть в пределы России...».

А сюда, на родину, уже возвращались после долгого изгнания русские люди. Находили землю разорённой, полудикой. Корчевали леса, расчищая места для поселений, строили дома, распахивали залежалые, твёрдые, много лет не паханные земли, сажали сады. Местному населению в труде помогали воины, которые оставались на этой земле для обслуживания крепостей и засек, выдвигавших далеко вперёд сторожевые дозоры. Здесь выросла целая система укреплений, получившая название Тульской засечной черты.

Оставаясь для охраны этих земель, служилые люди из числа воинов, стрельцов, пушкарей, засечных сторожей, раскольщиков, затинщиков, городских казаков, к которым в XVIII веке добавились ещё и пахотные солдаты, нередко обзаводились в местах воинской службы семьями, пуская тем самым в многострадальную тульскую землю глубокие корни и навечно сливаясь с местным населением.

В научном исследовании «Однородцы Черноземья» М.Т. Белявский даёт подробную картину заселения этих земель. «Значительная составная категория служилых людей, – сообщает он, – состоящая из отдельных сословных групп, каждая из которых обладала определёнными, отличными от других, правами и привилегиями, <...> в качестве жалованья за службу получала землю на поместном праве. Наибольшие земельные дачи (наделы) получили «служилые люди» «по отечеству», большая часть которых выступала как «дети боярские». Большинство «детей боярских» составляли мелкие дворяне, сыновья дворян, служилые люди из Москвы и других городов центра. В то же время немалая часть «детей боярских» была в прошлом посадскими людьми, черносошными крестьянами и другими «вольными людьми».

Земли, заселённые и уже обжитые крестьянами, бежавшими от крепостного гнёта бояр, дворян и монастырей, царское правительство щедро жаловало московским боярам, дворянам, верхушке служилых людей засечных черт <...>. В результате царских пожалований некоторая часть служилых людей засечных черт получала не только формально, но и фактически поместные права помещиков, и при благоприятных условиях они входили в состав дворян.

Большая часть служилых людей засечных черт, получившая землю за свою службу, не имела крестьян, не получала совсем или получала незначительное денежное и хлебное жалованье. Главным источником, обеспечивавшим несение службы и их существование, была обработка полученной земельной дачи силами их семей».

Жили такие семьи сами по себе, каждая семья одним своим двором. Поэтому их стали называть однородцами. Многие были бедны. И.С. Тургенев в рассказе «Однородец Овсяников» по этому поводу говорит, что его герой Лука Петрович Овсяников «был исключением из общего правила, хоть и не слыл за богача. Жил он один с своей женой в уютном, опрятном домике, прислугу держал небольшую, одевал людей своих по-русски и называл работниками. Они же у него и землю пахали».

Семьи однородцев со временем росли, наделы дробились и зачастую становились мизерными. Поэтому неудивительно, что фактическое положение однородцев со временем всё более приближалось к положению государственных крестьян. Об этом в том же рассказе И.С. Тургенев пишет так:

«Говоря вообще, у нас до сих пор однородца трудно отличить от мужика: хозяйство у него едва ли не хуже мужицкого, телята не выходят из гречихи, лошади чуть живы, упряжь верёвочная...».

В XVII веке Тульская засечная черта оказалась глубоко в тылу государства. Одни группы однородцев правительство переселяло на следующую засечную черту, другие оставались на месте, и в их хозяйственном и правовом положении всё отчётливее проступали черты или дворянского поместья (для немногих из них), или крестьянского хозяйства (для основной массы). Превращаясь в крестьян, однородцы всё же сохраняли специфические права и черты, отличные от других категорий русского крестьянства.

По мере укрепления самодержавия в России сословие однородцев становится ненужным в прежнем своём качестве и его поместные права и привилегии постепенно аннулируются. Земли их становятся центром притяжения крупного дворянства и боярства, а в судьбах однородцев происходят значительные перемены. Постепенно разгул дворянства по причине их безнаказанности со стороны правительства достигает своего апогея: земли однородцев расчищаются в конце концов открыто.

Судьбы однородцев тургеневских мест тесным образом связаны с именами предков писателя: его матери Варвары Петровны Лутовиновой, деда Петра Ивановича, а также двоюродного деда Алексея Ивановича Лутовиновых. Фамилии местных однородцев упоминаются в их документах неоднократно. Из семейных преданий, легенд, бытовавших на родине И.С. Тургенева, из рассказов современников писателя несомненно выявляется: он знал об отношении своих предков к местным однородцам. Устами своего героя Луки Петровича Овсяникова автор «Записок охотника» и рассказал об этом читателям:

«Нас и теперь, – говорит Овсяников, – другие господа притесняют; но без этого обойтись, видно, нельзя. Перемелется – мука будет <...>. А хоть бы, например, опять-таки скажу про вашего дедушку. Властный был человек! Обижал нашего брата. Да вот вы, может, знаете – да как вам своей земли не знать, – клин-то, что идёт от Чаплыгина к Малинину?.. Он у вас под овсом теперь... Ну, ведь он наш, – весь как есть наш. Ваш дедушка у нас его отнял; выехал верхом, показал рукой, говорит: «Моё владенье» – и завладел. Отец-то мой, покойник (царство ему небесное!), человек был справедливый, горячий был тоже человек, не вытерпел, – да и кому охота своё добро терять? – и в суд просьбу подал. Да один подал, другие-то не пошли – побоялись. Вот вашему дедушке и донесли, что Пётр Овсяников, мол, на вас жалуется: землю, вишь, отнять изволили... Дедушка ваш к нам тотчас и прислал своего ловчего Бауша с командой <...>. Что ж?.. Привели его к вашему дому

да под окнами и высекали. А ваш-то дедушка стоит на балконе да поглядывает; а бабушка под окном сидит и тоже глядит. Отец мой кричит: «Матушка, Марья Васильевна, заступитесь, пощадите хоть вы!». А она только знай приподнимается да поглядывает. Вот и взяли с отца слово отступить от земли и благодарить ещё велели, что живого отпустили. Так она и осталась за вами. Подите-ка, спросите у ваших мужиков, как мол, эта земля прозывается? Дубовщиной она прозывается, потому что дубьём отнята...».

Подобные события в то время действительно имели место. В мемуарной литературе имеется ряд свидетельств людей, слышавших о них от современников деда писателя. Существует также целый ряд судебных дел «о ссоре и драке крестьян капитана Лутовинова с однодворцами в 1779–1782 годах».

Обратимся к «Запискам» архитектора Владимира Алексеевича Бакарева о Петре Ивановиче Лутовинове. Они написаны частью в 1852–1856 годах, частью в 70-х годах XIX столетия. Материал для «Рассказа о П.И. Лутовинове» почерпнут им из живых воспоминаний об Орловской губернии, где Бакарев в качестве архитектора жил в имении князя Куракина.

«Лутовинов имел дело с однодворцами или с экономическими крестьянами, – пишет Бакарев, – вот что он сделал: собрал мужиков, разумеется, с дубьём, расставил их в засадах – в скрытых местах, сам между тем послал сказать противникам своим, чтобы они ехали с его земли и не пахали бы её, как не им принадлежащую, а ему. Сначала сделалась брань, потом драка, а потом совершенное побоище. Лутовинов выехал со всею охотою, большей частью напоенной допьяна, обе стороны остервенились до того, что на месте с обеих партий было убитых до 15 человек. Охотники стреляли из пистолетов. Когда Лутовинов одолел, тогда собрал все мёртвые тела и повёз их в город Ливны; едучи туда через селение противников, зажёт оно с обоих концов и кричал: «Я – бич ваш!». Приехавши в Ливны, он прямо доставил убитых в суд и сказал судьям: «Вот я управился». Его, разумеется, взяли, и он сидел в деревне своей до 15 лет на поруках; в это время до 50 человек его крестьян умерло в остроге».

А публикующиеся здесь впервые материалы, подтверждающие рассказ Бакарева о подобных событиях и о Петре Ивановиче Лутовинове, дополняют его свидетельства названиями сёл и деревень, именами и фамилиями крестьян, принимавших участие в ссорах и драках по воле Лутовинова, и противников их – однодворцев, а также именами свидетелей этих происшествий. Из судебных дел мы подробнее узнаем обо всех перипетиях этих тяжб.

«Из Орловского уездного суда во Мценский уездный суд <...> сообщение <...> по делу, проходимому в сем суде о происшедшей обиде гвардии капитан-поручика Петра Лутовинова между людей его же <...>. Малоархангельской округи села Верхососенья с однодворцами на спорной земле ссоре и драке <...> в результате случилось смертное убийство», – читаем на листе 5 дела № 326 Мценского уездного суда.

Из опросного листа другого судебного дела (декабрь 1779 – январь 1780 г.) узнаём о том, что лейб-гвардии капитан-поручик бригадир Пётр Иванович Лутовинов для ссоры и драки собрал своих крестьян со многих деревень. На сей раз это были: «дворовый человек Александр Родионов, Пётр Семёнов из села Богоявленского Мценского уезда <...>, из села Спасского Никита Фёдоров, Семён Иванов, Дмитрий Иванов, Данила Титов, сын его Козьма, крестьянин Осип (а чей сын – не значитя), из села Сычёва крестьянин Алексей Игнатов, Порфирий Никифоров, Яков Козьмин, Тимофей

Степанов, Андрей Изотов <...>, из деревни Долгаго молодые крестьяне Егор Григорьев, Семён Федин, Иван Палишин, Астафий Андреев, Фёдор Леонов, Иван Тарасов, Михайла Максимов, Карп Иванов, Иван Фёдоров, Сидор Кондратьев, Алексей Иванов <...>, из деревни Столбецкой староста Семён Степанов, Софрон Иванов, сын Тоболев, Данило и Иван Семёновы, Иван Яковлев, Нэфёд Ефимов, Александр Филатов, <...> крестьяне Софрон Васильев сын Пономарёв, Софрон Иванов по прозвищу (неразборчиво. – Прим. авт.), Григорий Чуренинов, Антон Григорьев, Ларион (а чей, не значитя)».

Среди фамилий лутовиновских крестьян нет имени самого помещика, главного виновника и зачинщика всех этих ссор и драк. В списках осуждённых – крестьянские имена и фамилии, а имя самого помещика едва мелькает на титульных листах да в заголовках протоколов.

И.С. Тургенев был достоверен, устами своего героя Овсяникова поведав нам о том времени из жизни однодворцев на этих землях, когда многие из них, окончательно обедневшие, а иные и вконец разорившиеся, не могли по закону, то есть не имели сил и средств тягаться с богатыми помещиками, защищая свои исконные права и земли.

Уже к концу XVII века однодворцы платили подушную подать, несли рекрутскую и другие повинности и испытывали все последствия неполноправия. Позднее оно переросло в полное бесправие в связи с ростом безобразного произвола соседей-дворян. Это-то, по-видимому, и имел в виду Овсяников, произнося в конце своего рассказа о самоуправстве П.И. Лутовинова фразу: «Так вот от этого и нельзя нам, маленьким людям, очень-то жалеть о старых порядках».

Доведённые до отчаяния, однодворцы посылают на рассмотрение созданной правительством в 1767–1768 годах Уложенной комиссии свои жалобы. В них они пишут о притеснениях, бесчинствах, издевательствах помещиков, о стяжательстве и заведомых проволочках должностных лиц всех рангов и чинов царской администрации.

На юго-востоке Московской губернии, территориях современных Калужской, Рязанской, Тульской, Орловской областей жило немало однодворцев самой первой (Тульской) засечной черты. Здесь давно безраздельно господствовали помещики-землевладельцы, и основную массу населения составляли крепостные. Удельный вес однодворцев был невелик. В однодворческих наказах этого региона было немало жалоб на самоуправство дворян. Кроме того, появилось много претензий, как считалось, совершенно не обоснованных, беспочвенных, на включение однодворцев в состав дворян.

Подчеркнём эту мысль, так как вскоре вернёмся к ней в связи с новой архивной находкой о дворянстве именно Овсяниковых из Голоплек. А пока обратимся к портрету главного героя одноимённого рассказа И.С. Тургенева, данного писателем; «Представьте себе, любезные читатели, человека полного, высокого, лет семидесяти, с лицом, напоминающим несколько лицо Крылова, с ясным и умным взором под нависшей бровью, с важной осанкой, мерной речью, медлительной походкой: вот вам Овсяников. Носил он просторный синий сюртук с длинными рукавами, застёгнутый доверху, шёлковый лиловый платок на шее, ярко вычищенные сапоги с кистями и вообще с виду походил на зажиточного купца. Руки у него были прекрасные, мягкие и белые, он часто в течение разговора брался за пуговицы своего сюртука. Овсяников своею важностью и неподвижностью, смышлённостью и ленью, своим прямодушием и упорством напоминал мне русских бояр допетровских времён... Ферязь бы к

нему пристала. Это был один из последних людей старого века. Все соседи его чрезвычайно уважали и почитали за честь знаться с ним. Его братья, однодворцы, только что не молились на него, шапки перед ним издали ломали, гордились им».

Невольно возникает вопрос: кто же всё-таки этот Овсяников? Однодворец середины или конца XVIII века или, возможно, обедневший, утративший былые права и привилегии представитель высшего российского класса – дворян? По крайней мере, мысль о несоответствии образа Овсяникова его социальному положению возникает, вероятно, у каждого, кто когда-либо по тем или иным обстоятельствам познакомился с названным произведением И.С. Тургенева. Видимо, писатель подчёркивает образ однодворца таким способом не случайно, а вкладывает в него особый, глубокий смысл. Иначе зачем же понадобилось ему выделять Овсяникова из общей массы людей его круга и положения – из однодворцев?

А вспомнив фразу из рассказа однодворца о самоуправстве П.И. Лутовинова, мы представляем себе и облик справедливого, непреклонной воли, бесстрашного его отца, который «в суд просьбу подал. Да один подал, другие-то не пошли – побоялись...».

Однодворец, обиженный помещиком, вступает в тяжбу с ним, почти наверное зная, что шансов на успех у него практически нет. Что кроется за этим его поступком? На что всё-таки рассчитывает он, затеяв тяжбу с сильным мира сего, находящимся под опекой правительства и того самого закона, к защите которого он, Пётр Овсяников, и обращается в надежде поддержать своё человеческое достоинство и защитить имущественные права? Что имеет он в арсенале своих прав и достоинств?

Но прежде чем ответить на ряд вопросов, возникших в результате анализа образа тургеневского героя и его необычных поступков, обратимся вновь к произведению И.С. Тургенева. Из рассказа следует, что уже в конце XVIII века практически ничем не защищённые однодворцы не могли тягаться с помещиками за своё место в обществе. Но, тем не менее, они продолжали сохранять своё человеческое достоинство, понимание жизни, уровень развития, высокую культуру. А главное – они, конечно, чувствовали себя представителями великого народа. А по своему интеллектуальному уровню продолжали оставаться выше крестьян. Но постоянный труд на земле, их приверженность ей и свойственные людям земли духовные устремления породнили однодворцев с крестьянством. И они, ранее имея определённые права и привилегии, пытались этим призрачным прошлым защитить своё право на землю, то есть те небольшие клочки, доставшиеся им от отцов и дедов, на которые постоянно посягали соседние богатые помещики. Зачастую добывая утерянные бумаги, выправляя копии с документов предков, однодворцы вольно или невольно подтверждали в процессе этих тяжб свои права и тем самым доказывали истинное своё происхождение.

Именно так случилось и с родом однодворцев Овсяниковых из Голоплек. Обнаруженные в Государственном архиве Орловской области материалы рассказывают о том, что этот род действительно имел ранее более весомые права и привилегии, нежели в описываемое И.С. Тургеневым время. Вероятно, документы эти утрачены однажды и какое-то время не подтверждались поколениями предков. А сами Овсяниковы из Голоплек были доведены к середине XVIII века до такого состояния, что оказались в подушном однодворческом окладе наряду с крепостными крестьянами со-

седних помещиков. И немудрено, что последние обращались с однодворцами как со своей собственностью.

Доведённые до отчаяния, Овсяниковы из Голоплек в последней четверти XVIII века действительно затеяли ходатайство с тем, чтобы защитить себя и оградить будущие поколения своих потомков от посягательств на их права кого бы то ни было. О том, как всё это происходило, рассказали протоколы Орловского депутатского дворянского собрания за последнюю четверть XVIII века и первую четверть XIX века, публикуемые здесь впервые. Благодаря этой ценной архивной находке сегодня мы имеем возможность подробно познакомиться с представителями рода Овсяниковых из деревни Голоплеки Чернского района Тульской области: с их именами и занятиями на протяжении веков, чаяниями и надеждами, с историей рода однодворцев Овсяниковых. А вместе с тем, возможно, проникнем глубже в замысел писателя, уделившего в своём творчестве так много внимания седой старине нашей Родины.

Согласно обнаруженным документам, ещё в 1792 году канцелярист «Казма Тарасов, сын Овсяников», родом из Голоплек Чернского уезда Тульской губернии, выбившийся к тому времени во мценские служащие, от имени своего рода начинает процесс о подтверждении утерянного предками дворянства и возвращении своего рода в социальную ипостась. Первоначально он представил в Орловское депутатское дворянское собрание некоторые доказательства, свидетельствующие о принадлежности предков к классу дворян. Но их оказалось недостаточно, о чём в протокол собрания за 1793 год (Алфавитный журнал за 1796 год) внесена следующая запись:

«Прошение из дворян канцеляриста Казмы Тарасова, сына Овсяникова, которым прописывает, что в прошлом 792 году представлены от него в сие собрание на дворянство предков его доказательства, и как оные по рассмотрении собрания оказались недостаточными тем, что от значащегося по оным родственника его, коллежского асессора Федосея Васильевича Овсяникова, что он точно ему троюродный брат, свидетельства не представлено, почему он ныне, испросив такое свидетельство, прилагал при том прошение: просит о внесении его в дворянскую родословную книгу. По справке ж в собрании оказалось: от означенного канцеляриста Казмы Овсяникова доказательства были поданы и как оные по рассмотрении собрания оказались недостаточны, то и возвращены ему обратно, до представления им неопровергаемых доказательств. Приказали: хотя проситель Овсяников в дополнение прежних доказательств и представляет данное ему от родственника его, коллежского асессора Федосея Васильевича Овсяникова, но, как сам он, господин Овсяников, в дворянскую родословную книгу ещё не внесён и, следовательно, и свидетельство оное достаточным доказательством служить не может, а потому собрание, согласно прежде сделанному сим собранием определению по силе 85-й статьи высочайшей грамоты внесения его рода в дворянскую родословную книгу, и оставляет до представления им достаточных доказательств, почему и свидетельство оное с надписанием на просьбе его сего определения возвратит ему обратно, оставя с него при деле копию. Подписи депутатов и секретаря».

Итак, в конце XVIII века однодворцы Овсяниковы из Голоплек пытаются вернуть своему роду потомственное дворянское звание, но первая попытка их оказывается безрезультатной. Однако следующие доказательства были более вескими, о чём свидетельствуют Алфавитный журнал и последующие протоколы Орловского депутатского дворянского собрания за 1824 год:

«Мценского помещика коллежского секретаря Бориса Антонова, сына Овсяникова, при коем представил на дворянство его доказательство, выданную отцу его, дворянину Антону Клементьеву, сыну Овсяникову 1802-го года из Тульского депутатского дворянского собрания грамоту, а ему от чернского уездного суда о службе его и по форме список, просит о внесении его в дворянскую родословную книгу и о выдаче ему Грамоты. Приказали: представленные в пользу дворянской казны пятьдесят рублей записать в приход, а как проситель, г. коллежский секретарь Борис Антонович Овсяников основывает своё дворянство на представленной грамоте, выданной родителю его дворянину Антону Клементьевичу Овсяникову из Тульского депутатского дворянского собрания, а потому отнести в оное о присылке копии за скрепой, с состоявшегося о том протокола, по получении которого доложить сему собранию. Подписи депутатов и секретаря».

Однако в 1825 году, «ноября 11-го дня, по указу Его Императорского Величества Орловской губернии Дворянское депутатское собрание рассматривало отношение Тульского дворянского депутатского собрания, при коем доставлена копия с протокола о дворянстве мценского помещика коллежского секретаря Бориса Антонова, сына Овсяникова, состоявшегося 1802 года, октября, 29 дня, по коему внесён отец его просителя дворянин Антон Клеменов, сын Овсяников, по тамошней губернии в шестую часть родословной книги <...>, прапращур его просителя Никифор Лукьянов, сын Овсяников <...> писан служащим в Белгородском полку ротмистром <...>, пращур Иван Никифоров был рейтером, прапрадед Семён Иванов служил в Белгородском полку драгуном, прадед Филипп Семёнов, дед Клемен Филиппов и отец Антон Семёнов состояли в подушном однодворческом окладе, то и представлено было на рассмотрение правительствующего сената <...> по именному Его Императорского Величества Высочайшему указу <...> коим всеподданнейше представлено было, как состоящая в подушном однодворческом окладе Тульской губернии Чернского уезда деревни Голоплек, Овсяниковы в собрании Тульской губернии предводителя дворянства и уездных депутатов доказали происхождение своё от благородных предков и по внесению в дворянскую родословную книгу оказались достойны, то силою Всемилостивейше пожалованной дворянству грамоты показанный род следует возвратить в первобытное дворянское состояние, почему и должен быть от подушного однодворческого оклада и ото всех податей выключен, на котором докладе Его Императорское Величество собственною рукою подписать соизволил быть по сему <...> и в той росписи в числе 21 человека рода Овсяниковых написан и отец просителя Антон Семёнов, сын Овсяников, с детьми и его родными братьями Юдою и Иваном, а потому означенный отец его и внесен тамошней губернии в шестую часть дворянской родословной книги...».

Портрет рода Овсяниковых из Голоплек дополняют строки документа, раскрывающие образы самих «просителей», их образ жизни и дающие им качественную характеристику: «Из представленного же от него просителя при прошении 11-го декабря 1823 года данного ему из Мценского уездного суда аттестата, что он в службу вступил в тот суд с 15 июля 1812 года и награждён был чинами коллежским регистратором 1815 декабря 31-го. Губернским секретарём 1818 декабря 31. Коллежским секретарём 1821 годов декабря 31 числ. В продолжении же его службы вел образ жизни своей прилично его званию и возложенную на него должность исполнял с

особенным усердием и рачением, и повышению аттестовался достойным, а 1823 года от службы уволен <...>, по списку ж ему показывается от роду 26 лет, холост, недвижимого имения за ним состоит во Мценском уезде 5 душ, жительство имеет в том же уезде...».

В дополнение к биографии Бориса Антоновича Овсяникова можно добавить ещё и то, что его хорошо знали и помнили современники И.С. Тургенева. Так, поэт А.А. Фет в своих «Воспоминаниях» писал: «Почти ежедневно через залу, где мы играли, в кабинет к отцу проходил с бумагами его секретарь, Борис Антонович Овсяников...».

Далее приводим примечание автора данного очерка: Описываемые А.А. Фетом в его «Воспоминаниях» события происходили в Новосёлках, на родине поэта, всего в нескольких километрах от небольшого уездного городка Мценска Орловской губернии примерно в начале 20-х годов XIX столетия. Очевидно, Овсяников после увольнения с государственной службы стал личным секретарём отца А.А. Фета А.Н. Шеншина».

Но вернёмся к замыслу писателя. Если предположить, что события и образы героев рассказа «Однодворец Овсяников» взяты И.С. Тургеневым из жизни, то, исходя из строк вышеприведённого документа, попробуем проанализировать и некоторые даты...

Работу над этим рассказом И.С. Тургенев начал в 1847 году. Как свидетельствуют приведённые выше судебные дела 1779–1782 годов, прототипом главного героя рассказа могло послужить писателю реальное лицо. Из произведения же узнаём, что в то время, когда Тургенев общался с Овсяниковым, последнему было уже около 70 лет. А события, о которых со слов Овсяникова рассказывает автор, происходили ещё тогда, когда Лука Петрович Овсяников был ребёнком. Так, в сцене увода его отца для экзекуции в соседнее село Овсяников говорит: «Я тогда был мальчишка маленький, босиком за ними побежал...». Следовательно, события эти могли иметь место примерно в 80-х годах XIX столетия.

В 1825 году, когда Овсяниковы из Голоплек вернули своё потомственное дворянство и были занесены в шестую часть дворянской родословной книги, то есть доказали принадлежность свою к именитому дворянству, Луке Петровичу Овсяникову могло быть около 50 лет. А это был примерно возраст отца Бориса Антоновича – Антона Клементьевича Овсяникова из Голоплек, а возможно, брата его либо другого Овсяникова из этой деревни: из числа «21 души мужеска пола», вернувших в 1825 году потомственное дворянство.

В 2–3 километрах от Голоплек лежит село Петровское, наследственная вотчина деда писателя по материнской линии Петра Ивановича Лутовинова. Между этими деревнями есть клин земли, «что идёт от Чаплыгина к Малинину». Следовательно, писатель в действительности мог привязать описанные события к этим местам и, возможно, к человеческим типам, населявшим эти земли.

Известно, что Тургенев много времени и внимания в своё время уделил крестьянам Голоплек, перешедшим к нему по наследству. Одним из первых в России он предложил им землю в аренду ещё задолго до официальной отмены крепостного права, а затем, сделав всевозможные уступки, помог выкупить арендованную землю, и голоплекские крестьяне одними из первых в России стали самостоятельно вести хозяйство.

В Голоплеках и теперь живут Овсяниковы, возможно, потомки тех самых лиц, черты которых передал своему герою Луке Петровичу Овсяникову Иван Сергеевич Тургенев.

Елена Ивановна НОВИКОВА,
президент компании «Услава»

www.uslada.org

*От всего сердца поздравляю всех с замечательным юбилеем – 200-летием со дня рождения выдающегося писателя и нашего земляка **Ивана Сергеевича Тургенева**.*

Мы всегда будем помнить его гениальные слова: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!».

Будем же всегда милосердны и участливы к ближнему, осознавая, что мы действительно великий народ, прошедший множество испытаний, горечи и разочарований, но способный на великие свершения, сохранивший веру в лучшее. В то, что только доброта и сострадание спасут мир.

*И в этом порукой многогранный, певучий и проникающий в душу русский язык, оставленный нам в наследство **Иваном Сергеевичем Тургеневым**.*

Будьте же благословенны и счастливы, дорогие земляки!

Дай мне руку – и пойдём мы в поле,
Друг души задумчивой моей...
Наша жизнь сегодня в нашей воле –
Дорожишь ты жизнью своей?
Если нет, мы этот день погубим,
Этот день мы вычеркнем шутя.
Всё, о чём томилась мы, что любим,
Позабудем до другого дня...
Пусть над жизнью пёстрой и тревожной
Этот день, не возвращаясь вновь,
Пролетит, как над толпой безбожной
Детская, смиренная любовь...
Светлый пар клубится над рекою,
И заря торжественно зажглась.
Ах, сойтись хотел бы я с тобою,
Как сошлись с тобой мы в первый раз.
"Но к чему, не снова ли былое
Повторять?" – мне отвечаешь ты.
Позабудь всё тяжкое, всё злое,
Позабудь, что расставались мы.
Верь: смущён и тронут я глубоко,
И к тебе стремится вся душа
Жадно так, как никогда потока
В озере не просится волна...

Посмотри... как небо дивно блещет,
Наглядись, а там кругом взгляни:
Ничего напрасно не трепещет –
Благодать покоя и любви...
Я в себе присутствие святыни
Признаю, хоть недостойн ей...
Нет стыда, ни страха, ни гордыни.
Даже грусти нет в душе моей...
О, пойдём – и будем ли безмолвны,
Говорить ли станем мы с тобой,
Зашумят ли страсти, словно волны,
Иль уснут, как тучи под луной, –
Знаю я, великие мгновенья,
Вечные с тобой мы проживём.
Этот день, быть может, день спасенья.
Может быть, друг друга мы поймём.
Весна 1842

Ирина ЛЮБИМЦЕВА

Родилась в городе Орле в 1994 году.

Пишу стихи с 13 лет. С детства увлекалась рисованием. Позже, уже в школе, начала интересоваться литературой и, в частности, поэзией.

В 2014 году окончила Орловское художественное училище. С 2012 по 2015 год входила в молодёжное литературное объединение «К.Л.О.К.», принимала участие в аудиосборнике стихов «Голоса», а также в сборнике стихов «День, шаг, стих».

В 2015 году стала победителем конкурса «Лавровый венец» и выиграла приз – сертификат на издание книги. Первый сборник стихов получил название «Море и небо».

В 2017 году в издательстве «3-е ИЮЛЯ» вышла в свет книга «Ночь».

ЗЕРКАЛО В ОПРАВЕ СЕРЕБРА

Весенний вечер, как прозрачный сон,
Меняется и меркнет с новым шагом.
И с каждым вдохом воздух холодней.
Из серого мир переходит в синий
И чёрный. Силуэты скрыла тьма.
Всё замерло. Застыло в ожидании.
Смотри в себя и слушай тишину.
Соединив дыхание и ветер,
Плыви, теряйся, становясь ничем
И всем одновременно: звуком, тенью,
Холодным небом над сырой землёй.
На равных с миром как с самим собой.

Воды потоки. Глянцевый асфальт.
Огни витрин стекают и ложатся
На выступы и скаты мостовой.
И провода раскраивают окна,
Горящие мистическим огнём.
И вечер напивается дождём.
Штрихи косых антенн пересекают
Мрачающее небо за окном.

Мой мозг молчит. Внутри меня ничто,
Глубокое и чёрное, как море.
Густое и текучее, как ночь.
И нет ему предела, меры, края.
Беззвучие размером с океан
Стоит во мне, и я ему внимаю.

Когда отнимут всё, что есть,
Когда умрут и стыд, и честь,
И не останется ни зги,
Тогда меня убереги.
Будь крепок и могуч. Скалой
Высокой стань передо мной.

Когда не станет сил дышать,
Любить и верить, жить и ждать,
И свет покажется не мил,
Согрей меня, придай мне сил.
Люби меня, расти во мне
Цветком, редчайшим на Земле.

Луна сияет. К берегу волна
Идёт и, разлетаясь белой пеной,
Следы смывает с влажного песка.
Как будто колесница белогривых
Несущихся на всём скаку коней
Примчалась к берегу и отступает,
Не в силах поглотить его, но и
Не оставляя пламени желанья.
Так я стремлюсь к тебе соединить
С тобой дыхание, тела и руки.
Стать целым на мгновение одно.
Тебя покинув, возвратиться снова,
Сплетая пальцы, губы, голоса,
Дарить прикосновенье вместо слова.

Танцуют опадающие листья.
Их кружит в вальсе ветер ледяной,
И небо нависает над землёй,
Готовое сырым дождём пролиться.
Так много мыслей зреет в голове,
Что хочется, чтоб и они опали.
Рассыпались, как листья по земле.
И воздух растворяется в печали,
И день рисует вечность на стекле.

ЛЮБОВЬ

Твои глаза прозрачнее воды
Небесно-чистых голубых озёр
Без дна и берегов. Я в них тону.
Тяжёл мой путь, мечты мои просты.
Корнями в землю упираясь, ввысь
Тянусь навстречу солнечным лучам.
Мне жизни нет без солнца и воды,
Пусть солнце – мир, а ты – моя вода,
Ты жажду утоляешь, боль и грусть
Смываешь, отражая только свет,
Сверкающий на глади голубой.
Мне любоваться хочется тобой,
Напиться допьяна, моя вода.
Я ивою плакучей обернусь,
И золотые косы упадут
На зеркало в оправе серебра.

Мне 24 года. Родилась и живу в Орле.

Студент-магистр института филологии ОГУ имени И.С. Тургенева.

Стихотворения и процесс их создания заинтересовали меня в раннем возрасте. Тогда я любила читать сказки Пушкина и пыталась рифмовать. Любимыми поэтами позже стали и до сих пор остаются Михаил Лермонтов, Марина Цветаева, Александр Блок, Фредерико Гарсия Лорка...

Публиковалась в коллективных сборниках: «Юмористический коктейль» (Орёл, 2012), «У любви есть слова» (Орёл, 2012). Автор книг: «Тени на асфальте» (Орёл, 2010), «Пляска тени» (Орёл, 2011), «Недолговечен осенний букет» (Орёл, 2017).

В 2017 году в издательстве «3-е ИЮЛЯ» вышла в свет книга стихов «Свобода поступков».

Людмила УСПЕНСКАЯ

ВЕЧНЫЙ СВЕТ НАМ ЯРОК

Полосками света ложатся понятия
На серую пыль, на дорожный асфальт,
И носят джинсовку, как в древности – платья,
И ищут в бетонных трущобах Грааль...

И в бешеном ритме электрогитары,
Электроминут в электронных часах,
Несутся колючие злые удары
По клеткам, где шаг превращается в «шах»...

...Увидеть, как снами становится действие
Загадочных линий открытой руки,
И слово «любовь» прижимается тесно
К словам «страсть» и «похоть», «друзья» и «враги».

А слёзы больного прошедшего лета
Шутя застывают, как пролитый клей...
И встретить глазицею ствол пистолета,
Сквозь щёлку следя за любовью своей.

Увидеть, как «пошлостью» стала открытость,
А «благопристойностью» – ржавый замок,
Увидеть, как пьяный, обкуренный рыцарь
Приносит любимой могильный цветок...

Остаться в безумии пьяной бравады
Подобием статуи, бегством в себя
И, как ни банально, отбиться от стада,
Колёсами времени душу дробя...

Быть с лёгкой руки обесструенной декой,
Быть голосом судеб, сведённых на нет,
И стать... человеком прошедшего века
В свои восемнадцать с копейками лет...

БЫВАЕТ

Бывает, что надоело чего-то ждать
И жить игрушечной жизнью тепличных растений.
Домашний зверёк. И надпись на лбу: «Погладь!»,
А клетка твоя – гнездовье твоё – кровать,
Которая и расстелется, и расстелет...

Бывает, что непонятен родной язык,
Слова в пустоту летят, точно в пропасть – пленник,
Сливаются в долгий-долгий неясный крик:

Два мира – твой и внешний – пошли на стык,
Меж ними зажат несчастный твой собеседник...
Бывает, акценты меняются, как рельеф
Во время землетрясения (смяло поезд!),
И что-то другое приходит, накрыв, согрев...
В наушниках вдруг не рока «электролев»,
А песня, та, про шиповник... Да, Юрий Лорес.

Бывает.., а впрочем, бывает, наверное, всё,
Меняются все – погрешность сменяет погрешность...
Читаешь стихи... Те самые! (...Кот Басё...)
И вдруг – озаренье! Так ярко! Убит! Спасён!
Но там, глубоко – там, внутри! – ты остался прежним...

Если что-то видеть, то – воочию,
Позабыв всё то, что не сбылось...
Говоришь, не видно Солнца ночью?
Посмотри на небо! Сколько Солнц
Яростных, но всё-таки далёких,
И у каждого – своя Земля...
...А для нас – небесные Дороги,
Или неба дорогой наряд,
Бриллианты, стразы или блёстки...
Перекрёстки. Трассы. Судьбы. Сны...
Мы для Мира – вечные подростки,
Вечные дороги нам длинные,

Вечный свет нам ярок.
Это больно...

ПОРТРЕТ

Где созвучие песни дорожной
Ночевало у кромки дороги
Неизвестный юный художник
Рисовал портрет незнакомки...

Сколько было таких – безымянных,
Вознесённых как в рай – на полотна,
И с улыбкой – такой многогранной,
И со взглядом – живым и холодным?

Сколько их, вот таких – неизвестных,
Имена потерявших в столетях?
Жизни нашей дорожная песня
Никогда...никогда не ответит...

Геннадий МАЙОРОВ

Геннадий Николаевич Майоров. Родился в семье военного под Ленинградом. Служил в армии, в Забайкалье. Начал профессионально заниматься футболом, но ранняя травма заставила сменить род деятельности. Став режиссёром, трудился в творческих коллективах. Но затем резко поменял профиль, увлёкшись журналистикой. Работал в газетах «Орловский комсомолец», «Советский спорт», на радио и телевидении. Основал издательство «3-е ИЮЛЯ».

Автор книг «Без вести провалившим не считать» (1985), «У роковой черты» (1988), «Обнажённые нервы войны» (1991), «Пенальти» (1994, 2017), «Я – репортёр» (2003, 2013)...

На сегодняшний день автор 16 книг общим тиражом 95 700 экземпляров.

Публиковался в журнале «Молодая гвардия», альманахе «Подвиг» и др.

Отмечен премиями журнала «Молодая гвардия», имени И.С. Тургенева, Орловского комсомола.

С 2017 года возглавляет Орловское отделение Союза российских писателей.

СОСЕД

Когда Виктору Корнюхину в министерстве предложили переехать в одну из граничащих с Подмосковьем областей, он без раздумий согласился. Молодой талантливый инженер давно мечтал поработать самостоятельно, приобрести бесценный опыт непосредственно на производстве. Понимал, что только там можно проявить себя, обкатать на практике многие из честолюбивых задумок, воплотить в жизнь амбициозные проекты. И, естественно, построить карьеру.

В свои тридцать с небольшим лет Корнюхин жаждал большего, нежели хорошо оплачиваемая, но скучная до потери пульса министерская должность клерка средней руки. В нём клочкотала неукротимая энергия, требующая выхода из рутинных берегов. Ему хотелось свершений и побед, но не размеренного и скучного, ограниченного чиновничьими рамками распорядка дня.

Жена Ольга тут же поддержала Виктора, резонно заявив: «В Москву вернуться всегда успеем». Как умная и расчётливая женщина, она искренне верила в неординарность супруга и была уверена, что он быстро заявит о себе в провинции. И тут же стала наводить справки о городе, в который им предстояло перебраться. С удовлетворением отметила, что там есть три театра, несколько музеев, связанных с известными личностями. А главное – город буквально утопал в зелени и считался одним из самых экологически чистых в Центральной России...

В обкоме партии Корнюхина встретили с распростёртыми объятиями, здесь заждались толкового инженера, способного не только модернизировать предприятие в духе времени, но и не осрамиться перед Министерством обороны, которое предполагало разместить на заводе солидный заказ. Рекомендательные письма, скреплённые весьма влиятельными подписями, только подогревали интерес к энергичному московскому гостю. К тому же он сам деловито заметил:

– Мне заявленная продукция хорошо знакома. При вашей поддержке, уверен, сделаем всё в лучшем виде. Мне кажется, мы можем даже кое-что усовершенствовать. Я, кстати, диссертацию на эту тему заканчиваю...

Из короткого диалога с присутствовавшим на встрече директором завода Корнюхин сделал вывод, что работы предстоит много, чего он совсем не боялся, лишь попросил не сдерживать его творческие порывы. При этом намекнул на некоторые связи в Москве, которые помогут решить сложные организационные вопросы.

Уже после традиционного хлебосольного обеда, когда

настало время собираться в дорогу, один из чиновников вдруг спохватился:

– Мы же с вами не успели обсудить вопрос жилья. Тут вот какое дело. У нас есть в центре города дом, так сказать, обкомовский. Он недавно заселён. Но остались две, так сказать, негабаритные квартирки – полторки. То есть там две комнаты, но одна большая, а другая – маленькая. Вы же пока вдвоём с женой живёте, деток нет... Это один вариант. Другой – полноценная двухкомнатная квартира, но в, так сказать, спальном районе. Выбирайте.

Корнюхину было всё равно, где жить, его больше занимали предстоящие производственные подвиги, которые, безусловно, поглотят всё его время; тут не до комфорта, было бы где помыться и переспать после ударных вахт. Но, вспомнив об эстетствующей жене, он встрепенулся и попросил позвонить в Москву, посоветоваться. Ольга, не колеблясь, вынесла решение:

– Конечно же, надо жить в центре. Тем более в обкомовском доме. А потом, надеюсь, появятся варианты...

Через неделю вновь испечённый главный инженер въехал в свою «полторку», отметив, что с его лоджии на седьмом этаже элитной девятиэтажки открывается изумительный вид на реку и парк. Корнюхин тут же позвонил в Москву жене, которая никак не могла отобразить самые необходимые, как ей казалось, вещи к переезду, а заодно бежала по знакомым, присматривая нужную мебель для новой квартиры. В конце двадцатого века – в эпоху дефицита и блага – это была большая проблема.

– Оленька, – счастливый супруг вышагивал по громадной лоджии с телефонным аппаратом в руках, не в силах скрыть свою радость, – ты знаешь, мне здесь всё нравится. Вид потрясающий – река, много зелёных насаждений. Буквально в пяти минутах ходьбы театр, ресторан, филармония... Домик не уступает московскому. Два лифта здесь – пассажирский и грузовой. Консьержка. Чистота и порядок. Уверен, тебе понравится. Так что приезжай поскорей. Брось свои шмотки, здесь всё купим, в обкоме обещали помощь через спецфонд...

Он устроился ночевать прямо на лоджии, поставив раскладушку, благо место позволяло. И погода тому способствовала. Позднее бабье лето одаривало мягким теплом, которое бережно накапливалось в течение дня и практически не растворялось тихими блаженными ночами. С земли тонко струился вверх запах опавшей листвы, напоминая о детских кострах и запечённой в золе картошке. Звёзды, ка-

ковых в московском смоге просто не видно, здесь усеяли весь потолок, лукаво подмигивая и приглашая в неведомые путешествия.

Корнюхин ощутил истому и умиротворение. Он закрыл глаза, и сознание тут же оттолкнулось от раскладушки, помчалось вдоль звёзд, и тело стало невесомым, и сонные фантазии раскрасились яркими волшебными красками – он никогда не испытывал подобных ощущений, или – они стёрлись в далёком детстве...

Работа нравилась, Корнюхин довольно скоро выявил в коллективе таких же, как сам, неугомонных и пытливых специалистов, объединил вокруг себя. Каждое утро, до начала смены, устраивал «мозговой штурм», все новые идеи тут же тщательно просчитывались, на следующий день они вновь обкатывались в спорах прежде чем лечь на бумагу.

Не сразу, но удалось убедить ретроградов в необходимости следовать техническому прогрессу и перестраивать производство. Когда появились новые станки и технологические линии, пришлось переучивать персонал. Старики, конечно же, ворчали, предпенсионные начальники вяло сопротивлялись. Но когда оборонный заказ был получен, Корнюхина пригласили в обком, чтобы поблагодарить. Мало кто знал, что область получила огромные средства, о которых в эти надвигающиеся смутные времена можно было только мечтать.

Зиму Корнюхин, всецело увлечённый работой, как бы и не заметил. Сутками он пропадал на заводе, и Ольга терпимо относилась к тому, что муж редко бывает дома. Она понимала: всё это ради высокой цели построения карьеры. Хотя сам Виктор шутливо отмахивался: «Да рано об этом думать, надо сначала самому сделать что-то стоящее».

Ольга в спор не вступала, хотя и оставалась при своём мнении. Сама она, чтобы не потерять квалификацию культработника, устроилась в Музей изобразительных искусств, с увлечением проводила экскурсии, участвовала в различных творческих мероприятиях. Её даже избрали в областной женсовет, так что при случае Ольга кокетливо заметила мужу:

– Вот видишь, меня тоже здесь ценят.

Он только снисходительно хмыкнул и нежно обнял супругу:

– А разве в Москве мы были бы так счастливы?!

– Ну, в Москву-то мы рано или поздно вернёмся, – мягко парировала Ольга. – Тебе бы только диссертацию закончить, защититься...

– Да, времени на всё просто катастрофически не хватает, – выдохнул Виктор. – Но, Бог даст, как-нибудь выкрутимся...

Свободное время у него – нежданно-негаданно – появилось на пороге весны, когда зловарная ангина вывела из строя главного инженера аж на две недели.

Он пытался сопротивляться, не хотел уходить на больничный. Но худенький, белея своего белого халата доктор из заводской поликлиники очень доходчиво объяснил, какие последствия могут сказаться, если игнорировать врачебные предписания. Да и сам директор завода категорично потребовал от Корнюхина исполнять постельный режим, дабы избежать серьёзных последствий.

И тогда Корнюхин решил времени даром не терять. Оставшись дома один, он извлёк из чемодана папки с набросками своей диссертации, устроился за кухонным сто-

лом и погрузился в науку. Периодически поглощая различные таблетки и микстуры.

Тяжело было собраться с мыслями только в первый день. Но усилием воли он сумел довольно-таки быстро сосредоточиться и белые листы стали заполняться научными фразами. Незаметно стол загружался книгами, учебниками, справочниками, старыми институтскими конспектами. К умным рассуждениям добавлялись формулы, расчёты, обобщения.

На третий день болезни уже не хватало чистых листов, и Корнюхин принялся исписывать их с двух сторон, экономя бумагу. Он сам себя ободрял, мол, такими темпами за время больничного практически закончу черновой проект диссертации, а уж начисто её переписать для рецензентов труда не составит.

За окном, подгоняемая ветром, наступала весна. Последние зимние кучки снега чернели, скукоживались, испускающая дух ручейками воды. Лопались почки на самых смелых деревцах, не желающих дожидаться по-настоящему тёплой погоды. Робким, но всё более насыщенным птичьим многоголосьем наполнялась парковая зона.

Корнюхин решил размяться и выйти на лоджию вдохнуть пробуждающийся аромат весны. Но едва он взялся за щеколду, как в дверь позвонили.

Кто бы это мог быть? Если с работы, то воспользовались бы телефоном. Если же какие-то искатели или того хуже – попрошайки, коих развелось немерено, то тогда своими дурацкими вопросами и просьбами только выбьют из колеи, поломают весь график работы и придётся потратить драгоценное время, чтобы войти в прежний ритм.

«Не буду открывать», – решил Корнюхин. Несколько секунд полюбовавшись через дверь лоджии на избавляющуюся от зимней спячки природу, вернулся к столу. Но только потянулся к авторучке, в дверь вновь позвонили. Теперь уже более настойчиво и как-то нервно.

«А вдруг что-то случилось, – пронеслось в сознании. – Может, пожар...».

В третий раз жалобно завизжал, захлёбываясь, звонок. «Надо открывать».

Корнюхин в одном тапочке, второй в спешке куда-то слетел с ноги, засеменил к входной двери. Заторопившись, он не сразу сумел совладать с нечаянно заевшим замком. Чертыхнулся про себя, но дверь всё же судорожно открыл. И застыл в изумлении, соображая, что за визитёр к нему пожаловал.

Возле двери стоял взлохмаченный мужчина в засаленном домашнем халате. Помятое серое лицо, изуродованное вспышками нервного тика, буквально молило о помощи. Не дожидаясь приглашения войти в квартиру, незванный гость решительно переступил порог. В руке он держал бутылку коньяка.

И тут до Корнюхина дошло – это их высокопоставленный сосед. Его так и называли полущёпотом многие обитатели дома. Сосед занимал очень важный пост в обкоме партии, заведовал кадрами и, по слухам, имел досье на всех, включая первого секретаря. Его не просто боялись, при одном только упоминании имени людей пожирал животный ужас; в молодые годы Сосед служил в НКВД и, опять же по слухам, проявил изрядное усердие в разоблачении «врагов народа».

Корнюхин никогда не сталкивался с Соседом в подъезде, но Ольга рассказывала, что важный чиновник всегда возвращался домой в сопровождении шофёра-охранника, который

вызывал лифт и мягко, но решительно пресекал все попытки жильцов проследовать вместе со своим шефом. Тот ни с кем не здоровался, не общался, давая понять, что все здесь ему не ровня.

И вот теперь перед Корнюхиным стояло жалкое, потерянное подобие живого существа, совершенно не похожее на образ всемогущего и жестокого человека. Сосед поднял глаза и уже в прихожей хрипло выдавил из себя:

– Я пройду...

Увидев на кухне заваленный книгами и бумагами стол, Сосед остановился озадаченный. Корнюхин моментально сгрёб в охапку свою будущую диссертацию и перенёс её в комнату на диван.

– Присаживайтесь, – Корнюхин даже не припомнил имени-отчества Соседа и, смутившись, что не может обратиться к гостю как положено, показал рукой на табурет.

Сосед шумно сел, повертел в руках бутылку, не зная, что с ней делать. И вновь посмотрел на хозяина квартиры совершенно растерянно и суетливо.

Корнюхин поспешил на помощь, достал из серванта рюмку, какую-то вазочку с конфетами. Поймав недоуменный взгляд пришельца, поставил на стол вторую рюмку, не став объяснять, что не может присоединиться к возлиянию из-за болезни.

Сосед разлил коньяк и, не чокаясь, рывком опрокинул содержимое своей рюмки в рот. Снова налил. Выпил, но теперь уже медленнее. Тяжело выдохнул. Каким-то заржавленным голосом спросил:

– А вы что же не пьёте?

Корнюхин показал на завязанное шарфом горло и развёл руками, дескать, а что за повод? Сосед откашлялся, сообразив, что надо хоть как-то объяснить свой незапланированный визит. Наконец, собравшись с духом, подпёр кулаком подбородок и произнёс:

– Я здесь живу, в противоположном от вас углу... Всех обошёл, никого нет, на работе наверное. А одному пить – вроде как не по-русски...

Корнюхин не знал, как себя вести в подобной ситуации и чтобы скрыть волнение, принялся шарить в холодильнике, стараясь найти подходящую дорогому коньяку закуску.

– Не надо ничего, – уже твёрдым начальственным голосом остановил его Сосед. – Присядьте. Я у вас много времени не займу. Просто одному дома находиться невольно. Надо с кем-то... поговорить. Тяжело на душе...

Выпив ещё одну рюмку, Сосед, похоже, слегка запянул, расслабился. Попытался улыбнуться.

– Вы ведь новый главный инженер завода приборов. Я про вас всё знаю. Бумаги в порядке. Только вот почему не в партии?

Корнюхин напрягся, холодок просквозил по позвоночнику: что это значит?

– Да вы не волнуйтесь, мне теперь уже всё равно. Это я так, по старой привычке... Вот ведь как жизнь повернулась! Отправили на пенсию... Труссы, так спешили, что даже личные вещи не дали забрать...

Сосед весь сморщился, губы задрожали от обиды и злости. Непослушной рукой он вновь наполнил рюмку, но не осилил, отпил только половину. Станный хрип вырвался из груди, задушил кашель. Но гость жестом успокоил:

– Ничего страшного. Старые болячки.

Помолчали. Сосед думал о чём-то своём, сокровенном. Глаза засеребрились от подступающих слёз. Но он реши-

тельно замотал головой, отгоняя минутную слабость. И тут его прорвало:

– Всё одно к одному. Жену недавно схоронил. Ничего не предвещало беды... А тут ещё сын-оболтус связался с компанией. Наркотой промышляли. Убили его поделнички-подонки... В газетах, естественно, написали, что сердечная недостаточность... Но разве от этого легче? Под корень срубили. Семью потерял, должность... В чём теперь смысл жизни?.. Я ведь был верным партийцем. Да, искоренял всякую шуштуру, которая нам мешала строить социализм. Два ордена за это имею. Благодарность от Верховного... Тогда всё было понятно: там враг, а здесь соратники. И что теперь мы видим? Демократию захотели? Выборы? А государство летит в тар-тарары. Не сегодня-завтра будем жить по указке американцев... В Кремле предатели. Россию растаскивают, продают оптом и в розницу. Я точно знаю, не пройдёт и года, как от России останутся ножки да рожки. Потому-то мы, старые кадры, и не нужны стали. Слишком много знаем и умеем...

Сосед вдруг обмяк, рука скользнула к левой стороне груди. Корнюхин заволновался, выскочил в комнату, попытался найти валидол в аптечке предусмотрительной жены. Но когда вернулся на кухню, гость решительно замотал головой:

– Нет, нет, никаких лекарств. У меня здоровья на семерых хватит. Вот ещё рюмку выпью и пойду, не буду вас отвлекать. И то хорошо, отлегло от сердца. А то бы один маялся со своими переживаниями.

Сосед вяло улыбнулся, в обрамлении мелких морщинок глаза заискрились, потеплели. Корнюхин с удивлением отметил, что этот человек не так уж суров и злобен, как его рисовала молва. Пожалеть бы его надо, вон сколько горя-несчастий навалилось зараз. Но вслух Корнюхин произнёс:

– Может, вам помощь какая нужна. Так вы без церемоний...

– Спасибо, – протянул руку Сосед. – Хорошо, что я к вам зашёл. С незнакомым человеком как-то легче... И вопросов меньше... А помощь мне не нужна. Силы духа хватит, чтобы всё это пережить... Извини за внезапное вторжение. Дай Бог ещё свидимся.

Выздоровев, Корнюхин окунулся в водоворот заводских дел. И странный визит соседа почти выветрился из памяти. Они потом так и не пересекались.

А в начале лета Корнюхин поехал к родственникам на Волгу, получив приглашение на свадьбу племянницы. Двоюродный брат предложил остаться на недельку, порыбачить, а заодно поработать над диссертацией на свежем воздухе. Предложение было принято, и незапланированный краткосрочный отпуск прошёл на славу.

Посвежевший, полный светлых эмоций Корнюхин вернулся домой. Вышел из такси и застыл на месте; словно наткнулся на невидимую преграду, увидев возле подъезда потускневший от пыли венок, на чёрной ленте которого проступала жуткая фраза: «Спи спокойно, дорогой товарищ».

Всезнающий дворник Степаныч, заметив вопрошающий взгляд инженера, пояснил:

– Кабанов помер...

– А это кто? – машинально спросил Корнюхин.

– Ну как же, ваш Сосед, что в обкоме работал. Пузатый такой, злой... Вот, как к нему прицепился, сторел за неде-

лю. А сегодня хоронили. Только дюжина людей и провожала, родичей-то никого нет. А когда на погост отправились, кто-то из обкома прибыл, молодой малый, опоздал. Потоптался с минуту и говорит: «Мне некогда, дед, с кем-нибудь венки отправь на кладбище». И смылся. Вот я и думаю, как быть... Хоть и грубый был Кабанов, а всё же человек. Нехорошо как-то получилось. Соратники даже проводить не удосужились...

Корнюхин медленно прошёл в холл, нажал кнопку вызова лифта. Одновременно спустились и грузовой и пассажирский. Виктор на секунду растерялся, выбирая, в каком из них добираться на седьмой этаж. Про себя отметил, что теперь некому будет судачить о важном Соседе и прятаться, заведя его на входе в подъезд.

Дома, на ходу сбросив с ног кроссовки, Корнюхин поспешил на кухню, долго рылся в шкафу и успокоился, только когда нашёл бутылку дорогого французского коньяка, которую весной принёс с собой Сосед. Он и сейчас не смог бы объяснить, почему сохранил изящный пузырёк, в котором и коньяку-то оставалось на две-три рюмки. Тогда Кабанов категорически отказался забирать с собой остатки элитного напитка, а Корнюхин, в общем-то человек непьющий, в тот день попросту не мог себе позволить спиртное из-за болезни горла. Подумал: пусть постоит, не

выбрасывать же остатки угощенья, авось пригодится по случаю.

Он медленно с усилием вытянул пробку из горлышка и вылил содержимое бутылки в первый попавшийся под руку стакан. Но, не решив, что делать дальше, какое-то время рассматривал, как янтарная влага, едва колыхаясь, натывается на проникающие сквозь стекло солнечные лучики и отражается неповторимыми цветовыми оттенками. Однако красочная картина вызвала негативные ассоциации. Корнюхин ощутил, как в душу заползает маета. Из головы не выходил брошенный у входа в дом венок. Запылённо-сиротливый, невостребованный.

Корнюхина слегка подташнивало от одной только мысли-прозрения, что в этой жизни нет ничего ценного, нет богатых и бедных, здоровых и больных, руководителей и подчинённых. Смерть уравнивает всех, перечёркивает всё, что было ранее. И, уходя, ты уже никому не интересен. Не нужен... И всё же не хотелось верить, что элементарное чувство сострадания в современном мире стало анахронизмом. Иначе, ради чего мы живём...

От радужного утреннего настроения не осталось и следа. Вспомнилась горькая фраза Степаньча: «А всё же человек...».

Поминальный стакан Корнюхин выпил залпом.

ПАЛЛИТРЫЧ

В какой-то момент наш двор наполнился насыщенным ароматным запахом хвои. Раньше ничего подобного в городской среде не наблюдалось, а потому с утра необычное явление стало темой номер один практически в каждой семье. Любопытные мальчишки первыми обнаружили сваленные на тротуаре возле дома еловые ветки и стали гадать, для чего они здесь. Подсказали всезнающие старушки, чей наблюдательный пункт на скамейке возле подъезда служил источником всех последних новостей-пересудов, скоропалительных выводов, а также – бесплатных советов и нравоучений. Бабушки вспомнили, что так готовятся к похоронам по старинному русскому обычаю.

Но кто умер, не знали даже общественницы из дворового «бюро прогнозов». Лишь когда появился слесарь Мухин (все называли его только по фамилии, и он не возражал), следы привели к третьему подъезду. Но в подъезде пять этажей, двадцать квартир. К кому в дверь постучалось несчастье?

Мухин с трудом шевелил мозгами после вчерашнего чрезмерного застолья по случаю предстоящего выходного. Он лишь пожимал плечами в ответ на все вопросы и показывал на окна первого этажа.

Вскоре примчался запыхавшийся домуправ Семён Семёнович по кличке «Сим-Сим» и с ходу выдохнул:

– Паллитрыч скончался.

В нашем дворе любили всем давать прозвища. Кому-то обидные или неблагозвучные. Поэтому обращение по фамилии считалось делом привилегированным. И то верно, попробуй того же Мухина обидеть унизительным окриком, вряд ли тогда дозовёшься ершистого слесаря кран починить или какую другую работу исполнить.

Практически никто не помнил или не знал, как звали по паспорту Паллитрыча. Этот невзрачного вида маленький

мужичок трудился в меру сил сантехником, но большей частью хворал, отлёживался в своей маленькой квартирке. Был тщедушным и тихим. Ни с кем не конфликтовал, наоборот, освободившись на время от болячек и пребывая в хорошем расположении духа, одаривал конфетами ребятишек. Гладил их по головам и приговаривал:

– Дай вам Бог здоровья и счастья!

Детишки радовались подаркам, спешно запихивая сладости в рот, и улыбались доброму дяденьке. А Паллитрыч поджимал губы и беззвучно плакал. И быстрым шагом уходил к себе домой.

Любили Паллитрыча и окрестные мужики. За детской беседкой они соорудили стол и по вечерам в укромном уголке до самой темноты стучали костяшками домино. Иногда, возбудившись от накала страстей, начинали спорить на повышенных тонах, хватили друг друга за грудки. Но до мордобоя дело не доходило. Появлялся добродушный Паллитрыч, при котором почему-то не хотелось выглядеть скандалистом. Однажды, наслушавшись отборных матерных комментариев, он осуждающе покачал головой и... поставил на стол бутылку водки. Пол-литра.

Мужики тут же осеклись и недоумённо уставились на странного сантехника. Тот улыбнулся и тихо произнёс:

– Не шумите, деток распугаете. Вот, лучше охолонитесь.

Самый бойкий из доминошников – дядя Вася, огромный детина в неизменной тельняшке и с татуировкой в виде якоря на тыльной стороне ладони аж присвистнул от неожиданности:

– Вот это по-нашему. Спасибо, отец.

Мухин не преминул вставить слово:

– Молодец, Паллитрыч!

Дядя Вася захлопал глазами:

– Чего ты сказал? – и тут же заржал. – А что? Ты, батя,

у нас давно без кликухи ходишь. А ведь надо же как-то общаться меж собой. Не обижаешься за новое прозвище?

Вновь наречённый Паллитрыч не обиделся. Он, похоже, вообще был не от мира сего. Порой слова из него не вытянешь. На грубость никак не реагировал. Ходил, словно сам в себе. Только вот шума, громких криков не выдерживал. Сразу хватался за виски, мотал головой, ладонями пытался прикрыть гримасы боли на лице.

Мужики, конечно, выпили подарочную бутылку, первый тост – за здоровье Паллитрыча. Но строгий дядя Вася тут же постановил:

– Теперь сами будем сбрасываться на выпивку. А то дед пенсии не напасётся.

– Правильно, – поддакнул Мухин. – Паллитрыч человек порядочный, можно ему деньги доверить, что на кону, он и сбегает в магазин...

Пожилой сантехник, как всегда, добродушно согласился с ролью посыльного. И охотно приносил игрокам поллитровки. В его присутствии разгорячённые доминошники уже не матерились, их радостные или отчаянные возгласы лишь завершались накалистыми ударами по столу. Даже вороны больше не садились на ветки рядом растущего тополя. Умные птицы предпочли убраться от опасных соседей, как говорится, на всякий случай и от греха подальше.

И вот Паллитрыча не стало. Сим-Сим подозрительно суетился, куда-то убежал, вновь появлялся. А когда у двери квартиры Паллитрыча выставили караул в виде сержанта милиции, двор загудел. Охочие до сплетен женщины прижали домуправа к стенке, требуя подробностей, но тот только замотал руками:

– Ничего не знаю! Дело государственной важности! Ой, господа, пронеси... Он же сутки пролежал в квартире, случайно обнаружили... Похороны завтра...

Но, взяв себя в руки, Сим-Сим стал лихорадочно соображать, что же ему поручено сделать вышестоящим начальством. Он уверенным жестом поманил своих активисток:

– Значит, так: завтра все должны выглядеть цивильно, чтоб не осрамиться. Подъезд вымойте как следует. Да и вокруг уберитесь...

– А что за пожар? – не удержалась самая бойкая из домохозяек. – Что ты так засуетился?

Сим-Сим посмотрел на непонятливую женщину, как удав на кролика, лицо покрылось пятнами, голос задрезжал от негодования:

– Да вы что дурочку валяете?! Начальство завтра придет... Из Москвы!

Двор тут же притих, первые шеренги любопытных предусмотрительно попятнулись от домуправа. Сим-Сим вытер платком покрытый испариной лоб и примирительно зашептал на ухо подошедшим активисткам:

– Надо бы и в квартире порядок навести. Ну, вы знаете правила. Зеркало там занавесить, то-сё...

– Сделаем, Семён Семёнович, – закивали в ответ женщины, им уже не терпелось первыми узнать причину повышенного ажиотажа вокруг смерти простого сантехника.

– Только чтобы ни гу-гу, никому не слова, – заговорщицки зашептал Сим-Сим. – Говорят, сам секретарь горкома завтра будет...

Женщины обомлели. Надо же удостоиться такой чести!

– Сим-Симыч, – из толпы вышел дядя Вася, он помялся, как школьник на экзамене, и, наконец, выдохнул. – Мы тут

с мужиками посоветовались и решили сами гроб понесём. Всё же Паллитрыч был настоящий...

– Ой, – вскрикнула одна из старушек-соседей, – как же так... Мы ведь даже не знаем как его звали. Нехорошо провожать человека в последний путь без имени-отчества...

– И правда, – замычал дядя Вася, – надо бы помянуть Паллитрыча по-человечески... Всё же не чужой...

– Погодите-погодите, – запротестовал домуправ. – Завтра помянём. Нельзя нарушать ритуал... без начальства.

– Так как же его всё-таки звали? – раздался требовательный голос из толпы.

Сим-Сим полез в свою папку, полистал какие-то бумаги, прочитал:

– Суворов Павел Дмитриевич. Вот как.

На первый план выплыл Мухин. Он прямо-таки светился от своей сообразительности:

– Братцы, мы его по-другому поводу Паллитрычем обозвали. А он выходит и есть Паллитрыч...

– Ты чего буровишь? – зашикали на него женщины.

– Да сами посудите, – залебезил Мухин, – Павел! Значит – Пал. Дмитрич! Митрич по-нашему. Ну... А сокращённо и будет – Паллитрыч!

– Ладно, хватит демагогию разводить, – прекратил неуместные рассуждения обливающийся потом домуправ. – Расходитесь. Дел ещё по горло...

С утра погода не задалась. Накрапывал мелкий дождик. Но народ стал собираться у третьего подъезда задолго до официальной церемонии прощания с покойным. Толпа заволновалась, когда появились журналисты и в сопровождении работника горкома прошли в квартиру Паллитрыча.

– А нам когда позволят с ним проститься? – вопрошали самые нетерпеливые.

– Тело ещё из морга не привезли, – отвечали самые осведомлённые.

– А почему из морга? – не унимались непонятливые.

– Потому что вскрытие делали, причину смерти устанавливали.

– А чего её устанавливать? Старый человек... не от водки же помер...

Появился Сим-Сим, пресёк досужие разговоры. Как раз вовремя: во двор въезжала похоронная машина. Домуправ раздвинул толпу, из которой тут же ему навстречу шагнули заядлые доминошники во главе с дядей Васей. Бывший моряк выглядел на удивление гладко выбритым, при параде. По его команде мужики ловко извлекли из машины гроб, отметили, что он вместе с покойником почти ничего не весит, пронесли в квартиру, где женщины заканчивали генеральную уборку.

– Гляди, Боцман, – чуть не выкрикнул Мухин и потянул дядю Васю за рукав. Тот обернулся и оторопел.

На дверце шкафа висел парадный китель с подполковничьими погонами.

– Два ордена Боевого Красного Знамени! И – Красной Звезды! – восхищённо присвистнул дядя Вася.

– А медалей-то, медалей... – подхватил Мухин.

Мужики остолбенели от такого обилия наград. Одна из женщин вывела их из ступора, указав на комод, где разместились фронтовые фотографии:

– Вчера весь вечер разбирали. Наш Митрич, оказывается, воевал. Герой! – и с укоризной: – А вы его за блаженного держали...

– Ты что, Нюр, – залепетал, оправдываясь, Мухин, – мы к нему завсегда с уважением. Скажи, Бодман...

Дядя Вася повздыхал, долго разглядывая боевые ордена тихого сантехника, лицо его просветлело:

– Дурак ты, Мухин, Паллит... Митрич, то есть, с нами завсегда, как с людьми, со всем уважением. А мы даже не знали ничего о нём. И не интересовались. А рядом такой человек жил!

В квартиру чуть ли не вбежал Сим-Сим:

– Всё-всё, расходитесь. Едут!

– Да из-за кого ты так переполошился, бумажная твоя душа, – насупил дядя Вася, недовольный что самым непроизвольным образом его отвлекли от философских размышлениях о жизни.

– Сын его приехал. Генерал! – Сим-Сим жадно хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная нежданным штормом на берег. – Давайте, братцы, в сторонку. Не мешайте людям проститься...

К подъезду подкатили две «Волги». Секретарь горкома партии сопровождал двух военных – генерала и полковника. Из машины извлекли два венка и большой букет цветов.

Генерал оглядел собравшихся людей, поздоровался и, сняв с головы фуражку, прошёл в подъезд. Несмотря на усилившийся дождь, народ всё прибывал и прибывал. Мальчишки под присмотром взрослых начали устилать дорогу еловыми ветками. От влаги аромат хвои только усилился, и лёгкий ветерок разносил его далеко за пределы двора.

Минут двадцать генерал неподвижно стоял в изголовье гроба, прикусив губу. Скорбные морщины рваными разломами напозлали на лоб, давили на переносицу. Было видно, что ему тяжело даётся это последнее свидание с отцом. Словно оправдываясь – ни к кому не обращаясь – генерал пробурчал:

– Вот ведь как вышло... Всё времени не находил отца навестить. Служба, будь она...

Заметив притихших в сторонке женщин, наводивших до этого порядок в комнате, он подошёл к ним, поклонился:

– Спасибо за помощь. Я вижу, к отцу здесь хорошо относились. Спасибо ещё раз. – Обернулся к дяде Васе, обхватившему крышку гроба, рывком извлёк из внутреннего кармана портмоне, не считая достал несколько двадцатипятирублёвок: – Прошу вас, помяните потом отца. Он это заслужил.

Дядя Вася от испуга хотел было попятиться, но упёрся в стену, отчаянно замотал головой:

– Что вы, что вы... Мы за Дмитрича... само собой...

– Да вы не стесняйтесь, – глаза генерала увлажнились, – мне про ваше доброе отношение к отцу рассказывали. Спасибо и вам... Батя ведь на фронте артдивизионом командовал, на Курской дуге получил страшное ранение в голову. Возможно, это сказало на психике. Потому он иногда странным казался...

Секретарь горкома тут же обозначил своё присутствие:

– Мы, товарищ генерал, примем решение о мемориальной доске на доме, где жил ваш отец. Увековечим память о его подвигах. Всё сделаем как положено.

Грянул оркестр. Сим-Сим дал команду выносить гроб. Заревели женщины. Запричитали старушки. Давненько наш двор не видел такого количества людей на похоронах...

С тех пор о традиции проводов в последний путь с селовыми ветками никто не вспоминал, хотя люди в нашем дворе периодически умирали. А вот Паллитрыча поминали каждый раз, особенно в День Победы. Но только неугомонный дядя Вася после выпитого непременно начинал ругать советскую власть. И было за что, ведь секретарь горкома слова своего так и не сдержал. До сих пор на доме нет мемориальной доски в честь отважного артиллериста.

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ...

Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочёл одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти:

Как хороши, как свежи были розы...

Теперь зима; мороз запушил стёкла окон; в тёмной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол; а в голове всё звенит да звенит:

Как хороши, как свежи были розы...

И вижу я себя перед низким окном загородного русского дома. Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в тёплом воздухе пахнет резедой и липой; а на окне, опершись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка – и безмолвно и пристально смотрит на небо, как бы выжидая появления первых звёзд. Как простодушно-вдохновенны задумчи-

вые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит ещё не вполне расцветшая, ещё ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица! Я не дерзаю заговорить с нею, – но как она мне дорога, как бьётся моё сердце!

Как хороши, как свежи были розы...

А в комнате всё темней да темней... Нагоревшая свеча трещит, беглые тени колеблются на низком потолке, мороз скрипит и злится за стеною – и чудится скучный, старческий шёпот...

Как хороши, как свежи были розы...

Встают передо мною другие образы... Слышится весёлый шум семейной деревенской жизни. Две русые головки, прислонясь друг к дружке, бойко смотрят на меня своими светлыми глазками, алые щёки трепещут сдержанным смехом, руки ласково сплелись, вперевивку звучат молодые, добрые голоса; а немного подальше, в глубине уютной комнаты, другие,

тоже молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино – и ланнеровский вальс не может заглушить воркотню патриархального самовара...

Как хороши, как свежи были розы...

Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жмётся и вздрагивает у ног моих старый пес, мой единственный товарищ... Мне холодно... Я зябну... и все они умерли... умерли...

Как хороши, как свежи были розы...

Сентябрь, 1879

Евгений КРАСНИКОВ

Евгений Борисович Красников родился 20 сентября 1938 года на хуторе Большом Волгоградской области в семье учителя. Учился в Сталинградском институте инженеров городского хозяйства. После окончания института по специальности инженер-строитель приехал по направлению в город Орёл. Член Союза архитекторов России.

«Писать я начал с детства: и стихи, и рассказы, но серьёзно занялся литературным творчеством уже в Орле, когда стал членом Орловского клуба любителей поэзии. Стал печататься в газетах «Орловский комсомолец» и «Орловская правда», в различных коллективных сборниках.

Участвовал в литературных семинарах, проводимых московскими поэтами и писателями.

Выйдя на пенсию, написал десятки рассказов, три повести и около тысячи стихотворений».

НОЧЬ НАПОЛНЕНА ГРУСТЬЮ И СКУКОЙ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я помню Киевские купола,
Летающие сквозь туман.
С каликами брёл по Руси, пыля,
Я – вещей и нищий Боян.
И гусли звенели, как зимний лес,
Мой голос высок был и смел.
И это тебе посвящалась песнь,
Что я Ярославне пел.

Средь викингов рыжих и хмурых скал,
В краю, где свистит борей,
Я жил, солнцеголовый скальд,
Певец любви и морей.
И там я кипящие саги слагал,
Живые, как соки весны.
И только тебе писались слова,
Что Сольвейг посвящены.

Свидетель ристалищ и пышных балов,
Презрев успех и беду,
Блистал я только алмазами слов,
Талантливый трубадур.
Любви расцветающей раб и слуга,
Слова искал до зари.
Когда я Изольде дарил мадригал –
Его я тебе дарил.

Камзолы. Свечей оплывающих жар
В Санкт-Петербургских дворцах,
Где я – свободолюбивый бард,
Стихами смущал сердца.
И оды высокой торжественный слог,
Пьянящий, словно вино,
Не Лизоньке посвятить я мог –
Но только тебе одной.

Снег. Утро. Чёрная речка спит.
И в небе гаснет звезда.
Под мушкой стою, оскорблённый пиит.
Взмахнул платком секундонт.

На небо трауром мгла легла,
И закачались леса.
И что Натали, рыдая, прочла –
Тебе, умирая, писал.

Сегодня в мире газет и ракет,
Захваченный слов игрой,
Я – уже современный поэт,
Как прежде, берусь за перо,
Чтоб в строчки вошли, как вихри стихий
И радость моя, и тоска.
И это тебе посвящаю стихи,
Что тысячу лет искал!

ПОЕЗДА

Семафора красная звезда
вдруг погасла, вспыхнул свет зелёный.
В темноту от яркого перрона
с криками уходят поезда.
В их вагонах в бесконечный путь,
в неизвестность едет груз незримый,
в тайных уголках души хранимый,
не дающий по ночам уснуть.
Едут рядом горе и беда,
радость встречи, срочное задание,
предвкушенье важного свиданья,
горькая разлука навсегда,
тяга к дому, бегство от врагов,
любопытство, жажда приключений,
острое желанье наслаждений,
поиски счастливых берегов
иль попытка бросить всё, забыть,
иль тревоги смутной ощущение,
или просто страсть к перемещенью,
иль надежда снова полюбить.

БЕССОННИЦА

Ночь наполнена грустью и скукой
после новой разлуки с тобой.
Ты приди ко мне вновь, убаюкай,
песню мне колыбельную спой.

Ты погладь мою голову мягко.
ты укутай меня в тишину,
как когда-то так делала мамка,
и я тихо с улыбкой усну!

ПРОПАСТЬ БЕССЛЕДНО

Хочется порой пропасть бесследно,
потеряться где-нибудь в глуши
без людей, без связи и без света,
всех утех мирских себя лишив.
Пить из родника и есть коренья,
просто жить, как дикое зверьё,
сочинять в тиши стихотворенья,
теша одиночество своё...

ТОСКА

В моём небе повисли тяжёлые тучи тоски,
И ненастные мысли бессонницей сжали виски,
И в душе вновь гноится зажившая рана вины,
И желанье напиться торопится из глубины.
Ах, как хочется часто вернуться в то время – назад,
Добежать, достучаться ко всем, перед кем виноват,
Извиниться, поверить, исправить, простить и помочь,
Чтобы совести звери не грызли б мне душу всю ночь,
И тоска б, что так долго прессует, глаза мне слезя,
Улеглась. Если б только... Да вот, к сожаленью, нельзя!

КАК НАШЛИ МЫ ДРУГ ДРУГА?

Как нашли мы друг друга? Ты только
не сочти мою речь похвальбой –
ты меня прочитала с восторгом,
я в ответ восхитился тобой.
С той поры мы не смели расстаться,
было, видно, угодно судьбе,
чтоб мощнее любых гравитаций
ты меня притянула к себе.
Мы с тобой ни друзья, ни супруги,
мы ни те, как нас не назови.
Мы любви удивительной слуги,
мы хозяйева нашей любви!

КОГДА ЛЮБВИ ПОРВЁТСЯ НИТЬ

Когда любви порвётся нить
подобно редкому пунктиру,
меня ты можешь не щадить –
возьми, мне душу ампутируй!
Не бойся! Боль перетерплю.
Туман рассеять лучше сразу.
Не надо говорить «люблю»
по просьбе или по приказу!

Я НЕ СПЛЮ

Спит наш город, мой дом, спят соседи...
Словно плавая в стылой ночи,
то ли мозг мой в бессоннице бредит,
то ли осень по окнам стучит.
Я не сплю, вызываю виденья,
будто ты приезжаешь ко мне
погостить в моих скромных владеньях,
ну, хотя бы на несколько дней.
Я познаю тепло твоей кожи,
аромат твоих чудных волос,
сладость губ твоих, с ягодой схожих,
вкус несдержанных радостных слёз,
нежных пальцев пьянящую ласку
и горячую страстность твою!..
Будем счастливы мы, словно в сказке –
нет! наверное, словно в раю!
О как мне бесконечно приятно
вызывать те виденья в мозгу!
И что ты уезжаешь обратно,
я представить себе не могу...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Спим с тобой мы, в объятьях друг друга храня.
Я целую во сне твоё нежное тело.
Ночь над нами бесшумной совой пролетела.
Просыпается утро, трамваем звеня!
Я встаю. Мрак по спальне разлился, как гель.
Вот-вот вскрикнет будильник, твой сон прерывая.
Я на кухне с любовью поднос накрываю,
чтоб успеть принести тебе кофе в постель...

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

За окном темно. Ты слышишь:
за стеной, как волк, метель
воет в окна, топчет крышу,
хищно рыщет в темноте.

Или ищет, с кем подражаться,
нервно в дверь стуча хвостом.
Иль надумала пробраться
к нам погреться в тёплый дом?!

Мы же сядем у камина,
выпьем сладкого вина,
светом пляшущим карминным
будешь ты освещена.

И, устроившись уютно,
руки взяв ладонь в ладонь.
будем слушать, как поют нам
песни ветер и огонь.

Владимир САМАРИН

Владимир Иванович САМАРИН родился 10 сентября 1946 года в Орле. С трёх лет воспитывался в детских домах Орловской области, а затем – в Воронежской школе музыкантских воспитанников. Окончил Воронежский госуниверситет и Российский социально-политический институт. Работал в молодёжных газетах Липецка и Орла, в «Орловской правде».

Избирался народным депутатом СССР.

Член Союза российских писателей.

Автор книг «Медные трубы», «Страсти по Тихому Дону», «Время сиротское», «Во имя и в честь», «Глаголы прошедшего времени»...

БАБЬЯ СЛОБОДА

(Отрывок из романа)

День убывал, а с ним укорачивались вечерние разговоры на облысевшей дубовой лесине, привезённой в незапамятные времена к дому валяльщика Лузгина. В утренние и дневные часы возможности для посиделок не было. После заводских гудков, извещавших окончание рабочей смены, люди не растекались по улицам-переулкам, а шли на выемку кирпича из развалин многоэтажек, на расчистку улиц, которые после несчётных бомбёжек совсем перепутались между собой, и только старики-почтальоны могли помочь вернувшимся из эвакуации отыскать родное пепелище.

Раньше других на стволе дуба занимала место многодетная Мария Серафимовна Степанова. После войны её называли Степанихой Счастливой: под своим худым подолом она сберегла в оккупацию восьмерых детей, а главное – из партизанского края, получив второе ранение, был отпущен домой муж Степанихи – Иван Михайлович. В медицинских целях лесной хирург удалил ему левый глаз, но слободские бабы считали, что в остальном «Михалыч прибыл в полном комплекте».

Разговор на дубу всегда начинался с новостей о мужиках. Хотя в побитых осколками бомб домах было зверски холодно и голодно.

Первой в этот раз заговорила Нина Кирдеева, прядильщица трикотажной артели. Из-за чашечки лифчика она извлекла сложенное в треугольник письмо.

– Прочту, пока совсем тёмно не стало...

Бабы, как вороны по жёрдочке, придвинулись с обеих сторон к самой юной в околотке солдатке. Ближе других – Елена Герасимовна Лисаева: по слободским улицам шелестели разговоры, что после проводов мужа на фронт она не осталась горькой одиночкой – пригревала близ себя девушек, подкармливала и одевала их. Замужней среди красавиц-молодаек была только Анечка Русакова.

«Пишу тебе Ниночка с большого города Будапешта, – общалось в письме, – долго не решался. Ведь мне после горения в танке ногу отняли. Думал приду на костылях тебе не нужный такой. А вспомни Ниночка денёчки и вечерки наши. Как у соседей Мезенцевых потолок штукатурили, я тебя с лесов снимал, груди твои об себя обжимал. А ты тогда...».

– Ну, дальше он всякие глупости про меня пишет...

– Читай-читай! Про любовь не таи! – настаивал кто-то из баб.

Нина не решилась, не поддалась:

– Тут самое сердечное..., нельзя вслух. Да и читать уже трудно – сумерки.

Все остальные тоже поняли, что надо спешить домой, пока ещё видны на улицах воронки и таблички минёров.

Анечка не боялась темноты – иное заставляло придерживать шаг, прислушиваться к звукам уходящей в ночь улицы. Безвидно покраснев, она отчётливо вспомнила своё вчерашнее возвращение с посиделок. Елена Герасимовна нагнала её у поворота к трамвайной линии; дотянула свою руку до налитой терпением Анечкиной груди, сдавливая и покручивая выдававшийся сосок, тихо спросила:

– Сколько можно терпеть, Анечка? Ведь не изменишь ты ему...

У Анечки заломило поясницу, ноги подкашивались. Вряд ли она понимала, куда влечёт её под руку Елена Герасимовна: от груди к бёдрам разлилась пьянящая теплота, непонятная радость кружила голову. Неожиданно для себя она то ли вышптала, то ли выстонала:

– Ле-ноч-ка-а...

Дома у Елены Герасимовны было тепло, но хозяйка посчитала необходимым дополнительно подтопить печь. Придвинула для Анечки табурет почти к самой заслонке. Посоветовала:

– Повернись задом к жару – усталость и болячки разные как рукой снимет. Нажопничек пора надевать – конец октября уже.

Елена Герасимовна поставила на керогаз чайник, а в центр овального стола – розетки с карамельками и печеньем.

– Девочки мои вчера в общежитие перебрались, – грустно, даже как-то потерянно выдохнула Елена Герасимовна. – Места свободного теперь много. Приходи ко мне жить: постель крахмальная, уборная в тепле...

Анечка ничего не ответила, только шершавая от переноски тяжёлых носилок с цементным раствором её ладонь устало легла на бёдра Елены Герасимовны: истощённое тело не могло дать большего.

Светланка разбудила Лиду среди ночи – словно холодная лягушка прыгнула на низ живота.

– Мамочка! Мне немец снился – он у Буяна косточку отнял. А если в дом придёт?

– Спи, моя умница... Спи..., – будто испугавшись чего-то, прошептала Лида.

Дочка прижалась к горячему мамкину животу, а прохладную ладонь просунула меж её ног. Мама вздрогнула от неожиданной ласки, а потом долго лежала, чуть дыша, и никак не могла возвратиться в сон.

Любящей женщине трудно представить, как где-то на задворках Украины зарыли в землю её горячее счастье. Всегда только живым вставал в воспоминаниях Павел, Павлуша. С нежными, но сильными руками, с розовостью милых губ и пронзительно-чувственными глазами. Она не хотела даже

слышать запах другого мужчины; до отказа распиравшая её тело жажда ласк за шесть лет военной службы мужа не была облечена и каплей нежности.

Посмертную верность супругу Лида могла нарушить только с одним человеком. В первый раз в доме Рукановых Иван Иванович появился в серой солдатской шинели. Зашёл проститься с Лидиным отцом перед отправкой на германский фронт в 1915 году. За столом с прощальным обедом он практически не сидел. Вывел трёхлетнюю Лиду в сад, плёл ей венки. И всё носил на руках. На землю опускал лишь тогда, когда хотел свернуть сигарку с домашним вкусно пахнущим табаком. Считай, с пелёнок до набухания девичьей груди нянчил и пестовал Иван Иванович Лидочку. А потом заглянула в его судьбу женщина-волшебница. Околдовала, заласкала, приручила. Ивану Ивановичу разрешалось теперь дарить Лидочке только улыбку.

После замужества лучшие Лидины представления о настоящем мужчине проявились в Павлике. Ему отдала всё, что могли дать тело и душа. Похоронка покрыла мраком воспоминания. Лида старалась не будоражить их. Когда вернулась из эвакуации, не слишком горевала по разрушенному дому: ей со Светланкой хватало тёплого угла в материнском домике. На полученную за гибель мужа ссуду неспеша строила дом. После работы отправлялась в госпиталь на добровольное ночное дежурство у постелей тяжело раненных.

В плачущий непрерывными дождями осенний день старший фельдшер Милонов освободил Лиду от ночной вахты:

– Пусть нет у вас выходных дней, зато будет хоть одна выходная ночь...

Рано возвратившись домой и уложив Светланку в качалку-колыбель, Лида сменила халат на рубашку из байки; не легла, а упала всей усталостью на неразобранную постель.

Встрепенулась от сна из-за стука в окно. Давно никто не стучался к ней так. Лида не могла увидеть гостя в осенней тьме, но чутко ощутила приближение сердечной перемены, чуда. Позабыв набросить халат, светлой тенью метнулась в холодные сени. Дрожащие пальцы с трудом выдвинули тяжёлую стальную щеколду, запиравшую входную дверь. Полночный гость в одно мгновение сбросил с плеч брезентовую куртку и легко подхватил Лиду на руки. Она поняла, что не ошиблась в предчувствии: такими нежными и сильными могли быть руки только одного человека.

– Иван Иванович..., – пролепетала беззвучно. Обняла. Виски бурно застучала кровь.

...Лида уже в который раз истекала любовью. Таившаяся сила обладания любимым до донышка сливалась с нежностью мужской силы. Гормоны радости взаимно-бурно вскипали и переливались из одной плоти в другую. Это ещё больше разжигало пожар желаний.

– Павлик... Ты мой Павлик..., – плакала от счастья Лида. Они уже передали друг другу весь запас наслаждений, до последней капли. Из набухших сосцов Лидиной груди больше не сочился густой нектар.

Когда Лида заснула, Иван Иванович выложил из брезентовой сумки завёрнутый в газету кусок сала, определил его в авоську и повесил за окно. На столе оставил сторублёвку – половину аванса за октябрь. Вышел на крыльцо, глубоко втянул ноздрями пряный запах высохших листьев – почувствовал, как в ослабевшие мышцы возвращается свежая кровь.

До Тайного добрался через полтора часа, Оку пересёк не кружным путём по Каменному мосту, а напрямик, вброд.

Связанную в узел одежду пристроил поверх головы.

Ночная вода, покусывая, омывала тело. Острая галька под ступнями бодрила, отгоняла сон. Радостно вспомнились слова из старой церковной книги: «Прошёл по воде яко по суху».

Выбравшись на противоположный берег, Иван Иванович заметил, что взял много влево – под лунным светом обрисовались на фоне серого неба воздетые на колья обнищавшего плетня кубаны. Течение понудило приблизиться ко двору Кати-молочницы.

На ветру влажная кожа вмиг покрылась пупырышками от озноба. Не согревали даже сухие рубаха и порты. Пришла мысль – погреться у Кати хоть не вином, но чаем.

Дом молодницы безутешно разделял с хозяйкой её одиночество. От несбывшихся надежд обвисли створки ставень, с камышовой крыши сползли чуть не до земли несколько снопов. Перекладыны плетня пошли на топку в две военных зимы. Теперь подступала третья...

Поспать Ивану Ивановичу удалось не больше часа. Едва забрезжил рассвет, когда к палисаднику Карповых подкатил дожд. Рядом с шофёром пассажир выглядел белой вороной, это подчёркивало его одеяние – от галифе до белой «дворянской» фуражки. Дорожная пыль, конечно, припорошила начальнический блеск, но Анна Павловна определила принадлежность незваного гостя к райкомовской или исполкомовской службе: шею он поворачивал медленно и с места не двигался в ожидании служащих. Анна Павловна встречать не поспешила. Сделал это Лаврик. Он вдумчиво обнюхал сапоги начальника, для приличия покрутил хвостом, но посчитал нужным прилечь поперёк дороги к дому. Путь освободил, когда хозяин вышел из калитки.

– Здравствуй, Карпов! Я по твою душу. С немцами разделались, а теперь с вами забот не оберёшься. Вообще-то я за бригадиром Удалёвым приехал – медаль за победу ему будем вручать. Вот такую...

Человек в белом коснулся левой стороны груди, где под оранжево-чёрной планкой сверкал ещё не потускневшим серебром кружок медали.

– Тебя в райком доставлю по другой линии. Есть должок перед партией, если помнишь. В Орёл тебя с Володарки не повезут... Товарищ из обкома всё разъяснит.

Анна Павловна собрала мужу тормозок на дорогу,верху наполнила самосадом кисет. Лаврик на прощание лизнул Ивана Ивановича в нос.

– Работаю я сегодня во вторую смену... – известил супругу Иван Иванович. – С Орла не приеду.

Он устроился на поперечной скамье полукузова и ещё долго смотрел на постепенно тающую у околицы деревни фигурку Анны Николаевны. Но когда выехали на грунтовый тракт, за плотным облаком пыли исчезли из вида не только строения Тайного, но и придорожный лес, и ветряная мельница у Гонючего городища.

Настина кровать была пуста: от примятой подушки и простыней ещё веяло легким дыханием девичьего тепла. На грядущке висели лифчик и трусики, а из соседней, выходящей окном во двор, пригородки слышался плеск воды в ушате, прерываемый на минуту-другую весёлой песенкой.

«Вот она всегда так...», – размышляла Анна Павловна. – Как работа тяжёлая предстоит, так песни поёт. Всем училищем, наверное, на картошку командируют».

– Я тебя не стесню? – спросила, входя в крохотную мыльню, Анна Павловна.

– Нет, мам! Мне веселей с тобой. Жаль, что папин отъезд проспала. Три дня уже его не видела: то сверхурочная работа у него, то какая-то другая...

– Другая.., да.., – печально повторила последнее слово дочери Анна Павловна, вкладывая в него совершенно иной смысл. Тень горечи лишь на мгновение коснулась светящегося добротой лица, потому что она любовалась красой Настеньки. «Какую он мне доченьку сделал! И доброта, и ум – всё его... только вот это...».

Анна Павловна не заметила, как мысли её перешли в задышливый шёпот:

– Настенька, есть ли во мне что-нибудь красивое? Как у тебя...

– Всё-всё, мама. У тебя столько нежности и любви, что рядом даже богиню Аврору не поставишь. Папке одному такое богатство досталось. И тебе, мам, сказочно повезло...

– Не мне одной.., – неслышно прошептали губы Анны Павловны.

После утреннего чая мама проследила, чтобы поверх трусиков дочка надела байковые рейтузы. Попочке в тепле будет уютно...

К восьми часам на подводе приехали Настины однокурники по училищу. Усадили её на сложенные в передок телеги мешки.

– Можно присесть к королеве? – съехидничал Миша Савин. Но когда Настя вместо резонного отлупа одарила его улыбкой, лицо парня покрыла краска, и он не в силах был произнести хоть слово.

Наступившую неловкость рассеяла Маша Егорова:

– Настя, говорят, что к вашему отцу люди идут за советом и помощью. Он что – добрый колдун?

– Не знаю, что сказать.., – над переносицей у Насти появились две глубоких морщинки. – Школа жизни для него началась в Австро-Венгрии, где он был три года в плену. Прислуживал в императорском офицерском клубе, где научился говорить по-немецки и по-кавалерски ухаживать за дамами.

Все засмеялись, а Настя вдруг погрузилась: надо было признаться ребятам, что азбуку отец начал познавать в двенадцать лет у настоятеля храма Воскресения батюшки Димитрия. Вместо оценок священник еженедельно дарил Ване свечи по числу полученных баллов на уроках Закона Божьего.

– Иди, восхвали Господа, ангелов Его и святых Учителей Церкви православной.

А ещё отец Димитрий часто повторял:

– Знай, Иване, что школа для тебя самая высшая – Христова, а образование... Пусть даже после духовной академии!... Без Бога останется низшим.

Слава Егоров обернулся к Насте:

– А где мы эту школу Христову найдём?

Показалось, что глаза девушки зажглись огнём. Ответила не сразу – оглядела ближние к дороге кусты орешника и осиротевшие после уборки хлебные поля. Оживляли картину лишь золотящиеся на солнце стога необмолоченных снопов: не хватало людей и лошадей для перевозки сжатого хлеба. Точнее сказать, лошадей в послевоенном «Серпе и молоте» вообще не было.

– Ребят, а вы знаете, что Миша Савин бесплатно лечит жителей Выгонки?

– И роды принимает. – усмехнулся Гриша Овалов.

– Смеяться нечего, – определила Катя Собакина, – Миша, ты правда делаешь всё без всякого разрешения?

– Господь разрешил каждому помогать людям...

Бригадира Удалёва дома не застали. Жил он в Вязках, по другую сторону Оки. Пришедшие поудить на зорьке рыбу вязковские пацаны сообщили, что Лёху Жмыха (клички в орловских деревнях давали весьма соответствующие персоне) забрал «чёрный ворон».

– Не «ворон», а машина органов, – поправил ребят райкомовский представитель. – Начальник милиции опередил нас...

Ивану Ивановичу пояснил:

– Измалков – член бюро райкома, устроит тебе горячую взбучку!

Иван Иванович промолчал, хотя почувствовал как защемило сердце и перехватило дух. «Неужели всплыла история с хищением сала? Люди-то в обкоме все новые, а протоколы собрания первичной, заседаний райкома и горкома были сделаны в сорок первом как настоящие – на бланках, с подписями.., – крутанулось в голове Карпова. – Но я же посылал в райком объяснение с просьбой восстановить в партии!».

За размышлениями не заметил, как по правую сторону дороги промелькнул домик Лиды. Зато на редкую для окраины машину обратили внимание многие жители Бабьей слободы. Степаниха прокричала через улицу:

– Лида! Видела – кого повезли? Грамоту наверно в честь Октябрьской дадут...

Лида из-за плетня только рукой махнула. Знала, что награждений от власти Иван Иванович всю жизнь не получал. Благодарили его люди бедные, сироты. И женщины, конечно...

К супруге Ивана Ивановича Лида не ревновала: венчанная жена, под Богом вместе ходят. Не завидовала и другим женщинам, дарившим свои чувства Ивану Ивановичу. Расставания с любимым становились для них бедой – словно судьба отбирала у жизни доброту и ласку.

С крылечка в палисадник скатилась Светланка. Весело запищала:

– Мам, я косу сама заплела и кашу вчерашнюю доела. Хлебушко сегодня нам не нужен – морковку в огороде невырытую набрала.

Светланка прижалась всем телом к маминым ногам, а лицо приподняла и таинственно зашептала:

– Ночью ко мне сон хороший приходил – Иван Иванович. Вы с ним шептались, целовались... А когда Иван Иванович не во сне, а взаправду ушёл, ты заплакала. Почему, мам?

– Потому что он ушёл...

Лида поворошила Светланкины волосы – ей это всегда помогало успокоить нервы. Но сегодня ничего не получалось: в пассажире, сидевшем рядом с водителем, она узнала районного прокурора.

После отъезда дочери Анна Павловна засобиралась на поиск корма для двух оставшихся с войны курочек – единственной живности в семейном хозяйстве. Лаврик и кот Васька не в счёт.

Резка из крапивы была главной частью куриного меню. Анна Павловна собирала гжучую зелень всю весну и лето – до появления первых следов увядания. Самый богатый урожай крапивы удавался на задворках, особенно вблизи кучек домашнего мусора.

Сегодня, пройдя мимо десятка огородов, подвёрнутый фартук она заполнила лишь наполовину: уж очень редко

попадались стебли крапивы, сохранившие зелёный окрас.

«А-ни-сив-на!» – летел к дому матери трёх солдат призывный голос. А когда сгорбленная фигурка Анисимовны появилась среди огорода, Анна Павловна оповестила её:

– Я тут крапивки нарву. У тыквочек твоих...

Анна Николаевна нагнулась к земле, из-под рукава её кофты скользнули на широкий тыквенный лист две косточки.

– Рви сколько хочешь! – еле слышным для Анны Павловны голосом ответила Анисимовна. Слёзы благодарности увлажнили её высохшие от горя глаза. – Пошли тебе Господь здоровья земного и царства небесного...

Крапивой Анна Павловна запаслась с семи огородных участков. Когда возвратилась домой и пошла за водой к колодцу, услышала приплывшее с другого берега невнятное тихое пение. В Вязках хоронили кузнеца: он умер от голода, поскольку отдавал весь свой военно-ветеранский паёк прикованной к постели матери. Врачи и начальство утверждали, что он отравился техническим спиртом. Однако на тайной – при закрытых дверях – панихиде удалённый властями от служения в церкви батюшка Иоанн сказал: «Чисто и трезво он жил на земле, а на небесах ему уготовано достойное место».

В трёх километрах от райцентра прокурор высадил Ивана Ивановича. Объяснил коротко:

– Советская власть не такси для нарушителей закона. Пешком доберёшься! К восьми часам должен как штык...

Искромсанное гусеницами танков и самоходок шоссе тянулось параллельно железнодорожному пути, и поскольку время позволяло, Иван Иванович решил зайти перекурить к обходчику Костомарову.

Илья Сергеевич был на рыбалке, зато Лена, жена его, обрадовалась появлению приятеля мужа.

– Сейчас сообразим чаёк. Побалуемся сладким! – глаза женщины радостно-суматошно заматались. Иван Иванович смугился и, комкая слова, с трудом выговорил:

– Я щас не могу, Лена... Дай разве водички попить...

Лену Иван Иванович не осуждал. Знал, как горько сложилось из-за войны её житие. Единственный сын погиб на границе в сорок первом, а в сорок четвёртом из-под Белграда отпустили домой Илью. Иссохшие в гореваниях по мужикам бабы станции Оптухи завидовали ей. Не знали, что в одном из уличных боёв в центре югославской столицы старший сержант зацепил ногой противопехотную мину, и вырвало из тела удалого бойца всё содержимое паха.

Лена безутешно томилась, плакала по ночам, насыщая слезами подушку. Илья Сергеевич стеснялся укладываться рядом с женой: зимой спал на лавке под иконами, а в тёплое время – на помосте у противопожарного щита.

Лена редко, малюсенькими кусочками уворовывала для себя счастье. С Иваном Ивановичем сблизилась тихо, робко. Чтобы не разбить друзей, она при появлении Карпова уходила на дальний огород или к соседке-стрелочнице. Мучала себя несбыточными ожиданиями-мечтами...

– Ты почему только сегодня пришёл? – выдохнула Лена.

– По пути случилось. С Ильёй покурить хотел...

– А к чьему сердцу дорожку топтал?

– Меня нынче из партии выгонят. Не больше часа осталось. Ты уж Илье разъясни – что и почему. Секрет этот знаешь...

– Убьют тебя, расстреляют ..., – заголосила Лена. – Уезжай к Фёдке двоюродному в Сибирь...

– Успокойся! – Иван Иванович блеснул улыбкой из-под усов. – Во-первых, за три килограмма сала у нас не расстреливают. Во-вторых, война многое показала и открыла...

В райкоме скопилось десятка три людей, вызванных по разным вопросам на заседание бюро. Ивану Ивановичу сидячего места не досталось, и он своей жилистой саженью подпирал дверной косяк приёмной. Удобным было лишь то, что курить можно, не выходя в коридор.

Часа два прошло, прежде чем из обитой дерматином двери высунулась голова Измалкова:

– Заходи!

В кабинете секретаря за придвинутыми друг к другу столами сидели люди, совершенно не знакомые Ивану Ивановичу; он даже обрадовался, когда обнаружил среди них директора школы довоенной поры.

– Слушается вопрос повестки дня о решении комиссии обкома ВКП(б) по рассмотрению...

Слова представителя из Орла неколебимо подкрепляли друг друга своей обстоятельностью. Ничто не могло внести в их суть хоть какое-то сомнение. Из порядка и характера подачи информации Иван Иванович быстро определил, какая точка будет поставлена в заключение речи.

Обкомовец зачитал проект постановления об утверждении решения первичной парторганизации, райкома и горкома по исключению из рядов партии рабочего мясокомбината Карпова.

– Вопросы есть? – упреждающе-строго прозвучал голос секретаря райкома.

– Да, конечно... – Иван Иванович, как от озноба, передёрнул плечами. – Этот документ уже окончательный и подпись имеется?

– Как юрист уверяю вас, – усмехнулся прокурор, – что никакому обжалованию он не подлежит. И подпись на месте.

Из материалов персонального дела

Характеристика

гр-на д. Гонючее Плещеевского с/с Володарского района Карпова Ивана Ивановича

Тов. Карпов Ив. Ив. известен первичной парторганизации с хорошей стороны: человек честный, прямой, исполнительный при работе, дисциплинированный, требовательный, прежде всего – к себе, а потом к своим товарищам по совместной работе, беспрекословно подчиняющийся законным требованиям при исполнении своих гражданских обязанностей.

Во время немецкой оккупации эвакуироваться не имел физической возможности по болезни желудка. По свидетельству его односельчан во время оккупации вёл себя, как надлежит советскому патриоту: не заискивал перед оккупантами, не лицемерил перед урядником и старшиной; с местным старостой Коноваловым, своим соседом, убитым снарядом во время бегства оккупантов, часто вступал в словопрения, критикуя его вредные для населения действия. За всё это у него была отнята корова. Всем распоряжениям оккупантов старался противодействовать, если не открыто, то косвенно, изыскивая средства к уклонению от исполнения их распоряжений. Был случай, когда двое пленных при немецком обозе, из которого ушли, скрывались ночь у Карпова Ив. Ив., наутро при обыске немецкой полиции едва не были обнаружены, подвергая укрывшего их хозяина жестокой расправе.

Карпов имеет сына Ивана и зятя Анохина Сергея Петровича, живущего с момента брака с его дочерью в одном

с ним доме. Как сына, так и зятя воспитал в чисто-советском духе, плодом чего явилось то, что сын, получивший на действительной службе выучку лётчика-парашютиста, состоял в партии, пошёл на службу в органы обл. НКВД, а зять Анохин С.П., помня заветы тестя о чувстве долга гр-на перед Родиной, возвратился из действующей армии инвалидом Отечественной войны с наградой – медалью «За отвагу»; в настоящее время он кандидат ВКП(б). – Таков моральный облик гр-на Карпова Ивана Ивановича.

Секретарь первичной парторганизации при Плещеевском с/с Володарского р-на, колхоз «Серп и молот» (д. Гонючее)
/подпись неразборчива/

Постановление

Подтвердить решение Орловского горкома ВКП(б) от 14 июля 1941 г. – исключить Карпова Ивана Ивановича из членов ВКП(б) как не оправдавшего звания коммуниста во время пребывания на оккупированной немцами территории.

Секретарь обкома ВКП(б) (Игнатов)

В караулке спецроты УМГБ Иван Иванович угостил дежурных табачком: доморощенный турецкий здесь предпочитали махорке. Зарядив хорошей порцией клочок газеты, сержант Медведев аккуратно устроил самокрутку рядом с журналом дежурного. После этого доложил:

– Старшина Карпов проводит занятия с новичками. Разрешите пригласить?

– Сделай милость...

– Рядовой Селезнёв, выполняйте!

Медведев посчитал необходимым объяснить:

– Мне отлучаться нельзя. Строго у нас...

Сын появился при параде: орден и две медали на синей гимнастёрке, сбоку на ремне наган. Однако родимое, всегда ласковое лицо было сегодня нахмуренно-печальным.

Когда вышли за ограду казарм, Иван остановился, посмотрел в глаза отцу и тихо сказал:

– Я всё знаю... С командиром роты вызывали на Салтыкова-Щедрина. Объяснили, что все принимаемые партией решения должны доводиться до конца. О том, что тебя исключали из партии по специально разработанной легенде, не знал никто, кроме погибшего сотрудника НКВД Денисьева. И ты ведь действительно украл сало...

– Благодарю вас, старшина Карпов, – Иван Иванович церемонно застегнул пиджак на все пуговицы, – вы всё хорошо объяснили. Как настоящий энкаведешник... Самое время сказать: «Пост сдал...» и услышать ответ: «Пост принял!». Тебе ведь осталось не больше месяца в кандидатах ходить...

– Пап! Зачем ты так?..

Катя жадно ждала прихода Ивана Ивановича. Иногда ощущение близости с ним становилось нестерпимо-реальным: каждой клеточкой тела чувствовала мужскую ласку. «Он боится повредить мне и ребёночку..», – успокаивала себя Катя. При этом поднимала к подбородку подол ночной рубашки и гладила красиво выступившую округлость живота. – Ванечка! – шептала она восторженно. – Приходи, милый... Нас теперь двое, и мы дадим тебе счастья вдвое больше...».

Проведывала Анна Павловна, кланялась издали, с края огорода. Оставляла в зарослях лопухов то косточку, то кусочек сала. Однажды встретились у колодца, и Катя спросила:

– Мне-то за что дары? На хлеб не в колхозе, так на шитьё зарабатываю...

– За молочко, красавица. Вкусное оно у тебя.., – Анна Павловна мягко огладила Катю плечо. – Да мальчику, ко-

торого родишь, сил набираться надо...

– Откуда вам.., что мальчик?

– К Афанасию Андреевичу наведывалась. Он мне и открыл: «У Ивана Ивановича одни мальчишки будут, большие и маленькие». Счастливая ты... Ещё сама не родила, а уже ребёночка Ухаревых выкармливаешь... Настеньке нашей жизнь сохранила, Ивану Ивановичу...

Оговорившись, Анна Павловна покраснела сильнее, чем собеседница-молодайка. Чтобы снять неожиданно вырвавшийся укор, обняла Катю за плечи, прижала к себе и сказала сквозь слёзы:

– Прости, милая... Знаю, что оторваться от него никто из баб ещё не смог...

Две женщины заголосили навзрыд.

Ноябрьские морозы уже прихватывали по ночам раскисший чернозём. Прошагать двенадцать километров до Покровки Карпову-младшему казалось прогулкой. Вещмешок, наполненный под завязку картошкой, не тяготил молодых плеч старшины, а внутренний карман ватника, вместивший кулёчек-гостинчик для Сони, согревал и радовал. Картошку Иван заработал на сортировке. Рота, исключая дежурный взвод, перетасовывала картофель по разным ямам-ёмкостям.

Шофёр одного из разгруженных студебеккеров передал Ивану голубой конвертик, девочки-отличницы клеили такие из обложек использованных тетрадей.

Старшина сразу определил – чьё это послание. Чётким учительским почерком Соня сообщала: «Ванечка! Сегодня вечером, т.е. часов в восемь, буду уже дома. Целую».

Осенняя темь полностью проглотила дорогу, слила в два чёрных потока придорожные кусты и деревья. Низкие, крытые соломой избы обозначал лишь собачий брёл; если где и появлялся огонёк, то был он столь слабым, что обнаруживался не далее пяти-шести шагов от окна.

Дом Морозовых стоял в полной темноте – это насторожило Ивана. Посветил фонариком на часы – стрелки показывали семь с четвертью. Почуввав знакомого, дружески заворочалась под порогом собака, но на стук в доме откликнулись не сразу.

Дверь растворилась неслышно, и керосиновая лампа в руках хозяйки осветила в первую очередь её лицо. Улыбка Клавдии Сергеевны была несколько растерянной.

– Ванечка.., – тихий голос прозвучал непривычно-радостно, но Клавдия Сергеевна тут же поправилась:

– Добрый вечер, Иван Иванович! Сонечку сегодня не отпустили: оставили стенгазету рисовать в честь убранной картошки. Но вы – всегда жданный человек в нашем доме. Проходите!

– Спасибо. Я тогда в Тайное поспешу: картошку вот для семьи заработал...

– Картошку можно до завтра оставить, – с настороженной дрожью в голосе предложила хозяйка. – Зачем сейчас по темноте топтать?

Своё приглашение Клавдия Сергеевна совмещала с сервировкой стола: к картофелю в мундирах присоединила миску с солёными рыжиками, нарезанную крупно селёдку, обильно покрытую кольцами лука. Выложила и хлеб – настоящий ржаной, не из нарезок, выдававшихся по талонам. Хлеб полновесный, духмяный кирпич, увенчанный тёмно-коричневой аппетитной корочкой.

Когда выставила на стол бутылку «Московской особой», посчитала необходимым пояснить:

– К встрече Сонечки готовила. Завтра можно будет ещё

прикупить. Нам ведь, кроме карточек, и паёк дают, поскольку в сельсовете работаем.

– А ребяташки где ваши – Лёня, Коля?

– На квартире в Мезенке. Из начальной школы оба выросли. Ну давайте мы за их успехи выпьем...

Не столько стакан водки, как накопившаяся за день физическая и нервная усталость грузом опустили книзу веки глаз. Мягко и тепло прозвучали для старшины никогда не слышанные от Клавдии Сергеевны слова:

– Ванечка, раздевайся и ложись. Нахолодился на улице – я согрею... Это мне и тебе полезно, хороший мой... Женщине неуютно и больно, когда она столько терпит. Соня, думаешь, не мечтает стать твоей? Просить только стесняется и свадьбы ждёт как спасения. Я откладываю сроки, потому что сама хочу тебя.

Перед уходом в роту Иван посмотрел уставшими невыспанными глазами в горящие бодростью зрачки Клавды. Спросил:

– А как же теперь Соня?

Клавдия Сергеевна обхватила Ивана за плечи, притиснула к груди, повела влево-право по сосцам. Ответила жёстко и коротко:

– Я тебя дочери не отдам сейчас. Только после свадьбы...

– Но когда она состоится?

– Подумаю ещё. И не забудь, что послезавтра у Сони день рождения...

На всех демонстрациях после освобождения города Ивану Ивановичу поручали нести наклеенный на фанеру плакат с устремлённой в будущее фигурой Ильича. Но накануне сегодняшнего октябрьского шествия партторг Мымрин засомневался:

– Надо ли тебе поручать это сейчас? Ведь исключили из партии...

– Исключили ещё до войны! – Карпов выразительно поднял над головой палец. – Но я взносы как член ВКП(б) до октября платил.

– А теперь и утверждение обкома состоялось. Все как один голосовали «за».

– Все да не все... – Иван Иванович испустил долгий выдох.

– В гестапо меня в список состоящих в партии внесли.

– И что за это схлопотал?

– Первым делом коровы лишили, запретили приобретать по твёрдой цене соль и семена...

– Но не повесили ведь? – ухмыльнулся Мымрин.

– Люди наши, тайнические, от расправы защитили... Так можно мне нести Ильича?

Мымрин недоумённо повёл плечами, сказал тихо, чтобы никто не услышал:

– Неси. Только выше других плакат не поднимай – зачем на рожон лезть?

От мяскокомбината к главной площади города прямой стрелой пролегалла лучше других сохранившаяся улица имени пролетарских товарищей Сакко и Ванцетти. Распространённая городская легенда вещала о том, что советские лётчики обходили эту улицу при бомбометании. Другой причиной сохранности называли тот факт, что начиналась она у храма Михаила Архангела, а заканчивалась церковью Иоанна Предтечи.

Рисованных плакатов было мало: несли в основном лозунги на выгоревшем кумаче и временно снятые со стен портреты вождей. Сталин с девочкой на руках (картину многие видели в горсовете) открывал шествие района. Припод-

нятость настроения поддерживалась радостными восклицаниями-поздравлениями родных и знакомых.

В шуме приветствий, перекрывающих друг друга песен, в толчее смеха Иван Иванович не сразу различил обращённые к нему слова: «Папа! Ты видишь меня?».

Навстречу строящейся колонне двое молодых людей проталкивали поставленный на велосипедные колёса трёхметровый картонный букварь. У подножия книги-гиганта стояла девочка в белом форменном фартуке, с двумя бантами в причёске. Длинная указка в её руке смотрелась, как шпага рыцаря науки.

«Настенька... Дочка...». Иван Иванович подкрепил два милых слова приветственным жестом высоко поднятой руки. Настенька ответила салютом шпаги-указки, а когда букварь подвезли ближе, Иван Иванович заметил на платье дочери голубой значок-трапецию: над массой людей возвышалась уже не школьница, не студентка Настя, но Анастасия Ивановна Карпова, педагог советской начальной школы.

Иван Иванович ещё не утихомирил бурную радость, как под рукой снова оказался Мымрин.

– Видишь – как?! Партия всё ещё тебе доверяет: дочке почёт какой!

– Андрей Геннадьевич, – придержал Иван Иванович Мымрина, – получается, что ты первым поздравил меня и с праздником, и с получением Настенькой диплома. Значит, с меня причитается. Дойдём до выездного буфета, я обеспечу.

– Не советую... – Мымрин нахмурил брови. – А если за тобой другие трудящиеся раньше времени в буфет потянутся? Ты ведь человек в коллективе известный...

Иван Иванович заглянул в автолавку по другому поводу – старшина Карпов просил отца приобрести что-нибудь праздничное. День рождения страны советов совпадал с днём появления на свет Сони, подруги сына. Выбор оказался невелик, особенно в отношении цен. Иван Иванович приобрёл по коммерческому тарифу пару селедочек и халву к чаю. Сторублёвую буханку хлеба не осилил, но тут же успокоил себя: в деревне картошка – хлеб. Купил и пачку «Беломора», чтобы угостить знакомых курильщиков. Потом вспомнил, что на обед в праздничный день его пригласила Лида. Вернулся к автолавке и долго выбирал в куче бижутерии бусы. Не подобрал. Купил завернутые в розовые фантики карамельки «Фруктово-ягодный букет».

В караулке конвойной роты дежурный сообщил, что старшина Карпов недавно возвратился с объекта. В честь праздника пленных немцев гоняли мостить бульжником улице имени 7-го Ноября.

– Зато им сегодня по пятьдесят граммов поднесли! – весело воскликнул дежурный.

– А почему не сто? – улыбнулся Иван Иванович.

– Кто же немцам всю водку отдаст?! Поступили по справедливости...

Продукты-дары из рук отца Иван принял с радостью. Поблагодарил душевно, но неожиданно спросил:

– А можно одну селедочку и пару конфеток Лариной отнести. Она ведь рабочих карточек не получает...

Иван Иванович внутренне поморщился: не нравилось ему сближение сына с учительницей вечерней школы. Алла Антоновна была красива, элегантна, лакома для мужчин, но после ареста её мужа в тридцать седьмом ухаживание за ней считалось общением со шпионкой. Ивана Ивановича утешало лишь то, что контакты сына с Лариной рассматривались большинством знакомых как необходимые действия сотрудника НКВД...

Николай КАЛИНИН

Николай Емельянович Калинин живёт в г. Миценске. Родился 3 ноября 1938 года в посёлке Маяк Сосковского района. Первые свои воспоминания относит к начальному году оккупации, а год освобождения помнит уже десятками эпизодов, которые, может быть, и заложили литературный фундамент.

Тяготея к малой родине, он написал текст гимна Сосковского района, а ранее получил благодарность за слова гимна г. Орла.

Николай Емельянович прошёл школу Высших литературных курсов и не гордится количеством книг, говорит: одну бы, да толковую.

А книги выходили с 1975 по 2015 год в Туле, Москве, Орле. Писатель с гордостью говорит о публикациях в журналах, где отбор был особый. Дорожит вышедшей в издательстве «Детская литература» большим тиражом повестью для подростков «Камаринские страдания». Участвовал в передачах столичных телеканалов. По его сценарию снят полнометражный фильм по прозе Бунина «Митина любовь».

В 2015 году издал выстраданную документально-публицистическую повесть «Ореол бессмертия». Участвуя в Международном литературном конкурсе, получил Специальный диплом «За лучшую книгу о Великой Отечественной войне». Эта книга о враче подпольного госпиталя в Сосковском районе А.И. Куренцовой. Первое упоминание о госпитале состоялось в райгазете очерком о ней в 1961 году и стало началом восхождения забытого имени. Потом к этой великой судьбе потянулись десятки авторов, чтобы прикоснуться к её Величию, а теперь, как считает Калинин, она стала народной героиней в ряду Сусанина, Кожинной, Курина. Есть улица её имени, памятные знаки, Курган славы.

УЕЗДНЫЙ ПОДРЯД

(Рассказ-быль)

Шестидесятилетний домкультуровский художник Владимир Сныткин, попросту Вальдемар, человек с профессионально-классической бородкой добрался поездом до приволжского городка Речицы, а до тётчиной деревни Каменки оставалось ещё семьдесят семь километров – там автобусом. Супруга его, Валя, выехала днями раньше, опасаясь, что не застанет отца живым. Она и дала телеграмму: «Папа умер, выезжай».

И вот он в Речице. В этом перевалочном райцентре не раз бывал, ожидая или автобус, если – туда, или поезд, если – оттуда, но дальше прилегающего к автостанции гастронома не ходил. Брал иногда здесь старикам продукты, а себе – положенные сто пятьдесят: водку продавали в разлив.

Умер старик под свой праздник, День Победы. Люди суежились. На последний рейс билеты уже не давали. Вальдемар предъявил телеграмму и ему выдали билет без места. До отхода автобуса оставалось полтора часа. Измученный дорогой и дурным отстоем в голове после выпитого в поезде, он прикорнул у окна в зале ожидания. И тут его толкнули под локоть.

– Прощу извинить, время не скажете? – спросил парень лет тридцати, сидевший рядом.

Вальдемар ответил. Помолчали.

– Вы до конечной, до Каменки? – уточнил сосед.

– До конечной.

– А мне от Каменки ещё три километра пёхом. Дядька умер.

– Так и я на похороны, – встрепенулся Сныткин, удивившись такому совпадению.

Теперь они говорили как родственные души. Парень назвался Олегом, расположил к себе. Несколько минут молчали. Олег сидел, уткнувшись подбородком в отворот куртки, и вдруг предложил:

– День у нас дурной. Пойдём, сбросим напряжение.

– В гастроном? – спросил Вальдемар.

– В гастроном, пить из бумажных стаканов? Разве мы не русские? Рядом кафе, посидим цивилизованно. Я заплачу. Кстати, там работает моя землячка, из одной деревни.

Они пересекли площадь, двумя малолюдными переулками вышли к широкой улице, где и было кафе. Вошли. Олег выдвинул стул из-под стола, подтолкнул Вальдемару и шумнул:

– Зинуля, касатка, привет.

Зина выразила такой же восторг и поманила пальцем для сообщения какой-то жгучей новости. Олег подошёл к прилавку. Пошептались, хихикнули. Минуты через три он принёс два неполных гранёных стакана. Вальдемару эта старая традиция понравилась.

Вторым заходом Олег доставил салаты и хлеб. Сидели недолго, поглядывали на часы. В завершение он возгласил:

– Зинок, сколько с меня?

– Если без сдачи, восемьдесят.

Вальдемар с опережением сунул руку в карман, но Олег цыкнул, убедительно прикрывшись рукой.

Из кафе пошли в скверик. Вальдемара разморило, стало дурно...

Проснулся в ночи, лёжа на молодой травке. Оглядел себя, отряхнул плащ, проверил карманы. Не было ни часов, ни ключей от квартиры, ни денег – более двух тысяч рублей, ни автобусного билета. Осознал весь ужас своего положения: «Вот это похороны, хоть в петлю полезай».

Доплёлся до автостанции. Ночь провёл в ознобе. Вздрагивал, как в кошмарном сне.

В восемь утра пошёл в милицию. Дежурный порадовал:

– Не нужно никакого заявления. Звонил сержант Филимонов, ему передали ваш паспорт.

– Кто передал?

– Откуда я знаю. Часов в одиннадцать придёт, скажет.

– Так в десять у меня автобус. Можно Филимонову позвонить?

– Да нет его дома. Вчера сменился.
– Мужики, у вас тут какая-то мафия, всё во вред человеку, – в отчаянии бухнул Вальдемар.

Дежурный привстал с решительным видом:

– Дорогой, если б не похороны, загнал бы я тебя в обезьянник. Иди, проветрись.

«Что, Сныткин, доигрался? – казнил себя Вальдемар, заплетая ноги на площади перед автостанцией. – Пришёл бы мент пораньше, можно бы ещё у кого-то занять на проезд под залог паспорта... Опять попал мордой в грязь, где-то нагрешил под старость».

От нечего делать начал перебирать события последнего времени и нашёл факт, которого устыдился: в день, когда супруга уехала в Каменку, к нему по утранке пришёл дружок, завсегда мастерской, просил Христом-Богом опохмелиться, а он, Сныткин, твёрдо отказал. Но бутылочка-то стояла, едва початая. Иудейство.

В одиннадцатом часу дежурный отдал Вальдемару паспорт и ключи, а выглядело это так обыденно, словно брал на хранение. О деньгах не говорили. Вальдемар для интереса заглянул лишь в паспорт – нет ли там билета на проезд? Не оказалось.

Осмысливая своё новое положение, направился к выходу, и уже перед дверью дежурки его настиг голос властителя:

– Слышь, орловец, ты топай к автостанции, там должно быть такси. Приедешь на место – рассчитаешься.

Этот добрый совет ещё раз обрадовал страдальца: как сам-то не сообразил, сжёт столько нервных клеток. Подсказали – значит, есть такая практика.

Да, на площади маячили «Жигули» первой модели со знаком «такси». Подойдя, увидел травмированное ржавое крыло и блеклый номер. Водитель легко согласился ехать, словно договаривались заранее, назвал лишь сумму – полторы тысячи – и потребовал в залог паспорт. Кроме того, спросил номер телефона в Каменке, достал свой сотовый и стал звонить. Ему ответила она, Валя Сныткина. Обрадовалась, ничего не стала спрашивать о ЧП. Попросила об одном: скорее ехать, деньги будут наготове.

Из короткого и сбивчивого рассказа Вальдемара водитель понял главное на этот момент – пассажиру надо купить пива. Сам пошёл в гастроном, принёс бутылку «Арсенального». И они поехали. За городом Вальдемар ощутил сброс напряжения. Сделав несколько глотков, он заново стал излагать происшедшее со всеми подробностями.

– Наивный ты человек, – по-свойски журил таксист. – Здесь орудует целый жульнический подряд вот для таких лохов. Тебя отследили ещё у кассы, когда показал телеграмму. Сыпанули в стакан снадобья на сон грядущий. Милиционера Филимонова явно в помине нет, они просто тянули время, чтоб ушёл автобус... Олег, конечно, не Олег, а Зиночка – не Зиночка. Она получила за услуги свой процент, милиция – свой, даже кассирша приобщила билет, будто ты его сдал. Тоже девяносто рублей себе.

– Так я их знаю всех в лицо, – возмутился Вальдемар.

– О, браток, кто будет этой мелочью заниматься. Надо ухо держать востро и быть трезвым. А ты клюнул, как ворона на лесь лисицы. Тут всё под крышей милиции.

Дорогу расхристали за весну, ехать пришлось ни шатко ни валко. До Каменки добирались около двух часов. Село выглядело пустынным. Встречный подросток сказал, что на кладбище только что ушли.

У дома Вальдемар торопливо выскочил из машины. Коридор был открыт, дверь в переднюю – тоже. Две старушки

накрывали столы. Не ответив на приветствие, одна из них кивнула на подоконник:

– Вона, возьми деньги.

Вальдемар, не пересчитывая, перегнул пачку сотенных и вышел к таксисту.

– Спасибо, дружище, ты – человек с большой буквы.

– Это из-за пива что ли?

– Да вообще ты душевный человек, а эти... сволочня.

Таксист тоже не стал пересчитывать, сунул деньги в боковой карман кожанки.

Вальдемар вошёл в дом. С разрешения старушек взял с крайнего стола крайнюю бутылку водки, налил в фужер, и только тут взгляд его выхватил под иконой портрет, окаймлённый чёрной лентой.

Мельком вспомнил, как рисовал его с натуры, как тесть время от времени нетерпеливо ёрзал, позвякивая медалями: «Вов, хорош, завтра докончим». Слева крайняя – медаль «За отвагу» ему, зятю, казалась такой близкой и понятной, словно был к ней лично причастен. Получил её вояка за удачную разведку у Днестра. Потеряли тогда товарища. Потом отбивали его, раненого, но погубили другого. Наука взаимовыручки. Почему-то вошла в память фраза, которую, рассказывал тесть, произнёс комдив: «Иван Андрианыч, это твой талисман. Будешь жить долго, а умрёшь счастливым. После войны все мы заживём».

Прижав к груди фужер, Вальдемар тихо сказал:

– Иван Андрианыч, прости меня, заболдуя, подвёл.

Он ослезился, выпил залпом, взял огурец – и к выходу. К его удивлению, таксист ждал. Высунувшись, предложил:

– Садись, подброшу.

– Ну, браток, буду молиться за тебя.

Подскочили к кладбищу вовремя, гроб ещё не забили.

Из машины вышли оба, встали у изголовья; рассказ об Андрианыче в дороге явно произвёл на таксиста впечатление. Прощаясь, Вальдемар прижал его к себе, как брата, похлопал по плечу. Русские люди.

К вечеру, когда последние поминальщики нагомонились в доме и разошлись, Вальдемар обрёл спокойствие и стал рассказывать о своих приключениях. Получалось сумбурно, однако жене было понятно, потому что привычно, не раз уже было...

Утром, осмыслив на трезвую голову всё случившееся, он устыдился своей расхлябанности. И вдруг подумал, что таксист – последнее звено этого уездного подряда, а то, что пооткровенничал, так тут нет ничего удивительного, сам же сказал: кого бояться под крышей милиции. И разве не для него в дежурной части тянули время с возвратом паспорта, дожидаясь отхода автобуса, а потом подсказали взять такси?

Однако таксист – человек с совестью: сходил за пивом, довёз до кладбища, прояснил схему уездного подряда, хотя сам был косвенно к нему причастен. И прохиндей Олег мог бы выбросить паспорт с ключами и выйти из игры. И в милиции могли выжать штраф за непотребный вид, когда повысил голос.

Вальдемар дал себе слово никому в городе не рассказывать об этой неприятной постыдной истории. Но по приезде домой его охватил какой-то исповедальный зуд, и он уже с юмором, как о чём-то давнем и призабытом, рассказывал каждому, кто вступал с ним в любую незамысловатую беседу. И непременно делал вывод: «Ограбили, как самого последнего цуцика, а какое-то человеческое уважение проявили. Вот и пойми эту русскую душу».

Игорь ЗОЛОТАРЁВ

Игорь Леонардович Золотарёв родился в 1963 году. Член Союза российских писателей, прозаик, кандидат филологических наук, литературный критик, литературовед.

Автор трёх книг для детей «Свиристели», «Моя семья», «Карусель»; нескольких монографий, посвящённых концепциям фантастического в русской классической литературе, в том числе «Тургенев и Мериме: реальное и фантастическое»; литературно-критических сборников «Долгое прощание», «Параллели», «Русские идеалы», «Классики и современники»; многочисленных статей, опубликованных в журналах Москвы, Санкт-Петербурга, Орла.

ПУТЕШЕСТВИЕ С РОБЕРТОМ ДЕССЕ К ТУРГЕНЕВУ

Австралийский писатель, критик и тележурналист Роберт Дессе узнал о России в середине 1950-х благодаря нашим спутникам и полёту Юрия Гагарина в космос. Тогда Россия в представлении многих была символом всего нового и передового. Р. Дессе купил словарь русского языка, и вся жизнь его получила новое направление. Русский язык стал его большой любовью, он окончил курсы русского языка, а в 1966 году приехал учиться в Московский университет. Писатель увлёкся Россией, с годами увлечение перешло в любовь к нашей стране, её культуре, литературе. Однажды, оказавшись в Германии, он напал на след Тургенева. Он уже знал русскую литературу, его поражали бесконечные вспышки фантазии Гоголя, громы и молнии Достоевского, масштабные исторические панорамы Льва Толстого в «Воине и мире». Ещё студентом Р. Дессе прочитал всё написанное Тургеневым, но лишь десятки лет спустя испытал к Тургеневу то, что Т.С. Элиот называл «чувством родства или, вернее, некой личной близости», основанной на «тайном знании». Дессе начал чувствовать себя «другом» великого писателя. Он пишет, что это чувство возвышало его, настоящая дружба вызревает долго, ей нужно время, чтобы окрепнуть, у Дессе на это ушло тридцать лет. Чтобы сильнее ощутить духовное родство с Тургеневым, Дессе посетил все тургеневские места в России, Германии, Франции. Он полагает, что Тургенев жил в «сумеречное время», в «межеумочном» пространстве между эпохами, когда любовь, как её понимали на протяжении веков, стала редкостью. А ещё через сто лет такая любовь, похоже, и вовсе исчезнет. И то, как Тургенев раскрывает эту тему, – любовь в период сумерек любви, «хватает за сердце». Книга Роберта Дессе, о которой пойдёт речь, называется «Сумерки любви».

Будучи в Баден-Бадене, Р. Дессе прежде всего отправился на Лихтенталевскую аллею, где собиралось русское общество и часто на скамейке у каштана сживал Тургенев. Р. Дессе сразу узнал скамейку по памятнику, установленному возле «русского» дерева стараниями Министерства культуры Российской Федерации. На табличке: Иван Тургенев и годы жизни. Отлично вылепленная тургеневская голова на низком постаменте. Крупная голова,

красивое, с окладистой бородой лицо, с длинным, чуть продолговатым носом, глубоко посаженные глаза, выдающиеся скулы, густая ухоженная борода. Красивая голова. Тургенев был поразительно красив, по словам всех, кто его знал. Он прожил в Баден-Бадене семь лет, и его европейские романы «Накануне», «Дым», «Рудин», «Дворянское гнездо» были написаны здесь.

Сидя на скамейке, Р. Дессе вспоминает роман «Дым», о его персонажах, о любви и долге. В наши дни, в отличие от века, которому принадлежат Литвинов и Ирина, мы лучше знаем то, чем все прочие нам обязаны, хорошо знаем свои права. За отсутствием нравственных норм мы прибегаем к букве закона. Люди нарушают нравственные нормы при любом удобном случае. Тургенев, пишет Дессе, был одержим идеей любви, ещё более непривычной для нас, чем любовь Литвинова или Татьяны в романе «Дым». С той самой минуты, когда впервые увидел Полину Виардо, он был верен ей всю жизнь, до последнего вздоха. Ему было двадцать пять лет, ей – двадцать два, и он влюбился без памяти. И в последующие сорок лет жизни Тургенева, пишет Р. Дессе, были и увлечения, и нежная дружба, но не было и часа, когда бы он не обращался мыслью к своей возлюбленной, рисуя в воображении её образ – горящие угольно-чёрные глаза с тяжёлыми веками, пухлые, чувственные губы, блестящие чёрные волосы, забранные назад и оставлявшие открытым высокий чистый лоб. Далее писатель продолжает, что не может подыскать слова для этой любви. Назвать их связь «любовным союзом» банально и неверно. Сказать, что он был безумно влюблён, наводит на мысль о несчастном страдальце, но ведь чувство к Полине придавало ему сил, духовно обогащало. Нельзя объяснить это просто страстью, хотя она и присутствовала в первые годы. Не было это и возвышенным «обожанием», как у Бодлера и Блока к их дамам сердца, – почти в каждом письме Тургенев целует ручки и ножки Полины, что показывает и его физическое влечение. Дессе допускает, что для такой любви ещё не придумано имени, поскольку немногим довелось испытать нечто подобное. И Тургенев был доволен своей судьбой.

Роман «Дым» заворожил Дессе лексическим богат-

ством своей речи, россыпью слов, передающих малейшие оттенки настроений и чувств: желаний, влечений, отчаяния, гнева, печали и радости. Каждая записка Ирины и Литвинова друг другу – это крошечный шедевр, каждая их беседа тоже показывает их прекрасное знание родного языка. Это и лёгкое нарушение порядка слов, ритма, использование приставок, суффиксов и огромный словарный запас.

Просвещённые читатели понимают, что реальные люди так не говорят. Но так Тургенев демонстрировал своё литературное ремесло: мы видим не просто жизнь, а искусство – тонкое, изощрённое тургеневское письмо. Прожить жизнь, не зная, что у красного цвета есть такие оттенки, как багровый, алый, кумачовый, гранатовый, пунцовый, кармин, – это лишить себя чего-то важного, поэтического. Поэзия – нечастая гостья в нашей повседневной жизни, на неё нам не хватает времени, а жаль.

Тургенев, написавший в Баден-Бадене несколько романов, был русским писателем до глубины души. Каждая его книга (свидетельствующая об удивительном богатстве изобразительных средств) изобилует русскими пейзажами, народными характерами, раскрывает особый образ мыслей и чувств, начиная с «Записок охотника», действие которых разворачивается недалеко от его Спасского-Лутовинова, до последних мистических рассказов. Он был свободным русским и отстаивал своё право играть на русской скрипке любые мелодии.

В Баден-Бадене, куда Достоевский приезжал, чтобы играть в русскую рулетку (он всю жизнь нуждался в деньгах), Тургенев не ходил в казино, но он играл в карты, играл на счастье, а счастьем для него были любовь, мечта, чтобы Полина была только с ним. Она сделала выбор в его пользу, но это было не совсем то, о чём он мечтал. Сорок лет отдал Тургенев своей даме сердца. Стоит учесть, что на его натуру оказала сильное влияние его властная мать-помещица. У мадам Виардо тоже была страсть по власти, Тургенев бросался к ней всегда по первому зову. «Месяц в деревне» был написан Тургеновым, когда он гостил у Виардо в замке в Куртавнеле. В пьесе друг семьи влюблён в хозяйку, это чувство захватывает его, подчиняет ей всецело. У женщины (Полины Виардо) – свобода выбора. И она на глазах у Тургенева заводит роман с Шарлем Гуно (композитором), правда, пьеса к этому моменту уже была написана.

В Баден-Бадене, в этой тихой и прекрасной гавани, в счастливые годы, по словам самого Тургенева, он написал самые мрачные свои произведения. Одно из них «Довольно». Вот цитата: «Страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелко неинтересна и нищенски плоска. Проникнувшись этим сознанием, отдав этой полыни, никакой уже мёд не покажется сладким». Тоска, страх, даже паника – всё это случается в жизни каждого, тем более творческого человека. В это же время Тургенев работает над фантастической повестью «Призраки», где даже Париж, венец цивилизации, представлен автором на удивление шумным, нездоровым, уродливым, обречённым «человеческим муравейником». Рассказчику вдруг опротивело наблюдать бессмысленное шевеление людей на нашей планете, где природа и человек бес-

чувственны и обречены на уничтожение. Вот это и есть у Тургенева вкус полыни. При таком ощущении душевной пустоты и внешнем благополучии Тургенев мог прийти к мистицизму, но этого не случилось, хотя он и интересовался сверхъестественным. У каждого бывают кризисы, приступы меланхолии, каждый справляется с ними, как умеет. Тургенев пошёл путём отказа. Смирился с тем, что он бессилён перед лицом высших сил, играющих человеком: это судьба. Слепой случай и непреложные законы природы. Успокоением была и любовь, под этим он подразумевал страсть к женщине, дружбу, нежные чувства, привязанность, верность, надежду.

Из Баден-Бадена Тургенев уезжает в Париж, где поселяется вместе с Виардо на улице Дуэ, в двух шагах от «Мулен Руж». В Париже Тургенев написал половину романа «Отцы и дети». В ясный день он любил ходить в сад Тюильри, чтобы посидеть на лавочке, понаблюдать за ходом жизни, поразмышлять, как когда-то на своей любимой Лихтенталевской аллее в Баден-Бадене. Автор романа «Отцы и дети» считал: суть всех наших проблем не в том, что в век бездуховности всё дозволено, как думал Достоевский, но в том, что любовь становится почти невозможной. А без любви, как сказал бы Тургенев, жизнь вообще теряет всякий смысл. И во всех романах Тургенева проводится мысль: начиная с середины девятнадцатого века существование души оказалось под вопросом, стало чрезвычайно трудно любить.

В Париже жизнь Тургенева не была скучной: участие в литературном процессе, светские приёмы, всегда рядом любимая женщина. Он общался со всеми писателями, ставшими, как и он, великими. С Флобером он дружил, они ценили творчество друг друга. Мопассан – ученик Флобера и Тургенева, которого он тоже считал своим мэтром. Мопассан, тоже друг Тургенева, восхищался его «Записками охотника» за то, что писатель показал крестьян людьми, достойными уважения. Это было ново. Другом считал Тургенева и Мериме, поверяя ему сокровенное, давая Тургенову печатать свои произведения раньше, чем во Франции. Доде, Золя, Гонкуры, они все знали друг друга, это был один круг общения. Генри Джеймс признавался, что после полуденных завтраков он покидал тёплую компанию «в состоянии необычайного «внутреннего возбуждения», что, когда начинал говорить, Тургенев всегда «оживлял» воображение слушателей. Он был красноречивым, великолепным рассказчиком. В салонах дамы слушали его, затаив дыхание.

Несмотря на присущую французам внешнюю жизнерадостность, по утверждению Тургенева, они часто были «холодными и банальными». Возможно, во Франции ему недоставало души, русской души. Зато здесь была *civilisation* (цивилизация), в которой он всегда нуждался. Привязанность к замужней женщине приковала его к этой стране. Именно это «чужое гнездо» спасало его любовь, иначе высокое чувство могло бы превратиться в рутину или утонуть в мелочных обязанностях, что часто случается в браке. Ничто в жизни Тургенева не указывает на то, что он представлял себе женитьбу как союз двух людей, при котором любовь расцветает пышным цветом. Брак может оградить от одиночества, но брак

нигде в его произведениях не изображается в виде раскалённой добела жаровни. Все его главные персонажи без исключения умирают или кончают жизнь самоубийством, не успев вкусить радостей брака, или же занавес падает до того, как речь заходит о женитьбе. Любовь, а не брачные узы привлекала Тургенева, причём любовь свободная. Паутина любовных отношений, в которую угодил писатель, до конца его жизни была сутью его счастья. Это не был каждый миг безумный восторг, тем не менее, его жизнь была наполнена счастьем, а также, без сомнения, печалью и мукой, ибо счастье (в отличие от радости или блаженства) включает в себя и эти чувства. Да и во всех произведениях писателя его в первую очередь волнуют эмоции персонажей. Вирджиния Вульф писала: «Для Тургенева его книги – вовсе не последовательность эпизодов, а последовательность эмоций, исходящих от центрального персонажа... Связаны здесь не сами предметы, а чувства, и, когда, прочитав книгу, испытываешь эстетическое удовлетворение, достигается оно потому, что у Тургенева необыкновенно тонкий слух на эмоции, и получается правдивая, слитная картина».

Р. Дессе пишет, что тургеневский необыкновенный слух на эмоции проявился с особенной силой в романе «Дворянское гнездо». В нём авторские наблюдения абсолютно естественны и на редкость поэтичны, поэтому он считает лучшим этот роман Тургенева. Чтобы написать шедевр, добавляет Дессе, как раз и нужно прислушаться к тишине, а потом взять и нарушить её.

Об этом романе Роберт Дессе вспоминает в Спасском. Мы читаем следующее: «Когда Тургенев жил во Франции или Германии, он с нежностью вспоминал о России: «...соловьи, запах соломы и берёзовых почек, солнце и лужи по дорогам, вот чего жаждет моя душа». Всё это – Спасское. И далее Дессе продолжает: «Наверное, мы все с нежностью вспоминаем те места, где нас ничто не неволит, где мы можем наконец побыть наедине с собой. Год за годом Тургенев приезжал сюда из Баден-Бадена и Парижа, чтобы новыми глазами посмотреть на всё, что он узнал, и написать о том, что видел, с высоты вновь приобретённого опыта. (Зачем же ещё возвращаться домой?) Лаврецкий в любимом романе Р. Дессе «Дворянское гнездо» приезжает домой, в родовое гнездо, очень похожее на Спасское. «Тарантас его быстро катился по просёлочной, мягкой, дороге, вокруг – свежая, степная, тучная голь и глушь. Лаврецкий погружается в тишину, словно на дно реки. Глядя в окно на сад, он прислушивается к тишине», как и Р. Дессе в то утро в Спасском, «ничего не ожидая – и в то же время как будто беспрестанно ожидая чего-то».

Самые удивительные страницы книги «Сумерки любви» Р. Дессе посвящены Буживалю. Что такое Буживаль? Сто лет назад каждый парижанин знал это место. В 80-е годы девятнадцатого века всё пространство вдоль Сены от Аржантёя до Буживаля было излюбленным местом отдыха парижан, особенно по воскресеньям. Там они катились на лодках, купались, прогуливались вдоль реки, обедали в прибрежных кофейнях, смотрели на регаты, устраивали пикники на траве. Это была кипучая жизнь. А также это место, по словам братьев Гонкур, было «пейзажной студией современной французской школы» жи-

вописцев, ставших известными и любимыми во всём мире. Кеннет Кларк выразился ещё более определённо: «Плавучий ресторан «Лягушатня», знакомый многим по полотнам Ренуара и Моне, – это родина импрессионизма». Эдуард Мане, Клод Моне, Огюст Ренуар, Писсаро, Сёра, Сислеи, а с ними и Мопассан, писавший об импрессионистах, дружил с Тургеневым, часто бывал у него в Буживале. В повести Мопассана «Иветта», написанной в год смерти Тургенева есть сцена, в которой, похоже, изображён именно тургеневский дом. «Стол был накрыт на веранде, выходящей на реку... Вилла «Весна» стояла высоко над излуциной Сены... Напротив дачи горизонт зелёным шатром замыкали гигантские деревья острова Круасси, а течение реки открывалось взгляду вплоть до плавучего ресторана «Лягушатня», спрятанного в листве.

Спускался вечер – тихий вечер, красочный и мягкий, какие бывают по берегам реки, мирный вечер, который навеивает блаженное чувство покоя. Было тепло, было от радно жить на свете... Все восхитились, когда вышли к столу. Радость охватила сердце при мысли о том, как приятно будет пообедать здесь, на лоне природы, созерцая речную гладь в свете сумерек и вдыхая чистый, душистый воздух...».

Тургенев назвал свою усадьбу «Ясени» (есть что-то общее с «Ясной Поляной» Толстого). Дом расположен высоко на холме, среди елей, ясеней и плакучих ив. К дому подступают вековые деревья окружающего леса, шагнув за решётчатые ворота, можно подумать, что ты в России. Именно в этом доме 3 сентября 1883 года великий писатель скончался.

Особенное впечатление в доме-музее «Ясени» производит кабинет И.С. Тургенева. Ступив в кабинет, обитый красным штофом, из окон которого открывался дивный вид на Сену, Р. Дессе испытал потрясение, как бывает, когда с удивлением обнаруживаешь, что смотришь на друга иными глазами. Вот настоящий стол Тургенева, за которым он сидел, внося последние поправки в роман «Новь», обдумывая сюжет «Клары Милич», «Песни торжествующей любви» и других, блистательно написанных фантастических рассказов последних лет. А позади стола – резной книжный шкаф чёрного дерева, массивный стул тоже чёрного дерева. Сама вещность этих предметов: шелковистая ткань киношных обоев, уютное тепло деревянного стола делают эту комнату словно бы прозрачной. Кабинет просторный, светлый, с окнами на три стороны. Появляется ощущение домашнего уюта. Становится очевидным, что здесь, наконец, Тургенев свил своё «гнездо». Эта комната, его кабинет, была воплощением настоящего «гнезда», по которому он тосковал всю свою жизнь. (Неудивительно, что он назвал усадьбу «Ясени» – по имени дерева.) Кабинет даёт представление о том, что составляло смысл его жизни и заставляло биться его доброе, благородное сердце. В роскошном красном кабинете Р. Дессе оставил в стороне все прежние образы Тургенева и начал мысленно составлять новый образ.

«Кроткий великан», как говорил о нём Эдмон Гонкур, средневековый трубадур, склоняющийся к ногам прекраснейшей из дам, либерал-пессимист, каким его представляет Том Стоппард, усердный летописец, запе-

чатлевший пути русской интеллигенции, остроумный собеседник, изгнанник, реалист, романтик, певец неразделённой любви, любитель сверхъестественного, охотник, Гамлет, Дон-Кихот. И тут из всех этих образов родилось нечто единое, озарённое тайным огнём. И это пламя можно назвать «земной, смертной любовью». После романа «Отцы и дети», который вышел за десять лет до его приезда в Буживаль, все остальные романы Тургенева не имели никакой политической окраски. Сидя за своим столом, он размышлял о любви и смерти. Любовь и смерть. Только это – и больше ничего. Писатель говорил своему другу графине Ламберт, что политика никогда его не интересовала и не будет интересовать. Он обращал внимание на политику только как писатель, призванный изображать современную жизнь». Но у него была своя позиция в отношении всяких радикалов, которые идут в революцию и не верят в неё, а главное – не верят (не любят) себя, они всегда будут обречены на провал.

В молодости, как и многие известные люди его поколения – Белинский, Анненков, Некрасов, Фет, Бакунин, Герцен – Тургенев отказывался верить, что общество должно выбирать между хлебом и свободой. А в зрелом возрасте любимым словом Тургенева стало слово «примириться». Человеческая жизнь может казаться бессмысленной и всегда плохо кончается, но нужно смириться со своим жребием. Если счастье ускользает от вас, не придавайте этому слишком большого значения. Если бурная страсть превращается в нечто более спокойное, можно довольствоваться тихим тлеющим огоньком, ведь и он дарит тепло. Если просвет бывает редко или оказывается миражом, наберитесь терпения и ждите. Если любовь, хоть вы пытаетесь удержать её, утекает сквозь пальцы, нужно

примириться с тем, что останется. Любви никогда не бывает достаточно.

По мнению Р. Дессе, в известном смысле Тургенев руководствовался этим принципом. Политические дискуссии, стычки между консерваторами и радикалами, между славянофилами и западниками – в действительности просто (вспомним слова Гамлета) «отражение того века и того возраста», в котором бушуют любовные страсти. Закроем книгу Роберта Дессе «Сумерки любви» и на обложке прочитаем:

*«Мне радостно сказать вам...
что я ничего не видел на свете лучше вас,
что встретить вас на своём пути –
было величайшим счастьем моей жизни,
что моя преданность и благодарность вам
не имеет границ и умрёт вместе со мною.
Да благословит вас Бог тысячу раз!..
Вы – всё, что есть самого лучшего,
Благородного и симпатичного на этом свете».*
Из письма И.С. Тургенева Полине Виардо».

Октябрь 1850 г.

Совершив все эти путешествия к Тургеневу, Р. Дессе находит в писателе родственную душу. Почувствовав свою сопричастность с его творчеством, став другом великого русского писателя, он слышит Тургенева, когда разговаривает с ним. Автору книги «Сумерки любви» приятно думать, что, вернувшись домой, он ещё раз перечитает Тургенева.

В год 200-летия нашего великого писателя-земляка мы тоже перечитаем наши любимые произведения Ивана Сергеевича Тургенева и задумаемся о судьбах современной литературы.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

День за днём уходит без следа, однообразно и быстро.

Страшно скоро помчалась жизнь, скоро и без шума, как речное стремя перед водопадом.

Сыплется она ровно и гладко, как песок в тех часах, которые держит в костлявой руке фигура Смерти.

Когда я лежу в постели и мрак облегает меня со всех сторон, мне постоянно чудится этот слабый и непрерывный шелест утекающей жизни.

Мне не жаль её, не жаль того, что я мог бы ещё сделать... Мне жутко.

Мне сдаётся: стоит возле моей кровати та неподвижная фигура... В одной руке песочные часы, другую она занесла над моим сердцем...

И вздрагивает и толкает в грудь моё сердце, как бы спеша доставить свои последние удары.

Декабрь, 1876

Михаил КОНЬШИН

Михаил Иванович Коньшин родился 1 января 1954 года в д. Щигры Болховского района Орловской области в многодетной крестьянской семье. Учился в сельской школе, затем в средней школе №1 г. Болхова. Работал на заводе учеником слесаря-сборщика, в 1972–1974 годах проходил действительную службу в Советской армии.

В 1979 году окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета, был направлен на работу в г. Орёл в редакцию областной молодёжной газеты «Орловский комсомолец». Затем трудился в газете «Орловская правда»...

В 2014 году в издательстве ОАО «Типография «Труд» вышла первая часть остроюжектной книги «Джумбо. Таинственный дар», написанная в жанре фэнтези для подростковой аудитории в возрасте от 10 лет. В 2016 году издана книга детских сказок «Умная муха и глупый паук». В настоящее время готовы к изданию ещё три литературных произведения для детей и подростков, в том числе пьеса для кукольного театра.

В тот вечер, как и все прошедшие вечера, свет во дворцовых палатах не зажигали. Таков был строгий вердикт его Величества короля Биршафура IV.

Предосторожность, которую выбрал король, выглядела сомнительной. Но с тех пор, как исчезла шестнадцатилетняя дочь короля, необыкновенная принцесса Фризанкуль, всё во дворце изменилось. Казалось, не только дворец, а всё королевство погрузилось во тьму.

Фризанкуль исчезла как-то мистическим, невероятным образом. В тот час она была на поляне чудесного летнего сада, беззаботно гоняясь и накрывая сачком пёстрых бабочек. Служанки помогали ей, с весёлым смехом следуя за крылатыми красавицами. Вдруг как будто лёгкий ветерок пробежал над поляной. И Фризанкуль исчезла, словно её здесь и не было.

Король Биршафур был в ярости. Он приказал запереть служанок в темницу и каждую подвергнуть допросу с пристрастием. Он был уверен: предатель находится среди них. Поверить в какой-то мистический случай, в действие незримых потусторонних сил не позволяя его статус.

Однако ни общий допрос, ни перекрёстный и даже допрос с пристрастием каждой служанки в отдельности ничего не дали. Все они, будто сговорившись, твердили одно и то же. Выходило, что в саду

они стали свидетелями непонятного, необъяснимого происшествия. Точно здесь поработала нечистая сила.

Долгие поиски по всей территории сада и в окрестностях оказались тоже безрезультатными. Ни следа, ни намёка на след. Фризанкуль как будто растворилась среди бела дня, как растворяется под солнечными лучами туман.

А на другое утро, в тот момент, когда король ещё раз наведлся в сад и остановился на том самом месте, где последний раз видели его дочь, перед ним неожиданно возник странный человек в сверкающем белом плаще.

– Приветствую тебя, король Биршафур, – фамильярно и дерзко произнёс он, останавливаясь в пяти шагах от короля. – Я Курасай, новый Повелитель этого мира. Дочь твоя, Фризанкуль, пожелала немного у меня погостить.

Услышав эти слова, король моментально вскипел от негодования и ярости.

– Да как ты посмел, негодяй?

– закричал он, сжимая кулаки, готовый тут же наброситься на этого дерзкого человека, стоявшего перед ним. – Как ты посмел на такое решиться?! Кто бы ты ни был, я прикажу отрубить тебе голову!

Курасай лишь усмехнулся на эти угрозы.

– Пустое говоришь, Биршафур, – всё так же надменно произнёс Курасай. – Ещё ни один чужак на этом свете не сумел поднять на меня руку, тем более меч. Те же, кто только мечтал это сделать, их уже нет. Но я не об этом... Я пришёл предложить тебе дружбу и мир. А гнев свой ты оставь при себе.

– Зачем ты похитил принцессу? – продолжал король, не обращая внимания на слова незнакомца. – В чём она провинилась? Как тебе вообще пришла в голову подобная дерзость?

– Ты, я вижу, так ничего и не понял, глупый монарх, – в той же безапелляционной манере продолжил Курасай. – Теперь я в этом мире хозяин. Это значит, что я твой король и твой верховный судья. А

ты мой слуга, обыкновенный холлоп, как, впрочем, все остальные людишки. Хочешь знать, зачем я к тебе пришёл? Так вот: мне нужен пропуск в священную пещеру Сираклиз. Шифр, Биршафур! Шифр! Как видишь, мне известно и это. Шифр! В обмен на жизнь твоей дочери.

– Ты бешеный грязный шакал!
– вспылел возмущённый король.
– Ты смеешь предлагать мне подобную сделку?! Мне, королю всего Восточного побережья?! Эй, стража! Сюда!

– Я даю тебе сутки, – не обращая внимания на бегущих стражников, сказал Курасай. – Завтра на этом месте ты дашь мне ответ. И помни: жизнь твоей дочери в твоих же руках.

Пока стражники бежали на зов короля, на ходу выхватывая оружие, непонятный тип в белом плаще прошептал какое-то заклинание, нечто похожее на «фэйхэйва», завертелся волчком и бесследно исчез.

Все, кто оказался невольным свидетелем этой поразительной сцены, застыли в недоумении.

– Что всё это значит? – произнёс обескураженный происшедшим король. – Не иначе, сам дьявол явился ко мне в этот сад.

Чтобы избежать паники и разных нежелательных пересудов, король строго-настрого запретил стражникам сообщать кому бы то ни было обо всём, что увидели.

Вечером, успокоившись и поразмыслив о случившемся, король, не страдавший отсутствием воли и храбрости, решил приготовить наглецу достойный ответ.

– Я воздам тебе по заслугам, мерзкий самозванец, – подогревал в себе праведный гнев уязвлённый король. – Ты увидишь, кто в этом мире хозяин.

Во дворце и вокруг него кипела работа. Всюду поставили светочувствительные ловушки и микрочипы видеокамер. Дворцовую территорию окружили военные. Привезли и установили несколько

пушек, три боевых вертолёта, водомёты и прочую технику.

На крышах соседних зданий, на чердаках и в бойницах дворца, в кронах деревьев затаились снайперы. В летнем саду, по всему периметру, замаскировали особый отряд военных. За деревьями, рядом с тем местом, где должна была состояться встреча, поставили специальную катапульту, которая в нужный момент выстрелит и накроет поляну, как куполом, сверхпрочной капроновой сеткой.

Приготовления продолжались и ночью, и только под утро уставший, но вполне довольный работой король, добрался, наконец, до своих покоев. Стражники, как обычно, остались охранять покой короля снаружи.

Зевая, Биршафур нашёл на столе некий пульт и нажал на кнопку, чтобы раздвинуть ставни. В покоях не было душно, но король любил отдыхать с открытым окном.

Знал бы тогда король, какую ужасную ошибку он допустил!

Но это случится позднее, а сейчас король блаженствовал на мягких подушках из гагачьего и пингвиньего пуха.

Сон окружил его и окутал сладкой своей пеленой.

«Я проучу тебя, гнусный шакал, проучу!», – шептал в полудрёме король, посылая угрозы своему ново-явленному врагу. А сон всё дальше уносил его в волшебное царство Бутъяспа.

Иснился королю долгий и трудный поход. Усталые воины в шлемах, запylённой одежде и со щитами в руках. Переправа через бурную речку. Долина в красных и белых цветах. Навстречу его королевской рати – несметные полчища неприятеля. Враги над ним откровенно смеются, скалят зубы. Но в битву вступать не хотят. А потом и вовсе ретируются, ловко и быстро скрываясь за холмами и рощами. Король бросается за ними вдогонку. Но всё напрасно, враг ускользает.

И вдруг, откуда ни возьмись,

из-за холма возникает всадник на странном жёлто-красном коне. И мчится во весь опор к королю. Впрочем, скоро король понимает, что это вовсе не всадник, а всадница. Волосы у неё короткие, стриженные. А в руке коса заплетённая, длинная. Король узнаёт её по этой косе.

«Фризанкуль, дочь моя!» – король спешно слезает с коня и бросается ей навстречу.

Фризанкуль с коня не слезает. Она испуганно оглядывается по сторонам и протягивает королю большой и очень красивый перстень с красным рубином. Король узнал этот перстень. Это же его собственный перстень, символ династии, он уже много поколений передаётся от отца к сыну. Король всегда носил его на указательном пальце.

«Откуда он у тебя?» – спрашивает в недоумении король.

«Спрячь его, спрячь скорей! – умоляет короля принцесса. – Заверни вот сюда, в мои волосы» – и протягивает ему свою длинную заплетённую косу.

«Ха-ха-ха!» – доносится чей-то неприличный надменный смех. Он явно не к месту, он оскорбляет и раздражает слух короля.

«Ну-ка, подать мне сюда нахала!» – приказывает король. Но кому исполнять приказ? Вокруг никого. Войско исчезло. Он один, один посреди необъятной пустыни.

Испугавшись, король открывает глаза и вскакивает на своём королевском ложе.

Утро в полном разгаре. Его покои наполнены светом. За окном заливаются птицы.

Напротив него, развалившись вальяжно в королевском кресле, сидит тот самый тип в белом переливающимся плаще.

– Доброе утро, ваше величество, – не скрывая ехидства в голосе, молвит незнакомец. – Что снилось сегодня? Не дочь ли, любезная Фризанкуль? Она скучает. Надеюсь, что сон был в руку?

Король в явном замешательстве. Он пытается что-то сказать, но слова предательски застревают в горле.

Ольга СОКОВА

Ольга Будимировна Сокова родилась 4 октября 1967 в Орле. Окончила художественно-графический факультет ОГПИ в 1991 году. Преподавала в художественной школе. В настоящее время свободный художник, член Товарищества орловских художников. Бард. Лауреат 1-го регионального конкурса исполнителей авторской песни им. В. Трахтенберга (2003).

Автор нескольких поэтических и прозаических книг.

МОИ ЛЮБИМЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Несколько лет назад я нашла брошенного кем-то старого пуделя, лежавшего, словно горка асфальта, на перекрестке, и взяла к себе жить. Филя медленно сходил по ступеням подъезда и также медленно ковылял по двору. За это время я успевала рассмотреть каждое дерево.

В моём дворе, который представился мне садом, росли три груши. Одну из них, независимо возвышающуюся над одуванчиками, я назвала «Дерево свободы». Подойдя к другой, можно было услышать: в толще ствола звучит музыка! Я назвала её «Музыкальная груша». Третья тянулась ветвями к арочному балкончику соседнего дома, потряхивая маленькими грушками, как золотыми серёжками!

Рядом каштан, выгнув красивое, сильное тело, приглашал осень на танец. И двор наполнялся весельем. Полная, массивная липа, вспомнив, какая была в молодости, балетно изогнула ножку-ветвь. А сирень, качая гроздьями, восхищённо аплодировала дворовому действию.

Только старый пенёк кривил трещину-рот, исподлобья поглядывая на древесную молодёжь. Но весной из распахнутого над ним окошка выглянула старушка и улыбнулась. Вслед за ней выглянула кошка и улыбнулась. Тогда пенёк поднял уголки трещины вверх и тоже улыбнулся.

За кулисами дворового сада приютилась яблоня — «Дерево моей души». С разных сторон она выглядела по-разному. Со стороны дороги в нижней её части зияла огромная рана-дыра. Всполошенные, разметавшиеся ветви, скрещиваясь, скручиваясь, рождали образы мифических существ. С другой стороны дерева раны не было заметно, и яблоня выглядела цельной и молодой. Она дарила людям сладкие зелёные яблочки, роняя их, как звёзды. Когда почти все плоды оказались на земле, я решила нарисовать дерево.

Паря над зигзагами гаражных крыш, яблоня бережно лелеяла в ладонях ярко-зелёное солнце — последнее не упав-

шее яблоко. Сколько заботы, внимания было в наклонённых к своему единственному «ребёнку» ветвях! Сколько стуков, переживаний в маленьком сердечке-дупле, наблюдающем за своим чадом! А небосвод струился ручьями меж ветвей и пел, радуясь древесному счастью. А ведь я слышала это пение в своей душе. Но почему же в моей жизни счастье материнства осталось нереализованным, способным проявиться лишь в символической форме, в уюте маленькой, защищённой от жизненных невзгод комнатухе холста?

...Дожил пудель Филя свой век, и я всё реже стала подолгу пребывать в своём дворе. Оказалось, в других местах города есть не менее интересные персонажи!

Огромный «салютный тополь», осенью посылающий в небо яркие жёлтые листочки. И кто додумался срубить этот салют? Около школы — древесный увалень, похожий на медведя, дерево-рогоносец с длинным носом, дерево-кисть руки с изящно выгнутыми пальцами. А на плотине, около самой воды, метёт длинными корнями-волосами по земле «Перевёрнутая женщина». Ногами, обтянутыми кожей, вверх тянется, словно в акробатике. Что же заставило её перевернуться с ног на голову, не буйство ли плотинной воды?

Я стояла на перекрёстке, словно на причале, наблюдая за непрекращающимся движением вокруг, и написала стихотворение:

*Среди асфальта, на перекрёстке
Стоят два древа, тверда кора,
И не боятся своего роста,
Ветвятся в небо: ура! ура!*

*А люди — мимо, смертней и мягче,
Как будто сделаны из желе,
Машины, словно спортсмены
в матче,
Ручьи под шинами в феврале.*

*И я в коричневой тёплой куртке,
Как будто дерево третье, ах,
На перекрёстке — какие сутки
Стяжаю счастье на всех ветрах.*

А недавно забрела туда, где снесли частный дом. Деревья-сироты не упали духом. Одно из них научилось жонглировать плодами. Другое протягивало их прохожим. Третье защищалось ветками-шпагами от неведомой опасности, словно гроза, невидимая рядом. Ветки-вены ввысь, а в голове полно мыслей-яблочек: угощайся, кто хочет! Соседнее дерево с силой закрутило ствол — выкручивалось из ситуации. В стволе — сквозная дыра в другой мир — поющая пещера. А весёлая яблоня на окраине бывшего дворика радостно несёт столько, сколько надо яблок, и не больше. Что бы ни случилось — всё ей нипочем!

Вчера вечером обнаружила, как преобразились деревья в темноте. «Яблоня моей души» частью ветвей окружила бледную, еле проступающую луну, ощущая ценность лунного домашнего очага. Другую часть ветвей со всей страстью устремила к манящей издалека неразгаданной, неясной свободе. И в этом противоречии стремлений она было красива! А за углом — освещённый витринами огромный каштан, загибая когтистые ветви, исполнял мистический танец. Пятиэтажка на другой стороне улицы, казавшаяся рядом с ним маленькой, испуганно поглядывала на древесного шамана. Так танцевало моё подсознание и что-то хотело сказать, выразить, выплеснуть. Что-то страшное и непонятное было в этом танце. И я нарисовала, изменила этот сюжет, придав дому смелость, а каштану спокойствие.

Брожу по окрестностям, читая свои чувства, желания, стремления в наклонах, направлениях, взмахах пластичных ветвей.

Лёгким, незримым духом Филя следует за мной, показывая, открывая взору то приютивший в облеветшей кроне разноцветные окошки клён, то пронизанную светом насквозь, пылающую от любовного жара местных фонарей иву. Деревья кивают мне, словно хорошей знакомой, радуясь моему приближению. И не скучно жить в мире, где все друг друга знают и любят. 2017

